

Выпуск № 4, 2025

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2025. Вып. 4

Научный журнал

Издаётся с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. Тюленева, д-р филол. наук (главный редактор серии) (Россия, Иваново)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (зам. главного редактора) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (зам. главного редактора) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (ответственный секретарь) (Россия, Иваново)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Полывянный, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, д-р ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл.,
г. Иваново, ул. Тимирязева, 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2025. Issue 4

Scientific journal	Issued since 2000
<p>The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications. Registry entry ПИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020</p>	
<p>The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 22.10.2021)</p>	
<p>Founded by Ivanovo State University</p>	

EDITORIAL BOARD:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

EDITORIAL COUNCIL:

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocherkassk)
N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D.I. Polyvyannyy, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K.A. Yudin, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region,
Ivanovo, Timiryazew str., 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can
be found on the web-sites
www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

Павловская О.А. Театральные образы в поэзии А.А. Григорьева	5
Горелов О.С. Птицы в поэзии Михаила Еремина: синтагматический ареал. Часть 1	12
Поляков О.Ю. Русская тема в поэме Д. Томсона «Времена года»	21
Пластинин П.Д. Значение лирического послания в творчестве Оскара Уайльда (на материале книги “The Poems”)	32
Таганов А.Н. «Непрозрачные» слова в структуре романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени»	39
Фу Даэнь. Из Европы в Россию: история непрямых переводов книги «Ши цзин» (1850—1930)	46

Языкоизнание

Маник С.А., Харламова В.А. Современные системы машинного перевода и их роль в передаче авторского стиля (на материале романа В. Набокова «Ада, или Отрада»)	54
Кокурина И.В., Ополовникова М.В. Репрезентация идиоматического образа трубки мира в немецкоязычной карикатуре	65
Агафонцев М.С. Языковые средства описания порицания, производимого врио губернатором, отраженные в самарских электронных СМИ	76

История

Суровова М.В. Промышленники Строгановы в русских поговорках	85
Балдин К.Е., Удалова О.С. Восточная экзотика в воспоминаниях россиян о посещении Ближнего Востока (2-я половина XIX — начало XX в.)	92
Пуневский Я.В. Самоуправление уездного города Мышкин Ярославской губернии в 1870—1914 годах	104
Заварин А.Д. «Эстонский след» в Ярославской области: источниковедческий обзор и анализ (конец XIX — 40-е гг. XX в.)	115
Комиссаров В.В. Город Иваново в художественных произведениях Николая Лобко: чертцы эпохи и особенности быта	125

Философия

Васюков В.Л. Метафизические аспекты философии сознания	134
Тайсина Э.А. Сознание существует и не существует, выражается и не выражается в языке	142
Турчин А.С. Динамика образа мира курсанта военного вуза	155
Кабаков С.Т. Принцип сложности в социальной философии Эдгара Морена	165
Миловзорова М.А., Раскатова Е.М., Смирнов Д.Г. Кинофилософия Тарковского: опыт концептуального осмысления	171
Меликян М.А., Ветчинин Н.М., Сидоров М.В. «Язык» цифрового сознания: к постановке проблемы	179

Рецензии

Таганов А.Н. Жизнь, посвященная науке. <i>Рец. на кн.</i> : Эстафета поколений. Ученники и коллеги в честь юбилея профессора Зои Ивановны Кирнозе / ред. колл.: В.Г. Зусман, К.Ю. Кашлявик, Е.А. Сакулина. СПб.: Алетейя, 2024. 532 с.	186
Юдин К.А. “Don’t shoot! G-men, don’t shoot!”: Джимены на страже «нового курса» Ф.Д. Рузельта в новейшей историографии. <i>Рец. на кн.</i> : Левин Я.А. ФБР и внутренняя безопасность США в 1908—1941 гг. Самара: СГТУ, 2024. 194 с.	191

CONTENTS

Philology

Literary criticism

Pavlovskaya O.A. Theatrical images in the poetry of A.A. Grigoriev	5
Gorelov O.S. Birds in the poetry of Mikhail Veryomin: the syntagmatic range. Part 1.....	12
Polyakov O.Yu. The Russian theme in J. Thomson's poem "The Seasons"	21
Plastinin P.D. The meaning of an epistle in Oscar Wilde's works (based on the book "The poems")	32
Taganov A.N. "Opaque" words in the structure of Marcel Proust's novel "In Search of Lost Time"	39
Fu Daen. From Europe to Russia: a history of indirect translations of the "Shijing" (1850—1930).....	46

Linguistics

Manik S.A., Kharlamova V.A. Modern machine translation systems and their role in conveying author's style (based on the novel "Ada, or Ardor" by V. Nabokov)	54
Kokurina I.V., Opolovnikova M.V. Representation of the idiomatic image of the peace pipe in german-language cartoon	65
Agafontsev M.S. Linguistic means of representing the acting governor's criticism in Samara online media	76

History

Surovova M.V. Industrialists Stroganovs in Russian proverbs	85
Baldin K.E., Udalova O.S. Oriental exoticism in the memoirs of Russians, visiting the Middle East (second half of the XIX — early XX centuries)	92
Punevsky Y.V. Self-Government of the district town of Myshkin, Yaroslavl province, in 1870—1914	104
Zavarin A.D. "Estonian trace" in the Yaroslavl region: source study review and analysis (late XIX — 40-ies of the XX century)	115
Komissarov V.V. The city of Ivanovo in Nikolai Lobko's artistic works: features of the era and characteristics of everyday life	125

Philosophy

Vasyukov V.L. Metaphysical aspects of the philosophy of mind	134
Tajsina E.A. Consciousness does exist and does not exist, it is expressed and is not expressed in language	142
Turchin A.S. Dynamics of the worldview of a military university cadet	155
Kabakov S.T. The principle of complexity in social philosophy of Edgar Morin	165
Milovzorova M.A., Raskatova E.M., Smirnov D.G. Tarkovsky's film philosophy: case of conceptual understanding.....	171
Melikyan M.A., Vetchinin N.M., Sidorov M.V. "The language" of digital consciousness: towards the statement of the problem.....	179

Reviews

Taganov A.N. A life dedicated to science. <i>Book review</i> : The Relay race of generations. Students and colleagues in honor of the anniversary of Professor Zoya Ivanovna Kirnose, ed. by colleagues: V.G. Zusman, K.Y. Kashlyavik, E.A. Sakulina, St. Petersburg: Aleteya, 2024, 532 p.	186
Yudin K.A. "Don't shoot! G-men, don't shoot!": G-men on guard of F.D. Roosevelt's «New Deal» in the most recent historiography. <i>Book review</i> : Levin Ya.A. The FBI and US Internal Security in 1908—1941, Samara: SSTU, 2024, 194 p.....	191

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 5—11.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 5—11.

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1

EDN <https://elibrary.ru/weeppm>

DOI: 10.46726/H.2025.4.1

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ А.А. ГРИГОРЬЕВА

Ольга Алексеевна Павловская

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

pavlovskaya32@yandex.ru

Аннотация. Интерес к театру, вызванный на раннем творческом этапе профессиональными задачами А.А. Григорьева — критика и рецензента журнала «Репертуар и Пантеон», достаточно рано и прочно укореняется в художественных иска-ниях литератора. И в «москвитянинский» творческий период внимание к состоянию театра и русского сценического искусства окажется в художественной практике поэта способом продвижения реалистических принципов в литературе и искусстве. Поэтический фокус автора вычленяет в театральном мире две группы образов, находящиеся по разные стороны сцены — актера и зрителя. Романтическое, наполненное противоречиями мироощущение поэта склонно идеализировать театральный мир, возводя на высокий пьедестал его подлинных служителей (актер П.С. Мочалов), и доверять тайны исполнительского искусства своему лирическому герою, обладающему высокой восприимчивостью и впечатлительностью. Сблизившись с редакцией журнала «Москвитянин», А.А. Григорьев-поэт выражает идеи жизненной правды на сцене и исполнительского искусства с высокой степенью достоверности (П.М. Садовский). Приемы драматизации поэзии позволяют вычленить визуально-звуковые доминанты театраль-ного образа, сопровождая эти принципы конкретными зарисовками персонажного ряда. В драматическом образе середины XIX века А.А. Григорьев-поэт подчеркивает органичность, эпичность и жизненную пластичность, соразмерные самой русской дей-ствительности и национальному характеру.

Ключевые слова: театр, театральный образ, драматизация лирики, исполнитель-ское искусство

Для цитирования: Павловская О.А. Театральные образы в поэзии А.А. Григо-рьева // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 5—11.

Имя А.А. Григорьева — поэта, критика, прозаика и драматурга — яв-ляется отнюдь не случайным в театральном мире середины XIX века. Именно

в этой среде разворачивался опыт становления начинающего литератора: в середине 1840-х годов А.А. Григорьев активно участвует в издании журнала «Репертуар и Пантеон», публикует многочисленные театральные рецензии, для чего намеренно погружается в театральную жизнь времени. Нетрудно предположить, что сценические явления 40-х годов XIX века, в которых доминировали романтические установки — страсть, доведенная до аффекта, риторика и психологические коллизии — оказались близки творческой натуре молодого литератора с его склонностью к романтической рефлексии, психологической аффектированности.

В свое время известный литературовед Б.Ф. Егоров очень удачно, на наш взгляд, охарактеризовал ранний период творческой деятельности А.А. Григорьева как «гоголевский» [Егоров: 7—8]. Действительно, повышенная впечатлительность, эмоциональность этого автора непроизвольно возвращают нас к гоголевскому мировосприятию, в том числе сценического искусства. Но одновременно эти проявления творческого мироощущения А.А. Григорьева укоренятся в его художественном мире и будут определять его жизненное и творческое амплуа как «последнего романтика».

Думается, в таком творческом самоопределении, закрепившемся в литературных и читательских кругах благодаря самому автору («Одиссея последнего романтика» — название творческого метатекста), сфокусирована и переходная литературная эпоха 40-х годов XIX века, ее противоречия и художественные искания, и в том числе кризисность романтических установок, нарастающие после «натуральной школы» тенденции реалистического искусства как в прозе, так и в поэзии. В этом смысле творческая натура А.А. Григорьева по-своему показательна для историко-литературного процесса: он наследует гоголевскую впечатлительность и повышенную чуткость к искусству, стремится вжиться (включиться, понять) в процессы современности и даже стать их активным участником и катализатором. И многое ему удавалось благодаря неуемному личному темпераменту и направленности собственных творческих интуиций к разным сферам искусства.

Сценическое искусство, в частности исполнительское мастерство, стало объемным предметом художественно-образной интерпретации А.А. Григорьева в прозе («Один из многих», «Последний трагик» и другие рассказы). Однако интертекстуальные скрепы формирующегося текста (к примеру, «Отрывок из книги “Одиссея о последнем романтике”») позволяют расширять сферу литературно-творческой рефлексии А.А. Григорьева и активно включать в творческий круг поэзию автора.

Интермедиальный подход в осмыслиении художественного наследия А.А. Григорьева позволяет обнаруживать неожиданные сопряжения разных сфер творческой деятельности. И одним из результатов такого взаимодействия театрального искусства и поэзии оказывается поэтический образ, сублимирующий тенденции переходной эпохи, отражающий личностные наклонности и субъективно-ценностные ориентации автора, образ из театрального мира, сотканный из персонажного ряда исполнительского амплуа актера — Павла Мочалова. Благодаря особенностям поэтического сознания и творческой интуиции А.А. Григорьева, театральные основы исполнительского искусства кристаллизуются, трансформируются в смежную творческую сферу и получают новые формы художественного представления.

Так, в известной благодаря своей неоднозначно шумной репутации стихотворной триаде «Искусство и правда (Элегия — ода — сатира)» (1854) А.А. Григорьев развивает публицистические идеи о судьбе русского театра. Актуализации

проблемы, ее масштабированию и одновременно заострению личностной рефлексии во многом способствует прием циклообразования. Такая доминанта русского театра, как исполнительское искусство, обеспечивающее его будущее, в художественной концепции Григорьева формируется в прошлом и настоящем. Принцип триады, с одной стороны, позволял преодолеть антиномичность поэтического мироощущения автора, и, с другой стороны, открывал авторскую позицию в общественных спорах о театральном искусстве. Доказательства последнего обнаруживаются уже в авторском подзаголовке к стихотворению: «Элегия — ода — сатира». В этой тройственной комбинации неожиданно пробивается жанровое сознание поэта середины и второй половины XIX века: пафос похвальной оды, обращенной к знаковым для русской сцены персонажам и драматургам — Любим Торцов из пьесы А.Н. Островского «Бедность не порок», художественно вычленяет и укрупняет эти достижения русского театра и ставит в оппозицию (по принципу классицистической иерархии жанров ода — сатира) к театральной деятельности французской актрисы Рашиль (часть III). В свою очередь элегическая традиция первой части стихотворения открывает ретроспекцию исполнительского искусства и одновременно проясняет субъективно-оценочные ориентиры самого автора. Из истории публикации стихотворения известно, что Григорьев отказался от раннего подзаголовка «Славной памяти Павла Степановича Мочалова и живой славе Александра Николаевича Островского и Прова Михайловича Садовского», что, на наш взгляд, во многом способствовало поэтической универсализации сценических приемов воплощения образа. Но при этом поэтическая интуиция автора живо реагирует и на изменения в исполнительском искусстве, вызванные художественными сдвигами, в частности движение от романтизма к реализму. Для А.А. Григорьева — свидетеля и активного участника этих процессов — важно и другое: в основе сценического исполнения, независимо от художественных веяний эпохи, должны быть подлинность и правдивость как некий гарант национального проявления в искусстве.

Театр «былой поры» подобно поэтическому калейдоскопу представлен романтическими образами с визуальными и звуковыми акцентами:

Я помню бледный лик Гамлета,
Тот лик, измученный тоской...
...
И слышал я, как он язвил,
В тоске больной и безотрадной... [Григорьев: 89].

Поэтическая память, воскресающая и оживляющая эти сценические зарисовки, удерживает и эмоциональную доминанту их зрительского восприятия («И помню я лицо иное, / Иные чувства прожил я...»). На примере театральных текстов А.А. Григорьева (поэзия и проза) можно говорить об интереснейшем опыте взаимодействия и перекодировки смежных творческих сфер: художественный текст наполняется зрительскими впечатлениями и строится на театральных образах. Очевидно и другое: заметная одноплановость переживаний лирического героя как зрителя обусловлена романтическими вариациями персонажного ряда (Гамлет, король Ричард, Ромео, Отелло) с устойчивыми постановочными элементами. Думается, в этом недостаточно видеть только жанровую установку — театральный мир, исполнительское искусство в художественной интерпретации А.А. Григорьева оказывают сильнейшее воздействие на зрителя («Толпа, как зверь голодный, выла, / То проклинала, то любила... / Всесильно властновал над ней / Могучий, грозный чародей»), это та творческая сфера,

в которой герой растворяется и пытается обрести гармоническое мироощущение как основу своего бытия. Романтический опыт зрительских переживаний, упорядоченный в элегической форме первой части стихотворения, приобретает исповедальную функцию, воспринимается как поэтическое откровение автора. Намеченный нами дискурс рецептивной поэтики театральных текстов А.А. Григорьева предполагает и внимание к ключевой фигуре русской сцены 30—40-х годов XIX века — актеру Павлу Мочалову, актерское амплуа которого и запечатлено в этой части стихотворения. В истории сценического искусства он остался как «великий трагик», перед его талантом преклонялись В.Г. Белинский, Н.В. Гоголь... Элегический текст А.А. Григорьева — это очередной венок-посвящение, в котором автор находит новые формулы превознесения и почитания его актерского дарования: «Могучий, грозный чародей», «Волшебник нам передавал», «старый властелин». Более того, исповедальность элегического текста подчеркивает особую значимость этого русского актера и созданных им сценических образов для Григорьева — театрального деятеля. На примере актерского мастерства П. Мочалова Григорьев декларирует важнейшие принципы исполнительского искусства, выработанные в «былую пору» и унаследованные русскими актерами середины и второй половины XIX века:

Ему мы верили; одним
С ним жили чувством...

...
Мы *правду* в нашем трагике любили,
Трагизма *правду* с ним мы хоронили... [Григорьев: 89—90].

Элегический настрой поэта обусловлен и тем, что в судьбе Мочалова он обнаруживает родственную духовную драму («Ты был один, останешься один!»), позволившую актеру реализовать свое амплуа трагика и отмеченную высокой печатью романтической эпохи. В этой связи эпиграф из стихотворения М.Ю. Лермонтова («О, как мне хочется смутить веселье их / И дерзко бросить им в лицо железный стих / Облитый горечью и злостью!») также задает романтический вектор авторского мировосприятия, предопределяя мотив одиночества творческой личности — актера и поэта, и одновременно выступает скрепой циклизации, так как вступает во взаимодействие с сатирическим пафосом последней части стихотворения. Параллели, намеченные Григорьевым в творческом сопряжении своей судьбы и русского трагика П. Мочалова, концептуализируют мотив одиночества в искусстве, что позволило поэту художественно закрепить свое творческое амплуа как «последний романтик», подобно актерскому амплуа Мочалова — «последний трагик».

Оригинальность актерского дарования П. Мочалова неоднократно будет в сфере поэтической рефлексии А. Григорьева. Так, в романтической поэме “*Venezia la bella*” лирический герой А.А. Григорьева в свойственной исповедальной манере приоткрывает «закулисье» своей души и вновь отсылает к театральным кумирам, чей актерский рисунок ему близок, понятен и удобен для самопрезентации на жизненной сцене:

... Романтик с малолетства
До зрелых лет — увы! я сохранил
Мочаловского времени наследство
Я, как Торцов, «трагедии любил».
...
Мочаловский заветный идеал
Невольно предо мною рисовался... [Там же: 214].

Однако Мочаловские традиции, соотнесенные с образом лирического героя, его игровым поведением становятся лишь поводом для волны лирических излияний, обнажают душевный разлад героя, вызванный утраченными идеалами и провалом своих актерских ролей в жизни.

Поэтического интродукция собственного текста, к которой прибегает Григорьев в поэме “Venezia la bella”, становится значимой для создания психологического облика лирического героя, в частности, открывается его игровой потенциал, подготовленный культурным и театральным опытом. Однако душевная драма героя намеренно романтизирована как драма несостоявшегося актерства. Стихия романтических переживаний в поэме трагедийно заряжена, и в драматической судьбе лирического героя сублимирован и субъективный опыт актерской нереализованности.

Следуя принципу триады, А.А. Григорьев переключает эмоциональный настрой во второй части стихотворения на оптимистический. Полнота и объемность приподнятых чувств лирического героя связаны с состоянием театрального мира:

Там — целый мир, мир полный и живой...

...

Великорусская на сцене жизнь пирует... [Григорьев: 92].

Поэт снимает романтический флер и маски со сцены и эпическими мазками создает оду театру как жизни, и кумиру русской драматургии и сцены — А.Н. Островскому. Актуальные для Григорьева вопросы исполнительского искусства перенесены в сердцевину театрального действия — драматический образ, от его игровой многогранности, драматической заостренности зависит сценическая постановка.

Форма лирического сознания, важная для передачи рецепции театрального мира, масштабируется, что также соответствует одицкой традиции: лирический голос автора растворяется в зрительской реакции. Усилинию эпического звучания текста способствует и персонификация игрового образа — герой из комедии «Бедность не порок», Любим Торцов:

Стоит с поднятой головой,
Бурнус напялив обветшалый,
С растрепанною бородой,
Несчастный, пьяный, исхудалый,
Но с русской, чистою душой [Там же].

Эпичность и реалистичность образа базируется на характерологических принципах — внешних и внутренних. Многогранность образа в пьесе Островского — это соединение крайностей русского характера, русской жизни, русского мира: несчастья, пьянство, бедность. Но и способность национального героя к самопреодолению, к самоочищению, сохранению своей души.

В игровой многогранности драматического образа синтезируется высокое и низкое, трагическое и смешное, что также в полной мере отвечает широким жизненным установкам и соответствует зрительским ожиданиям:

Скорей в театр! Там ломятся толпами,
Там по душе теперь гуляет быт родной,
Там песня русская свободно, звонко льется,
Там человек теперь и плачет, и смеется [Там же].

Для А.А. Григорьева цельность драматического образа, открытая А.Н. Островским, знаменует и новый шаг в исполнительском искусстве, ибо требует мобилизации актерских возможностей в плане органичности, достоверности

воплощения характера, что удалось реализовать Прову Садовскому в постановке Малого театра. Оптимистический настрой второй части стихотворения сублимирует зрительские впечатления и личностные открытия поэта, связанные с поисками гармонии и жизненности в сценическом искусстве.

В заключительной части стихотворной триады авторские сентенции усилены сатирическим неприятием такой стороны театральной действительности, как преклонение перед иностранными исполнителями. Публицистическая направленность поэтического текста связана и судьбой русского театра, и с судьбой русского актера, чье мастерство как эталонное уже способно соперничать с западноевропейскими практиками. Благодаря сатирической заостренности стихотворной части ее поэтическая энергетика аккумулирует силу и эмоциональное воздействие правды в искусстве и на сцене:

Лиши в сердце истина: где нет живого чувства,
Там правды нет и жизни нет...
Там фальшь — не вечное искусство! [Григорьев: 90].

Под прицелом сатирических выпадов Григорьева оказываются внешние сценические эффекты («Столодвижение, иные ухищренья...»), как нечто чуждое национальным сценическим основам:

У нас иная жизнь, у нас иная цель! [Там же].

Сатирическая направленность способствует обоснованию авторской позиции: лирический субъект не разделяет общих зрительских эмоций. Однако это уже не одинокая романтическая личность. Вера в правду сценического искусства укрепляет голос лирического субъекта, наращивает силу его убедительности: как и во второй части стихотворения, в поэтической энергии субъекта аккумулируется сила большинства, формирующего и утверждающего новые национальные основы театрального искусства.

Поэт, наделенный тонкой, противоречивой душевной организацией, неоднократно обожествляет мир театра, как и служителей Мельпомены. В стихотворном посвящении «Артистке» (1846) А.А. Григорьев создает высокий поэтический образ служительницы храма, в котором статуарная пластика («Как изваянье, холдна, / Как изваянье, ты прекрасна, / Твое чело — спокойно-ясно; / Богов служенью ты верна») оживляется внутренними переживаниями («Твой шепот, страстью вдохновленный, / Твой лихорадочный порыв»). Образ заметно романтизирован, отражает мировосприятие автора и, в частности, его противопоставленность зрительской массе как «толпе упившихся рабов». Лирический герой А. Григорьева приобщен к таинству театра, входит в чертоги этого храма и берет на себя высокую миссию его защиты. Этот небольшой текст был создан за несколько лет до написания стихотворения «Искусство и правда», но именно контекстное прочтение произведений позволяет понять истоки той позиции, которую автор выразил в более позднем стихотворении. Неслучайно, что в рассуждении о театре поэт включает сентенции о русской ментальности, о русской религиозности:

И правду любит Русь, и правду понимать
Дана ей Господом святая благодать;
И в ней одной теперь приют себе находит
Все то, что человека благородит [Там же: 93].

Поэт вновь обожествляет силу театрального искусства, видит в его облагораживающем проявлении Божественное соучастие. Однако состоятельность этого воздействия соразмерна правде самого Творца. И для А. Григорьева это не рамки театрального искусства, а глубинные истоки, неисчерпаемая сила, вечность.

Итак, театральные образы в поэтических произведениях А.А. Григорьева свидетельствуют о сложной, интенсивной работе поэта над ключевыми общественно-значимыми проблемами эпохи середины XIX века, связанными

с состоянием искусства, театра, его судьбы. Художественные искания автора фокусируются на ключевых для понимания истории русского театра образах — актера, его исполнительского мастерства. Театральный образ многогранен и динамичен, подчинен веяниям эпохи, сублимирует ее тенденции, благодаря чему Григорьеву удается показать театральное искусство в движении, как смену эпох и этапов. Театральный образ вбирает и эмоциональную силу поэтического звучания, становится средством публицистического высказывания автора, в частности выражения славянофильских идей, и способом воздействия на читательскую аудиторию.

Список литературы / References

- Григорьев А.А. Сочинения: в 2 т. / сост. и comment. Б. Егорова, А. Осповата. М.: Худ. лит., 1990. Т.1: Стихотворения; Поэмы; Проза. 607 с.
 (Grigoriev A.A. Writings: in 2 vols., ed. by B. Egorov, A. Osipovat, Moscow, 1990, vol. 1: Poetry; Poems; Prose, 607 p. — In Russ.)
- Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев — литературный критик // Григорьев А.А. Литературная критика / сост. и comment. Б. Егорова. М.: Худ. лит., 1967. С.3—39.
 (Egorov B.F. Apollon Grigoriev — literary critic, *Grigoriev A.A. Literary criticism*, ed. by B. Egorov, Moscow, 1967, pp. 3—39. — In Russ.)

THEATRICAL IMAGES IN THE POETRY OF A.A. GRIGORIEV

Olga A. Pavlovskaya

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pavlovskaya32@yandex.ru

Abstract. A.A. Grigoriev's interest in theater, which was sparked by his professional duties as a critic and reviewer for the journal "Repertoire and Pantheon" in his early career, became a strong and lasting influence on his artistic pursuits. During his "Moskvityanin" period, his focus on theater and Russian stage art became a means of promoting realistic principles in literature and the arts. The author's poetic lens highlights two distinct groups of characters in the theater world: the actors and the audience. The poet's romantic, contradictory worldview tends to idealize the theatrical world, elevating its true servants (the actor P.S. Mochalov) to a high pedestal, and entrusting the secrets of performing art to his lyrical hero, who possesses a high level of sensitivity and impressionability. By becoming close to the editors of the magazine "Moskvityanin", A.A. Grigoriev, the poet, expresses the ideas of truth in life on stage and performing arts with a high degree of authenticity (P.M. Sadovsky). The techniques of dramatizing poetry allow us to identify the visual and auditory dominants of the theatrical image, accompanied by specific character sketches. In the dramatic image of the mid-19th century, the poet A.A. Grigoriev emphasizes the organicity, epicness, and vital plasticity that are commensurate with Russian reality and the national character.

Keywords: theater, theatrical image, dramatization of poetry, performing arts

For citation: Pavlovskaya O.A. Theatrical images in the poetry of A.A. Grigoriev, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 5—11.

Статья поступила в редакцию 07.06.2025; одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 07.06.2025; approved after reviewing 14.07.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Павловская Ольга Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, кафедра отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, pavlovskaya32@yandex.ru, SPIN-код: 5499-1469

Pavlovskaya Olga Alekseevna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pavlovskaya32@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 12—20.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 12—20.

Научная статья

УДК 821.161.1-1:82-1:81'42

EDN <https://elibrary.ru/wwduib>

DOI: 10.46726/H.2025.4.2

ПТИЦЫ В ПОЭЗИИ МИХАИЛА ЕРЕМИНА: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АРЕАЛ. ЧАСТЬ 1

Олег Сергеевич Горелов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

og-rus@inbox.ru

Аннотация. В статье предлагается специальный филологический анализ орнитологических концептов и образов на материале корпуса стихов классика неофициальной советской и современной русской поэзии Михаила Еремина (1936—2022). Подобный филоритологический анализ разворачивается в двух направлениях: изучение синтагматического ареала образа птицы и семантического ореола концептуального образа птицы. Статья является частью общего исследования и содержит результаты анализа синтагматического ареала, под которым понимается позиционный характер текстовых реализаций образа птицы, определяемых особенностями сочетания с другими образными элементами и структурным положением в пределах стихового ряда, строфы и произведения в целом. Были выявлены закономерности структурной позиции образов птиц в строке и тексте в целом, их образного соседства (например, связки Птица и Дерево, Птица и Зерно) и стоящей за ним иконографии типов и сюжетов. Во второй части исследование синтагматического ареала будет продолжено анализом особенностей иконологии образа птицы в поэзии Еремина, специфики распределения и функциональной динамики образа, на понимание которой влияет парадигматический, полисценарный характер нарративного мышления поэта и бытования его стихотворений в целом.

Ключевые слова: новейшая современная поэзия, птицы, орнитологический код литературы, синтагматика, художественный образ, нарратология, иконография текста, иконология текста

Для цитирования: Горелов О.С. Птицы в поэзии Михаила Еремина: синтагматический ареал. Часть 1 // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 12—20.

Поэзия Михаила Еремина представляет особую породу натурфилософской и метафизической лирики, в которой сложное языковое мышление, синтаксическая многоплановость сочетаются с чувством органической включенности человека и искусства в мир природы. Его поэтика уже рассматривалась в контексте современных экопоэтических теорий и концепции технического воображения, соединяющего в случае Еремина научно-технические и природные мотивы [Родионова], а его поэтическая натурфилософия в той или иной степени становится предметом научно-критического разговора о поэте на протяжении уже нескольких десятилетий. Ракурс этого исследования — орнитологические образы в поэтической природной системе — более конкретный, может быть, частный, впрочем, он может предоставить возможности для новых обобщений.

Собственно филологический разбор орнитологических художественных образований, что я предлагаю называть *филорнитологическим анализом*¹, является аналитической альтернативой до появления связной и цельной теории орнитологического кода литературы. В этот раз такой анализ проводился в двух направлениях: изучение *сигнагматического ареала* образа птицы и *семантического ореола* концептуального образа птицы.

Предмет этого двухчастного исследования — *сигнагматический ареал* птицы, под которым понимается позиционный характер текстовых реализаций образа птицы, определяемых особенностями сочетания с другими образными элементами и структурным положением в пределах стихового ряда, строфы и произведения в целом. Исследование сигнагматического ареала направлено на выявление закономерностей структурной позиции, *соседства, распределения* и *функциональной динамики* образа. В свою очередь, семантический ореол образа будет означать совокупность авторских и контекстуальных смысловых наслойений, подвижное смысловое поле, формирующееся вокруг основного значения образа и отражающее индивидуальные, контекстуальные и символические интерпретации в художественном тексте.

Материалом исследования было выбрано собрание стихотворений и переводов Михаила Еремина, вышедшего в 2021 году [Еремин]². В этот том вошли 347 оригинальных стихотворений, из них 79 содержат образы реальных и мифологических птиц, а также их части и атрибуты (перо, крыло, клюв, гнездо и др.), что составляет 22,77 % общего количества текстов, а конкретные виды птиц встречаются в 59 текстах (17 %), что в целом говорит об устойчивом присутствии в поэтическом мире орнитологического феномена.

Художественная практика Еремина длилась не одно десятилетие (с конца 1950-х по начало 2020-х), а потому было интересно проследить общую динамику, рассчитав среднюю долю птичьих текстов в каждом десятилетии. Выяснилось, что высокая доля текстов с орнитонимами и их производными устанавливается только в 1970-е гг. — 36,84 % (7 из 19 текстов всего), далее она удерживается в 1980-е — 16,67 % (8 из 48), в 1990-е — 19,05 % (8 из 42), в 2000-е — 14,85 % (15 из 101), в 2010-е — 14,29 % (17 из 119), в 2020-е — 14,29 % (1 из 7). В ранние годы доля скакает из-за малого количества текстов, включенных в это конкретное собрание: 1950-е — 50 % (3 из 6), в 1960-е — 0 % (0 из 5).

При общих подсчетах учитывались все номинации: *родовые* (птица), *видовые* (напр., сова) и *частно-видовые* (напр., неясить), при этом в результате родовые и видовые распределились примерно поровну: 21 родовая (из них — *птица* (14), *птичий* (4), *птенец* (1), *пернатый* (2)) и 27 (с повторами) видовых номинаций. Виды в поэтическом контексте зачастую приобретают у Еремина родовое звучание — это конкретный вид или конкретная «особь» в своей вечной, подчас мифологической функции и с набором общих, а не частно-видовых сем. Возможно, поэтому родовые и видовые обозначения в итоге сбалансировались.

Общий видовой состав птиц в поэзии и переводах Михаила Еремина отображен в таблице. За рамками этого свода видовых орнитонимов оказались названия различных мифологических птиц, не совпадающие с названиями реальных птиц (например, феникс в отличие от золотого петушка), а вообще

¹ См. первую попытку такого анализа здесь: [Горелов].

² Далее все стихотворные тексты цитируются по изданию: [Еремин] с указанием в скобках номера страницы.

мифологических птиц в поэзии Еремина шесть (*стрикс, феникс, жар-птица, двуглавый орел, золотой петушок* и авторская *полуптица-полутяжесть*). Разумеется, в этих подсчетах не учитывались и крылатые мифозои: *китовраска, дракон и сфинкс*.

Виды птиц (орнитонимы) в поэзии М. Еремина

№	Орнитоним	Оригинальные стихотворения	Переводы	Реализованные формы номинации (в оригинальных текстах)
1	Альбатрос		+	
2	Вальдшнеп	+		вальдшнеп
3	Выпь		+	
4	Воробей	+		воробыной
5	Ворон	+	+	ворон, враном, вороньем, ворон, ворону
6	Ворона		+	
7	Галка	+		галок
8	Голубь	+	+	голубями, голубей, голуби
9	Грач	+		грачи
10	Гусь	+		гусь
11	Жаворонок	+		жаворонка
12	Журавль	+		журавлину
13	Коршун		+	
14	Кряква	+		кряквой, селезень
15	Курица	+		курьих, петушка
16	Лебедь	+		лебяжий
17	Неясыть	+		strix
18	Орел	+		орла
19	Пеликан	+		пеликаньих
20	Сокол		+	
21	Соловей	+	+	соловьиных
22	Сорока	+		сорока
23	Сова	+		совы, совиных, совиные, со-вой, сова
24	Стриж	+		стрижа
25	Чайка	+	+	чайки (2)

В оригинальных текстах в итоге оказалось 20 видов птиц, а в переводах — 9, в том числе 4 общих вида (*ворон, соловей, чайка, голубь*) и 5 новых, встречающихся только в переводах (*выпь, коршун, сокол, альбатрос, ворона*). Удивительно, что серая ворона, частый вид и в литературе, и в природе, ни разу не встречается в оригинальных произведениях. И даже единожды встречающийся образ *воронья*, под которым можно понимать стаю как ворон, так и воронов, по всей видимости, состоит все же из воронов, поскольку именно за ними закреплено повторяющееся в нескольких текстах действие выклевывания глаз. *Ворон* в целом наряду с *совой* становится самым частотным видом (по 5 раз), далее расположены *голубь* (3), *курица*, *кряква* и *чайка* (по 2 раза), в остальном — единичные встречи.

Анализ синтагматического ареала образа птицы проводился в три этапа: *формально-позиционный, иконографический и иконологический*.

Формально-позиционный этап осуществлялся в основном в двух ракурсах — ближний ареал, то есть микроконтекст строки и *позиция орнитонима в строке* (рис. 1) и средний ареал, *позиция орнитонима в тексте* (рис. 2).

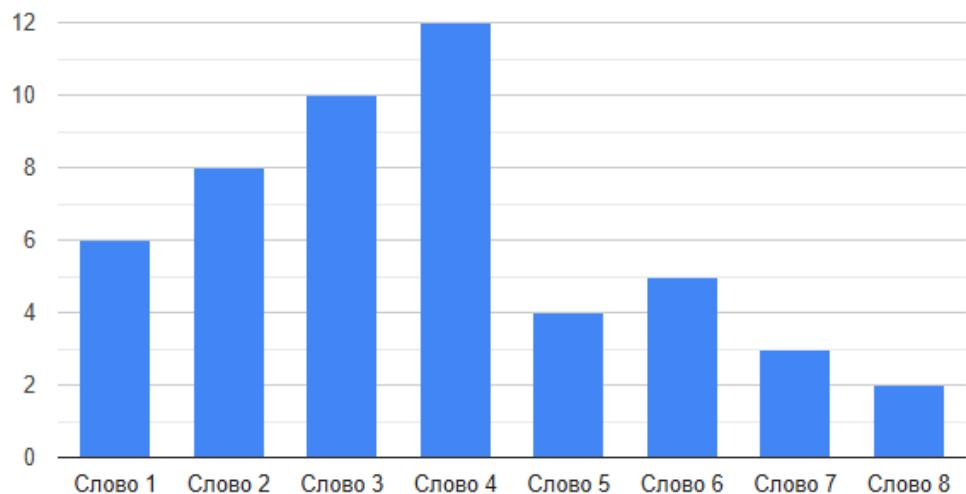

Рис. 1. Позиция орнитонима в строке

Первым словом в строке орнитоним оказывается 6 раз (*совиных, птичий, лебяжий, птенца, пернатым, сова*), и это в основном прилагательные и родовые номинации; в середине строки птичий образ встречается 27 раз — предсказуемо с точки зрения вероятности самая частая позиция, а на втором по частотности месте располагаются орнитонимы в конечной, рифменной позиции — 15 раз (*сезлезень, сорока, жаворонка, грачи, враном, чайки, птица, птицы, вороньем, голубями, совой, птичий, птица, пеликаных, птиц, чайки*), и здесь уже, как правило, видовые субстантивные номинации. Чаще всего птицы у Еремина оказываются 4-м словом в строке (12 раз), реже всего — 8-м (всего 2). При этом строка у Еремина редко превышает восемь слов, максимальное число слов в рассматриваемых текстах — 12, таких строк всего две, и одна из них с птицей, которая открывает стих (*«Сова и мышь, и щука, и карась. И даже в том краю...»*), а в одной строке с девятью словами птичья позиция седьмая (*«Общины малых горожан, таких как, скажем, голуби и крысы...»*).

В среднем орнитоним чаще выпадает на первые четыре слова строки (70 % всех случаев), что можно интерпретировать как формально — в среднем в ереминской строке не больше пяти слов, и тогда птицы оказываются скорее в конце строки, так и содержательно — птицы у Еремина формируют сцену или микросюжет, оказываясь в начальной позиции субъекта, за которым следуют предикаты и объекты (напр., *«И птица загодя от бури хоронится...»*, *«Повисли совы на сосновых сучьях...»* и др.), гораздо реже они являются одним из членов перечисительного ряда, описывающего окружающую обстановку.

Распределение по строкам в тексте стабильно ложится на восемь строк, поскольку каждый текст Еремина — это восьмистишие без заглавия (единственный раз название вида вошло в заголовочный комплекс как квазипосвящение — это латинское обозначение неясыти *strix* (38)).

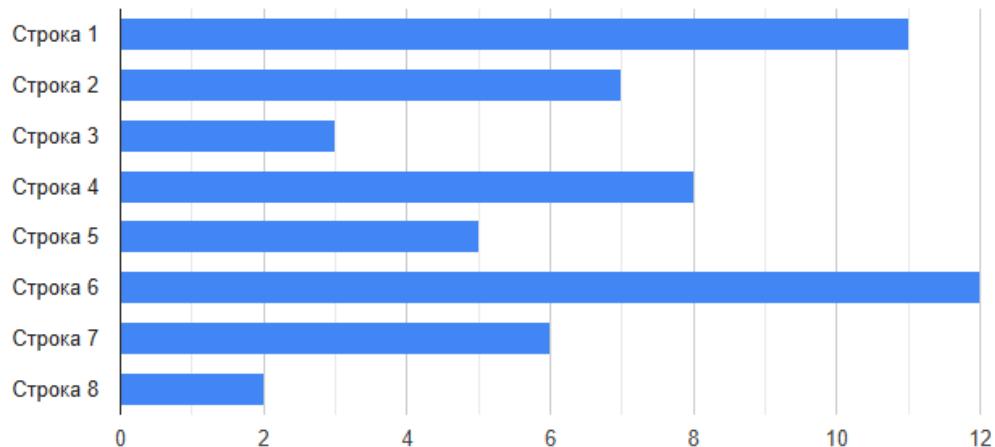

Рис. 2. Позиция орнитонима в тексте

Чаще всего птицы встречались в 6-й строке (12 раз, 24 %), рядом с композиционным золотым сечением, если таковым считать конец пятой и начало шестой строки в восьмистрочном тексте. Функциональных значений появления птицы в этом месте несколько: 1) возвращение к основной мысли после вставной конструкции, это самый редкий вариант, один случай (51); 2) завершение вставной конструкции, заключительной частью которой оказывается образ птицы (222, 227, 345); 3) перелом сюжета, начало пунта (176, 322, 358); 4) распределение птицы как члена перечисления, антиэмфатическое использование и отсутствие какой-либо кульминации (198, 238, 329); 5) эмфатическое использование на стыке 5-й и 6-й строки, смысловое акцентирование, иногда в составе анжамбемана (283, 122, 303). Также на 5-ю и 6-ю строки приходятся вставные конструкции с описанием перьев (103, 165) и появление метафорической птицы: «полуптица-полутяжесть / Белее крыльев, явственных во сне» (85).

Еще одна позиция-лидер — 1-я строка (11 раз, 22 %), что говорит о не фоновом обращении к орнитологической образности. А 8-я строка как раз реже всего принимает птиц — 4 %, всего два раза: «Лебяжий пух в паросского спрессован ловеласа» (60), «Вкушается рагу из соловьиных язычков» (263) — в первом случае как атрибутивная часть сложной составной метафоры-образа, во втором — как ключевое наименование, собирающее воедино предыдущий текст, также представляющий собой развернутую метафору.

Фиксация позиции видовых номинаций должна интерпретироваться в рамках целостного анализа синтагматического ареала с учетом соседства строк. Так, скажем, малое число орнитонимов в финальной строке компенсируется тем, что в 6-й и 7-й строках видовое обозначение встречается часто, в целом в 36 % случаев, и оно может прописываться и уточняться, заходя на соседние строки, в том числе последнюю, которая таким образом тоже становится птичьей, хоть и не содержит конкретный орнитоним: «Вращались чуткие совиные часы / И вдруг остановились» (21), «И слушать пепел галок над / Усекновенной колокольней» (57), «Парящая на пеликаных / Крылах? Но некто, дерзостно, когтистый / Сорняк вознес под архитрав» (303) и др.

Иконографический этап представляет описание образов с точки зрения синтагматики соседства, особенностей сочетаемости и распределения на уровне ближнего и среднего синтагматического ареала.

Поэтический мир Еремина полон природными образами, но особый статус имеют растения, деревья. Они являются не только постоянным интенциональным центром, не просто концептуальным ядром поэтической системы мицвидения, но и средой обитания для других, непосредственно ареалом, жизненным пространством, длительностью, в которую как в свой личный, субъектный мир погружаются в том числе и птицы — это место пропитания, место защиты, место отдыха и сама жизнь, архитектоническое целое мира. Растения и деревья могут выступать сюжетным инципитом, триггером, но также и образом, постепенно перекрывающим остальные, выдвигаясь со второго плана на первый, пронизывая всю образную линию, как например, в этом тексте, где происходит метаморфоза функций дерева (источник пищи, укрытие, жилище, объект экологии):

Выступжал перкуссионный клюв
Таившуюся в заболони пищу... Полости и щели
Усилиями фитопатогенов претворяются
В дупло, обретшее засельщика
(Никак не куролесная лесовка из дремучих
Времен, а, скажем, кто-то из пернатых.) до поры,
Как ни снесут бензопилой по санитарному вердикту
За ветхостью строение природы (345).

И почти всегда растения являются ключевым строительным элементом именно в плане синтагматики, что закреплено в одной из ереминских формул, с которой начинается стихотворение 2017 года:

Растения живут с оглядкой на соседей —
Одни на всех вода и свет, земля и воздух.
Не нарушают общебытия биоценоза
И волк, и вся парнокопытная добыча,
Сова и мышь, и щука, и карась. И даже в том краю,
Где ворон ворону выклевывает очи,
Живется тож, —
Кто кое-как, а кто жиরует (329).

Этот текст предлагает ироническую версию метасюжета о биохраме как о едином пространстве природы, где дерево — основа всякой «тварной матрицы», а базовый принцип живого — «абсолют зерна», как это было в тексте еще 1962 года, в котором образ дерева перекрывает птиц, не нуждается в них:

Воздвигнутый в честь сотворенья вселенной
Аккумулятор воли растенья
Хранит в тайниках древесины
Нуклеин дохристовых распятий.
Полон святости нерукотворной
Биохрам от корней до купола.
Тих и светел в белой колыбели
Внемли дереву Бога, ребенок (25).

В версии 2017 года единство и возможность жизни строится вокруг трофического мотива, описывающего пищевые (трофические) связи между организмами в экосистеме, основанные на питании одного организма другим. На это саркастично указывает и эпиграф — вырванная из контекста фраза «Как ни на есть» Н.А. Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (ближайший контекст таков: «Покуда не доведаем / Как ни на есть доподлинно: / Кому жить любовесело, / Вольготно на Руси?»). Растения, появляясь первыми в развороте текста, закладывают основы синтагматики (биоценоза, оглядки на соседей) и онтологии

(общебытия), превращая остальные мизансцены в версии единого принципа, хотя архитектонически они так же реализуют один из сценариев одного общего сюжета. В тексте встречаются сразу два вида птиц, что в общем-то уникально для Еремина, и это объясняется полисценарностью и полифункциональностью образов: имманентный, адаптивный характер межвидовых отношений (*сова и мыши как трофическая пара*) и экспансивный характер внутривидовой борьбы (хотя в основе древняя пословица с противоположным посылом: «Ворон ворону глаз не выклюет») с элементами трансгрессивного перехода экзистенциального конфликта (ворон в *тот* краю, но и *там* «живется тож»).

Итак, наиболее устойчивая образная связка — это *Птица и Дерево/Растение*. Птицы Еремина чаще всего встречаются в кронах, под сенью, в ветвях, они в первую очередь древесные (14 встреч: 21, 32, 40, 50, 129, 173, 198, 238, 239, 297, 318, 336, 345, 367), а не городские (6), водные (5), небесные (4), полевые (2) или горные (0)³. Видовая конкретизация птиц и деревьев склоняется к хиастической композиции: родовая птичья номинация и видовое, специальное обозначение дерева («С промокшою *птицею* в пасти *осина*» (32), «**Кондовые** тела — над ними *птичья* плавь» (40)) или, напротив, видовая конкретизация птицы и общее, родовое обозначение дерева («Что делать с *воробыиной* стаей в *кronах*» (239)). И только начиная с 2010-х годов, устанавливается родовой паритет: доминирует универсальный образ птицы в дереве.

Как правило, птица относится к дереву как к укрытию, что выражается предикатами *укрываться, хорониться, гнездиться* и предлогами *под* и *в*: *под сенью, в кронах, в гнезде, в пасти (дерева), в дупле* (173, 239, 297, 318, 367, 32, 345), *на сучьях*, но в дереве (21), — а вот воздушное, небесное, полетное положение *над* рощей, *над* колокольней, *над* нами встречается реже (32, 40, 50, 51, 57). Шесть раз это внутреннее, скрытое положение буквализируется, и птичью об разы оказываются в фирменных вставных синтаксических конструкциях Еремина — в скобках (103, 124, 165, 222, 335, 345). Первый и парадигмальный в этом отношении текст — «Владеть устами — навык или дар...», где предикат «окольцовывать» имеет положительную коннотацию.

Развивающей растительную тему связкой становится *Птица и Зерно/Семя*. В двух случаях птица или «пернатый доброхот» (283) выступает распространителем семян, «распространение которых — / Забота птиц небесных, не за то ли / И сытых» (134). Лексема *зерно* формирует образ большей самостоятельности и акторности, более того, это символ одновременно несовершенного и абсолютного закона общежития всего живого:

Теченье вытаскивает рыбу,
Вынашивает птицу ветер,
Земля
(Неповторимы дни Творения,
Поскольку вечны, сиречь закодировано
Во всякой тварной матрице
Несовершенство воспроизведимого.)
Свидетельствует абсолют зерна (122).

³ Один показательный минус-образ дает стихотворение «Возросшее не в первозданных насаждениях...» (198), в котором дерево не привлекает к себе птицу, поскольку растет на скалистой высоте, где «земли отмерено пядь-в-пядь, но вволю неба». И такое расположение будто перечеркивает всевозможные сценарии «полезной», «осмысленной» жизни: это дерево не ведает, «что не было прицельным / Ориентиром в артбаталии, / Что в кроне птица не свила гнезда, / Что не спалила молния, что по его плоды / Едва ли кто придет». Все же обитаемое небо у Еремина концентрируется в ветвях земных деревьев, а скалистое «вволю неба» оказывается нептичьим.

Эти элементы — зерно, дерево как укрытие, небесные птицы в древесной кроне и само небо, будто начинающееся с дерева, — оказываются в едином ареале благодаря евангельской иконографии Царства Небесного, уподобленного Иисусом Христом зерну: «Он же сказал: чему подобно Царствие Божие? и чему уподоблю его? Оно подобно зерну горчичному, которое, взяв, человек посадил в саду своем; и выросло, и стало большим деревом, и птицы небесные укрывались в ветвях его» (Лк. 13:18—19). Только у Еремина единство ареала, ближнее соседство приводит дополнительно к интерференции качеств птицы и зерна, даже если изменение биотопа (например, перенос действия в городское пространство) разнит стратегии роста и выживания. Так, в стихотворении 2016 года «общины малых горожан, таких как, скажем, голуби и крысы, / Довольствуются поедью с людского, но и подворовывая, / Стола», — то есть адаптируются к городской среде, как и сорные травы, а вот экологически более требовательные лось или шершень не приживаются здесь, как и горчичное зерно: «Горчичное зерно, залетное / Невесть откуда, не проклонулось» (321). В атрибуции и предикате зерна явно остались следы пернатого доброхота. А голубь — в семантическом ореоле как раз христианский символ — здесь лишь фоновая городская птица, которая только и может довольствоваться жизнью в городском царстве, не приемлемом ни для птиц небесных, ни для горчичного зерна.

Выход на этот символический уровень означает переход от иконографии текста, описания системы устойчивых образов и мотивов, к их пониманию — к иконологическому этапу анализа, включающему культурно-антропологическую, символическую и собственно литературоведческую интерпретацию. Об этом и пойдет речь во второй части статьи.

Список литературы / References

Еремин М. Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 464 с.
(Yeryomin M. Poems, Moscow, 2021, 464 p. — In Russ.)

Горелов О.С. Птицы в поэзии Олега Григорьева: филорнитологическое наблюдение //
Профессия: литератор. Год рождения: 1942, 1943: коллективная монография.
Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2025. С. 6—24.
(Gorelov O.S. Birds in Oleg Grigoriev's Poetry: Philornithological Observation, *In Profession: Writer. Year of Birth: 1942, 1943: A Collective Monograph*, Yelets, 2025, pp. 6—24. — In Russ.)

Родионова А. «Фотолуг, фотолес, фотолето». Техно-экологические миниатюры Михаила Еремина // Зборник Матице српске за славистику. 2023. № 104. С. 339—351.
(Rodionova A. ‘Photo-Meadow, Photo-Forest, Photo-Summer’: Techno-Ecological Miniatures of Mikhail Eremin, *Zbornik Matice srpske za slavistiku*, 2023, no. 104, pp. 339—351. — In Russ.)

BIRDS IN THE POETRY OF MIKHAIL YERYOMIN: THE SYNTAGMATIC RANGE. PART 1

Oleg S. Gorelov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru

Abstract. This article offers a specialized philological analysis of ornithological concepts and imagery in the poetic corpus of Mikhail Yeryomin (1936—2022), a classic figure of unofficial Soviet and contemporary Russian poetry. The proposed philornithological approach unfolds in two directions: the study of the syntagmatic range of bird imagery and the semantic aura (or halo) of the bird concept. This first part of the study presents the results of the syntagmatic range analysis, which concerns the positional characteristics of textual realizations

of bird imagery — determined by their specific combinations with other figurative elements and by their structural position within the verse sequence, stanza, and the work as a whole. Patterns in the structural positioning of bird images within the poetic line and the text as a whole, their figurative proximity (for example, the relations Bird–Tree, Bird–Grain) and the underlying iconography of types and plots were identified. In the second part, the study of the syntagmatic range will be continued with an analysis of the iconology of the bird image in Yeryomin's poetry, focusing on the specifics of the distribution and functional dynamics of the image — aspects shaped by the paradigmatic and polyscenario nature of the poet's narrative thinking and by the overall mode of existence of his poems.

Keywords: contemporary Russian poetry; birds; avian imagery; ornithological code; syntagmatics; poetic image; narratology; text iconography; text iconology

For citation: Gorelov O.S. Birds in the poetry of Mikhail Yeryomin: the syntagmatic range. Part 1, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 12—20.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Горелов Олег Сергеевич — доктор филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, og-rus@inbox.ru, SPIN-код: 5451-7654

Gorelov Oleg Sergeyevich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 21—31.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 21—31.

Научная статья

УДК 821.111.09-1

EDN <https://elibrary.ru/vqocle>

DOI: 10.46726/H.2025.4.3

РУССКАЯ ТЕМА В ПОЭМЕ Д. ТОМСОНА «ВРЕМЕНА ГОДА»

Олег Юрьевич Поляков

Вятский государственный университет, г. Киров, Россия

polyakoov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации образа России в поэме английского сентименталиста Д. Томсона «Времена года» в контексте воплощения русской темы и развития петровского мифа в английской поэзии первой половины XVIII в. «Русский текст» описательно-дидактической поэмы Томсона анализируется на примере ее последней части («Зима») в редакции 1744 г. в плане сопоставления гетерообраза России с образами национального (английского) «своего» и европейских «других». Особое внимание уделяется раскрытию влияния художественного метода Томсона как представителя «физико-теологической» группы поэтов на конструирование образа России, выявлению его творческого взаимодействия с Д. Моллетом и в особенности с А. Хиллом (сопоставляются приемы создания образа Петра I в поэмах «Времена года» и «Северная звезда»). Делается вывод о том, что Д. Томсон продолжил традицию валоризации образа России в английском художественном сознании XVIII века, сохранив, тем не менее, амбивалентный характер имагологической оценки, колеблющейся между полюсами «варварства» и цивилизации.

Ключевые слова: Томсон, образ России, петровский миф, имагология, репрезентация

Для цитирования: Поляков О.Ю. Русская тема в поэме Д. Томсона «Времена года» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 21—31.

Описательно-дидактическая поэма Джеймса Томсона «Времена года», вошедшая в канон английской литературы в качестве образца сентименталистской медитативной поэзии, многократно привлекала внимание ученых как сложный политехст, воплощающий искания современной автору философско-эстетической и научной мысли и отражающий политические дискуссии и цивилизационные проблемы эпохи Просвещения [Соловьев 1983, 2005; Кузьмичёв 1989; Owen 1964, Ridley 2000, Gottlieb 2001; Cotterill 2024], и при этом оказалась гораздо менее изученной как имагологический текст¹, в котором репрезентация национального погружена в транснациональный контекст и размышления об историческом процессе, метафорически представленном в грандиозной картине изменчивого бытия природы. Английский уклад жизни, природа, быт, политическое устройство, нравы «возвышенного и утонченного» общества («polite» и «elegant» — такие эпитеты чаще всего использует Томсон для характеристики национального «своего»), изображенные в рамках «патриотического» дискурса,

© Поляков О.Ю., 2025

¹ В отечественной англистике первые обстоятельные исследования аспектов репрезентации национального в поэме Д. Томсона появились в конце XX — начале XXI в. в трудах Н.П. Михальской и Н.А. Соловьевой.

сопоставляются во «Временах года» с феноменами иных национальных культур, прежде всего европейских.

Д. Томсон, как известно, редактировал и дополнял текст поэмы в течение двух десятилетий, с 1726 по 1746 гг., и в издании 1744 г. в ее четвертую часть («Зима») вошел значительный фрагмент о России, который нередко рассматривают изолированно, как самодостаточный акт презентации национального гетерообраза, хотя очевидно, что «русский текст» поэмы был необходим Д. Томсону для сопоставления с автообразом Англии, поскольку, по справедливому утверждению В.Б. Земского, «созданные той или иной культурой имагологические образы на самом деле утверждают собственную идентичность, «самость», чаще всего в противоположении «себя» — «другим», и они входят во всемирный театр-полилог культур» [Земсков: 26]. Более того, образ России представлен во «Временах года» во взаимосвязи с образом глобального севера и в сопоставлении как с аспектами английского национального бытия, так и с цивилизационной ситуацией в целом. Он отразил господствующие представления о «северном соседе», которого в европейских странах видели «то молодым народом с большим будущим, то неискоренимо варварской страной» [Там же: 31] и применяли к нему критерии западного «цивилизованного мира», по отношению к которому национальные «другие» (в том числе народы Восточной Европы) выступали либо в роли «варваров», либо находящихся в состоянии перехода от варварства к цивилизации [Трыков: 55]. Такой переходной страной мыслилась западному миру Россия, причем валоризация ее национального образа усилилась в первые десятилетия XVIII в., когда Россия стала протагонистом мировой истории и начал развиваться петровский миф, определявший движения имагологического «маятника» — восприятия России то как национального «другого», осваивавшего достижения цивилизованного мира, то как «опасного чужого», угрожавшего Европе своим экспансионизмом. В политическом и художественном сознании Англии образ России, хотя и ассоциировался с образом ее царя, в целом вызывал значительно больше имагологического негативизма: англичане предпочитали не замечать трагических последствий вестернизации страны, жестокости Петра, многочисленных жертв его реформ, а сетовали больше всего о том, что на его долю выпало царствовать в отсталой стране. «Величие его достижений, — писал историк М. Андерсон, — еще больше поражало [англичан], когда они задумывались над тем, какого низкого качества человеческий материал он получил в управление» [Anderson: 213].

Образ Петра I как преобразователя основ русской жизни, царя-цивилизатора нашел отражение в множестве публицистических источников, историко-биографических трудов (эссе Р. Стила в журнале «Тэтлер», 1709; «Состояние России при нынешнем царе» Д. Перри, 1716; «Беспристрастная история жизни и деяний Петра Алексеевича» Д. Дефо, 1723 и др.), однако меньше всего изучена и в отечественном, и в зарубежном литературоведении «петровская тема» в английской поэзии первой четверти XVIII в., представленная сочинениями «Поздравительная поэма великому и могущественному царю Московии по случаю его прибытия в Англию» Мозеса Стингера (1698), «Поэма о видении мира» Томаса Тикелла (1713) и «Северная звезда» Аарона Хилла (1718) (обзорно она представлена в трудах: [Соловьева 2001; Михальская 2012; Cross 1985, 1993, 2000]). Для нашего исследования эти поэтические тексты представляют интерес в плане выявления влияний или типологических сходств с образно-мотивной системой поэмы Д. Томсона.

М. Струнгер и А. Хилл уподобляют Петра I Цезарю, ассоциируют его образ с сиянием небесных светил, подчеркивают цивилизаторскую миссию русского царя и возлагают на него надежды на спасение христианского мира от мусульманской экспансии. Более того, в поэме «Северная звезда» образ Петра I наделяется атрибутами божественного, ее герой предстает творцом, милосердным и благим. Гиперболизация и возвышенная риторика при создании идеализированного образа русского монарха пронизывают поэму Хилла, который называет Петра I «новым Солнцем, озарившим страну ночи», приванным Богом «возвысить мир»:

...> a new Sun inflames the *Land of Night*:
Where Arts, and Arms a rising Empire found,
Doom'd to refine the World, and gird it round [Hill: 4].

А. Хилл расширяет традиционную семантику образа России, подвергая пересмотру стереотипы о вечном морозе, холоде, который метафорически относится с цивилизационным стазисом: в его интерпретации Россия ассоциируется с теплом и светом, ее миссия заключена в возрождении высоких духовных идеалов, завещанных Византией.

По-иному представлены образы Петра и России в «Поэме о видении мира» Т. Тикелла, посвященной завершению Войны за Испанское наследство, в ходе которой Англия расширила свои владения. Произведение, проникнутое националистическим духом, утверждает мессианскую роль Альбиона — “to teach th' untam'd Barbarian laws” («учить неукрощенных варваров законам») [Tickell: 20]. К числу тех, кто получил подобные уроки, отнесена Россия, царь которой, «проделав трудный путь во льдах»², прибыл с посольством в Англию и овладел «полезными искусствами», с тем чтобы распространить их в своей стране. Усвоенные уроки не прошли даром, были созданы сильные армия и флот, изящные искусства распространились по всей стране:

His bands now march in a just array to war,
And Caspian gulfs unusual navies bear;
With Runick lays Smolensko's forests ring,
And wond'ring Volga hears the Muses sing [Tickell: 21, ll. 176—179].

Экзотизация текста, в котором использованы русские географические названия (искаженный топоним и гидроним), сопровождается комичной характеристикой английского культурного влияния на Россию, которое измышляет Тикелл, как будто не ведавший о существовании песенной культуры на Руси: в его поэме «в смоленских лесах звучат таинственные песни, / И изумленная Волга внимает пению муз», откликаясь на уроки Англии.

Таким образом, в «Поэме о видении мира» образ России представлен с позиций цивилизаторского дискурса и английского национального превосходства, при этом подчеркнута диктаторская роль Петра, чьему скипетру послушны миллионы «подневольных» жителей северной страны: “[Peter's] sceptre waving with one shout rush forth / In swarms the harness'd millions of the north” [Tickell: 21, ll. 168—169]. Этот стереотип о «русском рабстве» был пересмотрен в поэме А. Хилла. Автор «Северной звезды» полагал, что забота Петра делает народ России свободным: “Those Subjects the most glorious Freedom share / Whom we call Slaves, in such a Sov'reign's Care [Hill: 11].

² На самом деле Петр I достиг берегов Британии на корабле английской эскадры из Амстердама.

«Северная звезда», как и эссе А. Хилла в журнале «Плейн Дилер» (№ 106, 1725), оказала непосредственное влияние на интерпретацию образа России в поэме Д. Томсона [McKillop: 28—31]: переклички обнаруживаются в сравнении Петра I с античными героями и в описании реформ русского монарха, а также в референциях к истории Древнего Рима, образ которого соотнесен с Россией, и в отдельных лексических соответствиях в текстах двух авторов. А.Д. Маккиллоп также указал на возможные источники сведений Д. Томсона о России, среди которых хранившиеся в библиотеке поэта «История Карла XII» Вольтера и английский перевод «Путешествий по Европе, Азии и части Африки» французского дипломата Обри де ла Моттре (1724) [McKillop: 31].

Определенные параллели возникают между «Временами года» и описательной поэмой Дэвида Моллета «Экскурсия» (1728), замысел которой и его осуществление обсуждались с Томсоном, так же как и создание «Времен года» проходило в атмосфере творческого общения двух поэтов, которых связывала дружба [Cunningham: 1—43; Поляков: 138]. Оба продолжали традиции георгики, при этом сосредоточивались не только на описательных, но и на медитативных стратегиях презентации образов природы; их привлекали величие, масштабность природных феноменов как источник возвышенного, которое выражалось в экспрессивных визуальных образах; и тот, и другой избрали для своих поэм свободный хронотоп, что позволило создать панорамные картины природного и социального мира, организуемые путешествием по земным (а в случае «Экскурсии» и по космическим) пространствам; оба принадлежали к группе так называемых «физико-теологических поэтов», включавшей также Р. Блэкмора и Р. Свиджа, которых объединяло изображение бытия в единстве философских, естественнонаучных и теологических аспектов. Наконец, в поэмах имеются прямые образные, мотивные, текстовые соответствия. Лаконичные сцены зимних пейзажей, обозреваемые беспокойной музой Моллета, получают развитие в «Зиме» Томсона: строки «Экскурсии» “Hills of Snow, / Pil'd up *from* *eldest Ages, Hill on Hill*” [Mallet: 28] преобразуются у Томсона в “Where undissolving, *from the first of time, / Snows swell on snows* amazing to the sky; / And icy mountains high on mountains pil'd” [Thomson: 209, ll. 904—906] (курсив наш. — О. П.). Общим для обеих поэм является образ одинокого странника, причем в «Зиме» он конкретизирован относительно описываемого пространства («русский невольник»); оба поэта обращаются к истории и описывают английскую экспедицию XVI в. на русский север, причем у Моллета выделены авантюристичность и предприимчивость англичан и преобладает описательное начало, в то время как в «Зиме» Томсона этот эпизод разворачивается в жанровую сцену, пронзительно изображающую гибель путешественников в полярных льдах и увековечивающую их как национальных героев [Thomson: 209—210, ll. 920—935].

Принципы «физико-теологической» школы ярко проявились в художественном решении русской темы в поэме Д. Томсона, в которой зима представлена не только как время года, но и как масштабная онтологическая и политическая метафора, символ непрерывности бытия и грядущего обновления жизни. Композиция «Зимы» основана на монтаже описательных и медитативных фрагментов — картин природы, бытовых сцен, исторических экскурсов, этических размышлений, объединенных сквозными мотивами и экспликациями ауториального начала, присутствием авторского лирического голоса. В этой части произведения воображение поэта совершает планетарное странствие, играя перспективой, свободно перемещаясь из Англии в Лапландию, Финляндию, Гренландию, Россию, Тартарию, и центральным закономерно становится мотив холода.

Картины величественных северных ландшафтов, бескрайних заснеженных равнин и царства льда, особую возвышенность которым придает акцент на взаимодействии света и цвета (очевидное влияние «Оптики» И. Ньютона), соединяются с описаниями природных явлений, охоты, быта скандинавских народов — эти презентации известный имаголог В. Захарасиевич справедливо считает «отходом от стереотипного представления северных племен, которые часто уподоблялись медведям, находящимся в зимней спячке посреди бескрайних пространств льда» [Zacharasiewicz: 39]: действительно, каждый из этих народов индивидуализирован, представлен как самобытная часть северного мира и в то же время как воплощение общих просветительских представлений о естественном человеке, причем эти образы настолько органично соединяются величественными картинами полярной природы, что возникает своего рода имагологический континуум, в котором образ России занимает особое место, в том числе по причине географической обширности страны.

Репрезентация России ведется рассредоточенно: сначала она включается в европейский контекст на уровне бытовых сцен, описывающих по принципу одновременности событий зимний досуг жителей Германии, Нидерландов, скандинавских стран — игры, катание на коньках, санях, шествия румяных скандинавских красавиц, “flush’d by the season”, вызывающих задорный интерес мужчин, и веселых, крепких, пышногрудых, пышущих здоровьем «дочерей России, распространяющих вокруг себя сияние» (“Russia’s buxom daughters glow around”) [Thomson: 204, l. 778]. Затем русская тема возникает в экспозиции экстремального «северного текста» поэмы, описания арктических пространств как царства «вечной ночи», перед которым, по словам поэта, меркнет величие английской зимы [Thomson: 204, ll. 792—795]. Здесь хронотоп поэмы сжимается до одной точки: Томсон изображает русского узника, заключенного в «тюрьму бескрайней снежной пустыни», в «клетку, созданную самой Природой», из которой невозможно освободиться:

Nought around
Strikes his sad eye, but deserts lost in snow;
And heavy-loaded groves; and solid floods,
That stretch, athwart the solitary waste,
Their icy horrors to the frozen main [Thomson: 205, ll. 801—805].

Примечательно, что в более раннем издании «Зимы» (1730) образ жителя России был представлен в динамике: укутанный в меха, он мчался по северным просторам на санях, погоняя оленя. При этом ему противопоставлялся образ медведя, «одинокого обитателя холодных мест», который также в дальнейшем претерпел трансформацию: в редакции поэмы 1744 г. он ассоциируется с образом русского невольника, а их общей чертой является одиночество [Owen: 24—25].

Rough tenant of these shades, the shapeless bear,
With dangling ice all horrid, stalks forlorn;
Slow-pac’d, and sourer as the storms increase,
He makes his bed beneath th’ inclement drift,
And, with stern patience, scorning weak complaint,
Hardens his heart against assailing want [Thomson: 206, ll. 828—834].

Образ медведя противопоставлен образам других северных зверей, которые наслаждаются «сиянием жизни» и которые, что важно, названы Томсоном «пушистыми нациями», что позволяет соотнести картину зимней природы

с национальной «карточкой мира». В ней «русский медведь», “rough tenant of these shades”, обречен на экзистенциальное одиночество и stoическое приятие трудностей (“stern patience”). Поэт называет его «бесформенным», что, по мнению Б. Добрэ, является отсылкой к мифу о его происхождении [Dobrée: 491], а следовательно, подразумевается возможность его метаморфоз. В XVIII столетии Россия устойчиво ассоциировалась в Англии с образом медведя, и появление этого персонажа в произведении Д. Томсона в роли зооэтностереотипа представляется вполне закономерным.

Кульминацией развития образа России в поэме «Времена года» становится фрагмент, посвященный Петру I (ст. 950—987), в котором не только обобщается и систематизируется «петровский текст» английской литературы первой половины XVIII в., но также происходит актуализация образа русского монарха по отношению к английскому политическому контексту. Фрагмент о Петре I помещен между экспрессивной картиной Тартарии и Крайнего Севера и философско-дидактическими рассуждениями Томсона о законах природы и человеческого бытия. Его муга, совершая «одинокий полет», охватывает все новые пространства, изображаемые в торжественно-возвышенной манере (поэт разделял интерес английских литераторов той поры к категории возвышенного и разделял суждения Д. Аддисона и Д. Денниса об этой эстетической категории, которую оба критика связывали с наблюдениями за масштабными явлениями природы, вызывающими чувство «священного трепета»):

Projected, huge, and horrid, o'er the surge,
Alps frown on Alps; or rushing hideous down,
As if old Chaos was again return'd <....>
<...> a bleak expanse,
Shagg'd o'er with wavy rocks, cheerless, and void

[Thomson: 209, ll. 909—911, 917—919].

Картины жестокой зимы, персонифицированной в образе «мрачного тирана», вызывают у поэта ассоциации с гибелю в 1554 г. на русском севере экспедиции сэра Хью Уиллоуби, отправившейся на поиски Северо-Восточного прохода из Европы в Китай, — и Томсон восславляет английский имперский дух: “Such was the BRITON’s fate” [Thomson: 210, l. 925] (заметим, что непосредственно перед публикацией расширенного варианта «Зимы» была успешно завершена русская Великая Северная экспедиция 1733—1743 гг.). С размышлениями Томсона об английской цивилизаторской миссии соотносятся строки поэмы, в которых он восхваляет Петра I как культурного героя, титана, не только покорившего силы природы и варварские народы, но и «духовно возвысившего» своих подданных:

Immortal PETER! first of monarchs! He
His stubborn country tam'd, her rocks, her fens,
Her floods, her seas, her ill-submitting sons;
And while the fierce Barbarian he dubdu'd,
To more exalted soul he rais'd the Man

[Thomson: 211, ll. 955—959].

Э. Готтлиб, рассматривая поэму «Зима» в аспекте воплощения в ней категории возвышенного, отмечает важнейшую роль образа Петра I, изменяющего эмоциональную тональность произведения: описания безжизненных пейзажей и трагических инцидентов создают эффект «когнитивного опустошения», преодолеть которое помогает переход к величественному образу русского монарха

[Gottlieb: 47], монументально возвышающегося над стихиями природы и гармонизирующего цивилизационное бытие России (“the ROYAL HAND that rous’d the whole, / One scene of arts, of arms, of rising trade: / For what his wisdom plann’d and power enforc’d” [Thomson: 212, ll. 984—986]).

«Петровский текст» поэмы, заключенный в грандиозную раму ее политекста, лаконичен и структурно упорядочен. Сначала автор «Времен года» размышляет о цивилизаторской миссии Петра в целом, соотнося широту, безбрежность его ума (“VAST MIND”) с масштабностью проведенных им преобразований. Резкое противопоставление прошлого и настоящего России, акцент на свершениях царя, «укротившего свою упрямую страну», свидетельствуют о том, что образ Петра I в поэме Томсона вписан в концептуальную дихотомическую схему «варварство/цивилизация». “A people savage from the remotest time”, “a huge neglected empire”, “fierce barbarian”, “Gothic darkness” — все эти характеристики допетровской Руси однозначно указывают на то, что для Томсона деятельность Петра начиналась с нулевой отметки российской истории и что репрезентация его образа соответствует логике мифа о России.

Поэт придает особую возвышенность образу Петра, используя апострофы (“Immortal PETER!”) и лексические повторы, выполняющие гиперболическую функцию (he “tam’d her rocks her rocks, her fens, / Her floods, her seas, her ill-submitting sons”); эмфатический повтор и обращение к «теням античных героев» с использованием экспрессивного эпитета подчеркивают авторское отношение к герою: “Ye shades of ancient heroes! <...> behold at once / The wonder done! behold the matchless prince!” [Thomson: 212, ll. 960—963]. Последние строки аллюзивно отсылают к тексту поэмы А. Хилла, с которым Д. Томсон был в дружеских отношениях, к тому фрагменту «Северной звезды», где сопоставление деятельности Петра, создавшего за короткий срок обширное и сильное государство, с историей Римской империи, выстраивавшейся веками, ведется в чрезвычайно помпезной риторической манере. Автор «Времен года» отказывается от декламационного стиля А. Хилла, как и от приема деификации Петра, структурообразующего в «Северной звезде», от шаблонных сравнений, связанных с семантикой света и образами небесных тел; не поддерживает он и памфлетно-публицистический дискурс поэмы Хилла, которому приходилось оправдывать свое обращение к образу лидера государства-соперника, опираясь на идею просветительского космополитизма, а также подвергать ревизии ряд имагологических стереотипов о России (представления о русском рабстве).

Д. Томсон сосредоточивает наибольшее внимание на практической преобразовательной деятельности Петра, создавая во второй смысловой части своего «пеана» образ царя-труженика, который разрушил стереотипные представления о монархических правителях, «отверг дворов досужую помпезность» (“greatly spurned the slothful pomp of courts”)³ и, отложив скипетр, начал постигать ремесла, торговлю, военное дело, приобретать практические навыки судостроения: “with glorious hand / Unworned plying the mechanic tool, / Gather’d the seeds of trade, of useful arts, / Of civil wisdom, and of martial skill” [Thomson: 211, ll. 967—971].

Далее поэт развивает метафору Петра-селятеля, который, собрав в Европе семена цивилизации, получил на своих «пустынных» землях изобильный урожай:

³ Очевидная отсылка к образу Людовика XIV и, возможно, к эссе Р. Стила в журнале «Спектейтор» (1709), в котором Петр I был противопоставлен французскому королю, одержимому «пустым тщеславием» [Spectator: 47—49].

Then cities rise amid th' illumin'd waste;
 O'er joyless deserts smiles the rural reign;
 Far-distant flood to flood is social join'd
 Th' astonish'd Euxine hears the Baltic roar;
 Proud navies ride on seas that never foam'd
 With daring keel before; and armies stretch
 Each way with dazzling files [Thomson: 211—212, ll. 973—979].

В этой строфе метафоры и перенесенные (метафорические) эпитеты вступают в своеобразный тропический полилог, «антропоморфизируя» достижения Петра I: возделанные земли «с улыбкой смотрят на безрадостные пустоши», «потрясенное Черное море слышит рокот Балтики» (так говорит поэт о планах Петра соединить два водных бассейна), «гордые корабли» бороздят моря, в которых никогда не оставлял свой пенный след «дерзкий киль» русских моряков. Все свершения России в XVIII в., по мысли Томсона, создают цельную картину бытия обновленной страны, стратегом которой стал Петр Великий.

Некоторые исследователи полагают, что введение в поэму образа Петра I имело важный политический смысл: Томсон выступал против правительства Уолпола, деятельность которого ассоциировалась с «деспотией зимы» [Cotterill: 263], а образ русского царя служил вдохновляющим примером для его противников, в частности лорда Болингброка, которые возлагали надежды на воцарение на английском престоле такого же монарха-патриота, как и Петр I [Holberton]. С учетом общего замысла поэмы, думается, для Томсона все же важнее было представить образ Петра включенным в его телеологическую картину мира (Сf: [Gottlieb: 48—49]), изобразить русского императора в вечном потоке истории как часть «прекрасного целого», складывающегося из фрагментов бытия в перспективе вечности:

Hence larger prospects of the beauteous whole
 Would gradual open on our opening minds;
 And each diffusive harmony unite
 In full perfection to the astonished eye [Thomson: 197, ll. 579—582].

Образ Петра I, безусловно, способствовал повышению оценки образа России (его валоризации), однако мнения ученых по поводу общего характера имагологической модальности, отношения Д. Томсона к России как референту презентации разнятся. Высказываются мнения о том, что «русская тема» была значимой для создания в поэме «вдохновляющего примера» национального прогресса для англичан [Holberton, Ridley: 113], или, напротив, говорится о том, что деятельность русского императора, по мысли поэта, вообще не может быть «моделью» [Gottlieb: 48].

В российской англистике также нет единодушия. Н.А. Соловьева отметила, что Томсон создал «одухотворенный, нестандартный поэтический образ России» [Соловьева 2005: 63], воспел движение страны к цивилизации и, кроме того, она предположила, что в символическом плане поэмы скрыта «глубинная мысль о том, что преобразования в России нужны не только ее народам, они нужны всему миру [Соловьева 2001: 107]. По мысли Е.П. Зыковой, в поэме Томсона преобладает природно-климатический принцип, лежащий в основе оценки национальных образов: согласно ему, Россия «занимает позицию северного “полюса” мировой истории, как страна, развитие которой тормозится неблагоприятными климатическими условиями. Так создается миф о России как о стране вечного снега, погруженной в сон и почти лишенной исторического развития», и только реформы Петра Великого немного пробудили страну ото сна [Зыкова 2006: 8]. На самом деле между этими двумя оценками нет противоречия, если

рассматривать их с позиций имагологии, представляющей национальный образ как сложную структуру, составленную из контрастных имагем, которые могут актуализироваться на определенных этапах бытования комплексных имаготипических систем. В Англии, как и в целом на Западе, в XVIII в. отношении к России применялась логика имагологической бинарности, где полюса «варварства» и «цивилизации», динамики и статики актуализировались практически синхронно в рамках западноевропейского цивилизационного мифа, определявшего переходный статус страны, и эту амбивалентность рецепции образа России выразил Д. Томсон.

Список литературы / References

- Земсков В.Б. Образ России в современном мире и иные сюжеты. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2015. 343 с.
(Zemskov V.B. The Image of Russia in Contemporary World and Other Plots, M.; St. Petersburg, 2015, 343 p. — In Russ.)
- Зыкова Е.П. Русская природа и русская цивилизация в изображении английских авторов XVIII в. // Россия и русские в художественном творчестве зарубежных писателей XVII — начала XX веков: материалы «круглого стола» в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (5 декабря 2006 года) // Новые российские гуманитарные исследования. 2007. № 2. С. 8.
(Zykova E.P. Russian Nature and Russian Civilization as Depicted by English Authors of 18 c., Russia and Russians in the Works of Foreign Writers of XVII — early XX c.: materials of the “round table” in A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (5 December 2006), *New Russian Humanitarian Studies*, 2007, no. 2, p. 8. — In Russ.)
- Михальская Н.П. Россия и Англия: проблемы имагологии. Самара: ПортоПринт, 2012. 224 с.
(Mikhalskaya N.P. Russia and England: Problems of Imagology, Samara, 2012, 224 p. — In Russ.)
- Поляков О.Ю. Эстетика света в поэме Дэвида Моллета «Экскурсия» // XVIII век: день и ночь в литературе и искусстве эпохи: коллективная монография / под ред. Н.Т. Пахсарьян. СПб.: Алетейя, 2025. С. 135—144.
(Polyakov O.Y. Aesthetics of Light in David Mallet’s Poem “Excursion”, *XVIII Century: Day and Night in Literature and Arts of the Epoch: collective monograph*, ed. by N.T. Pakhsaryan, St. Petersburg, 2025, pp. 135—144. — In Russ.)
- Соловьева Н.А. Петр I в английской литературе XVIII в. // Государственный историко-культурный заповедник «Московский Кремль»: материалы и исследования. Вып. XIII: Петр Великий — реформатор России. М., 2001. С. 101—108.
(Solovyova N.A. Peter I in English Literature of the XVIII Century, *The State Historical-Cultural Museum-Reserve “The Moscow Kremlin”: materials and studies*, iss. XIII: Peter the Great — The Reformer of Russia, Moscow, 2001, pp. 101—108. — In Russ.)
- Трыков В.П. Русская незнакомка во французской «республике словесности»: Образ России в литературном сознании Франции: монография. М.: Директ-Медиа, 2021. 528 с.
(Trykov V.P. The Russian Stranger in the French “Republic of Letters”: The Image of Russia in the Literary Consciousness of France: monograph, Moscow, 2021, 528 p. — In Russ.)
- Anderson M. S. English Views of Russia in the Age of Peter the Great, *The American Slavic and East European Review*, vol. 13, no. 2 (April 1954), pp. 200—214.
- Cotterill A. James Thomson and the Despot of Winter, *Cold Tyranny and the Demonic North of Early Modern England*, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2024, pp. 263—296.

- Cross A. *Anglo-Russica. Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Selected Essays by Anthony Cross*, Oxford; Providence: BERG, 1993, 269 p.
- Cross A. *The Russian Theme in English Literature from the Sixteenth Century to 1980: An Introductory Survey and a Bibliography*, Oxford: W. A. Meeuws, 1985, 278 p.
- Cross A. *Peter the Great Through British Eyes. Perceptions and Representations of the Tsar since 1698*, Cambridge: Cambridge U.P., 2000, 172 p.
- Cunningham P. James Thomson and David Mallet, *Miscellanies of the Philobiblon Society*, vol. 4, London: Charles Whittingham, 1857—1858, pp.1—43.
- Dobrée B. *English Literature in the Early Eighteenth Century 1700—1740*, Oxford: Clarendon Press, 1959, 701 p.
- Gottlieb E. The Astonished Eye: The British Sublime and Thomson's "Winter", *The Eighteenth Century*, 2001, vol. 42, no. 1, pp. 43—57.
- Hill A. *The Northern Star*, 3^d ed, London: W. Mears, 1725, 23 p.
- Holberton E. *Atlantic Circulations. Literature, reception and imperial identities, 1650—1750*. Abingdon; N.Y.: Routledge, 2025, 260 p.
- Mallet D. *The Excursion*, London: J. Walthoe, 1728, 78 p.
- McKillip A.D. Peter the Great in Thomson's "Winter", *Modern Language Notes*, 1952, vol. 67, no. 1, pp. 28—31.
- Owen R. *The Art of Discrimination in Thomson's "The Seasons" and the Language of Criticism*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1964, 529 p.
- Ridley G. "The Seasons" and the Politics of Opposition, *James Thomson: Essays for the Tercentenary*, Liverpool: Liverpool University Press, 2000, pp. 93—116.
- Spectator, ed. by D.F. Bond, vol. 2, Oxford: Oxford University Press, 1965, 600 p.
- Tickell T. *The Poetical Works of Thomas Tickell*, Edinburgh: The Apollo Press, 1781, 178 p.
- Thomson J. *The Seasons*, London: A. Hamilton, 1793, 227 p.
- Zacharasiewicz W. The Theory of Climate and the North in Anglophone Literatures, *Images of the North — Histories — Identities — Ideas*, Amsterdam: Rodopi, 2009, pp. 25—50.

THE RUSSIAN THEME IN J. THOMSON'S POEM "THE SEASONS"

Oleg Yu. Polyakov

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, polyakoov@yandex.ru

Abstract. The paper studies the aspects of Russia's image representation in "The Seasons", a poem by the English sentimental J. Thomson, in the context of realization of the Russian theme and the development of the Petrine myth in English poetry of the second half of the XVIII century. "The Russian text" of Thomson's descriptive-didactic poem is analysed on the material of its final part ("Winter", 1744 edition) in the aspect of comparing the hetero-image of Russia with the images of the English self and European "others". Particular attention is paid to the influence of Thomson's artistic method, representative of the poetics of "physico-theological" poets, on the construction of the image of Russia. We also dwell upon studying intertextual relations of Thomson's poem with the works of D. Mallet and A. Hill (the main devices of making the image of Peter the Great are closely compared in the poems "The Seasons" and "The Northern Star"). The study concludes that Thomson adhered to the traditions of valorization of Russia's image in the XVIII century English artistic consciousness and, at the same time, his imagological evaluation of Russia is ambivalent, as he saw Russia oscillating between the poles of barbarity and civilization.

Keywords: Thomson, image of Russia, the Petrine myth, imagology, representation

For citation: Polyakov O.Yu. The Russian theme in J. Thomson's poem "The Seasons", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 21—31.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 16.07.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 16.07.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Поляков Олег Юрьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, polyakoov@yandex.ru, SPIN-код: 6720-2153

Polyakov Oleg Yurievich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, polyakoov@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 32—38.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 32—38.

Научная статья

УДК 821.111.09-1

EDN <https://elibrary.ru/styabq>

DOI: 10.46726/H.2025.4.4

ЗНАЧЕНИЕ ЛИРИЧЕСКОГО ПОСЛАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ОСКАРА УАЙЛЬДА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ “THE POEMS”)

Павел Дмитриевич Пластиинин

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, pashenka.plastinin@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен анализ лирических посланий Оскара Уайльда, изданных в его первом поэтическом сборнике «Стихотворения». Они рассматриваются как тексты, ярко демонстрирующие эстетическое мировоззрение автора, которое становится своего рода жанровой доминантой всего творчества писателя. В лирических посланиях поэт обращается к своим современникам, деятелям искусства, например, к артистам своего любимого театра «Лицеум», а также к своим кумирам, поэтам прошлого — классику литературы XVII века Джону Мильтону и романтикам Джону Китсу и Перси Шелли. Анализируются общие мотивы в стихотворениях Уайльда и произведениях его предшественников, синтаксические особенности их текстов. Автор статьи приходит к выводу, что в лирических посланиях своей дебютной книги Оскар Уайльд создаёт особый эстетизированный художественный мир, в котором реально существующие или существовавшие в далёкие времена люди становятся вечно живыми литературными персонажами. Вступая в диалог с поэтами прошлого, Уайльд стремится установить связь с их творчеством, встроить свои произведения в контекст мировой литературы.

Ключевые слова: Оскар Уайльд, эстетизм, романтизм, английская литература, декаданс

Для цитирования: Пластиинин П.Д. Значение лирического послания в творчестве Оскара Уайльда (на материале книги “The Poems”) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 32—38.

Оскар Уайльд начал свой путь в большую литературу как поэт-лирик. Его первая книга, вышедшая в 1881 году, называлась «Стихотворения». В дальнейшем Уайльд больше не издавал книг своих стихов, однако продолжал создавать лирические произведения на протяжении всей своей творческой жизни.

Поэтические произведения занимают в творчестве Уайльда значимое место. Наряду с традиционными лирическими жанрами, это и стихотворения в прозе, и поэмы («Сфинкс», «Равенна»), и лирическая драма («Саломея»). Уайльд прекрасно знал поэзию и с самых ранних лет пробовал свои силы в лирике. Одно из первых его произведений — стихотворение «Покойся с миром» (“Requiescat”) — посвящено памяти его сестры Изолы. Биографы отмечают его увлечение поэзией в оxfordские годы. По свидетельству Хэскета Пирсона, Уайльд и его сокурсники, увлекавшиеся литературой, старались освоить традиционные стихотворные формы, такие как вилланелла, триолет и сонет. Несколько юношеских стихотворений Уайльда появились в ирландских журналах [Pearson: 40].

Книгу «Стихотворения», изданную Уайльдом для того, чтобы наконец-то во всеуслышание заявить о себе не только как о салонном острослове, принято считать ученической. Она почти не привлекала внимания критики, а исследователи пишут о ней преимущественно в связи с проблемой поэтического перевода (см., например, диссертацию Ю.А. Бахновой «Поэзия Оскара Уайльда в переводах Серебряного века» [Бахнова]). Между тем её роль в формировании поэтики Уайльда заслуживает специального изучения. Многие стихотворения из дебютного уайльдовского сборника относятся к жанру послания, то есть написаны в форме письма или обращения к какому-либо адресату. В дебютной книге Уайльда содержится девять лирических посланий. Все они обращены к людям искусства (кроме стихотворения «Луи Наполеон» / *Louis Napoleon*), как современникам Уайльда, например, актрисе Саре Бернар («Федра» / *Phedre*) или актёру-трагику Генри Ирвингу («Фабьен деи Франки» / *Fabien dei Franchi*), так и — в первую очередь — к художникам прошлого, преемником которых он себя считал («Мильтону» / *To Milton*, «Могила Шелли» / *The Grave of Shelly*, «Могила Китса» / *The Grave of Keats*).

Выбор жанра весьма симптоматичен для творчества Уайльда, чьи произведения должны звучать. Являясь идеологом нарождающегося движения эстетизма, он часто выступал с лекциями и славился своими устными рассказами в литературных салонах. Многие исследователи его творчества, например, А.И. Тетельман, автор диссертации «Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда», обращают внимание на то, что драматизация, сценичность, нацеленность на конкретного читателя-слушателя представляет собой, независимо от жанра, одну из главных черт уайльдовского творчества [Тетельман].

Выстраивая в своих лирических посланиях диалог с современниками и классиками, Уайльд неизменно их эстетизирует. Все послания написаны в форме сонета, весьма распространённой в уайльдовском поэтическом творчестве. Эта стихотворная форма, известная со времён предвзрождения, получила новую жизнь в творчестве французских поэтов, старших современников и кумиров Оскара Уайльда, таких как Шарль Бодлер, Теофиль Готье, Поль Верлен, Артур Рембо. Сонетная форма пользовалась большой популярностью и у английских поэтов, близких Уайльду, например, у Алджернона Суинберна. Одновременно жанр сонета подключает поэзию Уайльда к классической традиции, к творчеству Шекспира, Микеланджело, Данте. Одно из стихотворений из дебютной книги Уайльда (*Vita Nuova*) своим названием прямо отсылает читателя к книге Данте «Новая жизнь».

Послания, представленные в книге, можно разделить на две группы. Первая группа — это стихотворения, обращённые к деятелям прошлого, давнего и недавнего; здесь мы находим послания «Мильтону», «Луи Наполеон», «Могила Шелли», «Могила Китса». Вторая группа содержит стихотворения, посвящённые современникам: «Федра» посвящена французской актрисе Саре Бернар, «Фабьен де Франки» — знаменитому актёру-трагику Генри Ирвингу, «Порция» и «Королева Генриетта Мария» — актрисе театра «Лицей» Эллен Терри, «Новая Елена» — артистке того же театра Лили Лэнгтри.

Стихотворения «Мильтону» и «Луи Наполеон» представляют собой классические послания, насыщенные философскими размышлениями. Стихи, адресованные современникам, выдержаны в доверительном, дружеском тоне, но и их образы преображаются в соответствии с эстетическими взглядами автора.

Поэт обращает свой взгляд в прошлое. Его лирике свойственен пассеизм, который в уайльдовском варианте превращается в акт эстетизации изображаемого.

Благородная патина прошлого облагораживает и возвышает адресатов его посланий до уровня высшей ценности эстетизма — произведения искусства. Особенно ярко это проявилось в сонете «Федра», обращённом к Саре Бернар:

Каким суетным и скучным, должно
быть, кажется этот обычный мир
Такой, как ты, которой следовало бы
разговаривать
Во Флоренции с Мирандолой или гулять
Среди прохладных олив Академии:
Тебе следовало бы собирать тростник у
зеленого ручья
Под пронзительную дудку Козлоногого
Пана и играть
С белыми девушками на той
феакийской поляне,
Где суровый Одиссей пробудился
ото сна...²

Уже заглавие представляет Сару Бернар в одном из её лучших сценических образов. Уайльд посетил лондонскую премьеру спектакля с Бернар 2 июня 1879 года и вскоре после этого написал: «Только после того, как я услышал Сару Бернар в “Федре”, я вполне почувствовал сладость расиновских стихов» [Эллман: 147]. Весьма показательным представляется также тот факт, что Уайльд начал искать профиль, напоминающий профиль Сары Бернар, на древнегреческих монетах. В сонете великая актриса обретает вторую жизнь в мире вечных образов античной мифологии, противопоставленных прозаической современности.

Отождествление личности актёра и его сценического образа характерно и для других текстов, посвящённых актёрам «Лицеума»: Ирвингу, Терри и Лэнгтри.

Три других сонета обращены к Джону Мильтону, Перси Шелли и Джону Китсу. Стихи, посвящённые рано умершим поэтам-романтикам, возрождают традиции кладбищенской поэзии. Как и в других произведениях Уайльда мотив ранней смерти включён в более широкую тему трагизма молодости, развёрнутой затем в сказках и зрелой уайльдовской прозе (см. сказки «Молодой Король», «Преданный друг», «Счастливый принц», «Мальчик-звезда», «Рыбак и его душа», роман «Портрет Дориана Грея», стихотворения в прозе «Учитель мудрости», «Поклонник», «Учитель» и т. д.). Подробнее мы говорили об этом в наших публикациях, посвящённых прозаическому творчеству Оскара Уайльда [Пластиинин: 48—55].

Как и героини стихотворений «Федра» и «Новая Елена», образы Китса, Мильтона и Шелли сливаются с образами, подсказанными искусством прошлого. Так, например, в сонете «Могила Китса» читаем:

Rid of the world's injustice,
and his pain,
He rests at last beneath
God's veil of blue:
Taken from life when life and love were
new

Избавленный от несправедливости мира и
своей боли,
Наконец-то он покоится под голубым
покровом Господа:
Вырванный из жизни, когда жизнь
и любовь были новыми

¹ Здесь и далее стихотворения О. Уайльда приводятся по изданию: [Wilde].

² Здесь и далее приводится подстрочный перевод автора статьи.

The youngest of the martyrs
here is lain,
Fair as Sebastian, and as early slain.

No cypress shades his grave, no funeral
yew,
But gentle violets weeping with the dew
Weave on his bones an
ever-blossoming chain.
O proudest heart that broke for misery!

O sweetest lips since those of Mitylene!

O poet-painter of our English Land!
Thy name was writ in water — it shall
stand:
And tears like mine will keep thy
memory green,
As Isabella did her Basil-tree.

В этом отрывке мы видим ссылку к образу Святого Себастьяна, к новелле о горшке с базиликом из «Декамерона» Боккаччо, а также, возможно, к поэтической традиции острова Лесбос, который в Средние века называли также Митиленой (по названию расположенного на острове города). В Митилене жили Сапфо, Алкей, Аристотель и другие поэты и философы древности. Античные аллюзии присутствуют и в стихотворении «Могила Шелли», где сказано, что его могилу сторожат древние сфинксы: “Surely some Old-World Sphinx lurks darkly hid, / Grim warder of this pleasaunce of the dead” («Несомненно, в темноте скрывается какой-нибудь сфинкс из Старого Света, / мрачный страж этой обители мертвых»).

Стихотворение «Мильтону» построено на контрасте между пошлой, заурядной современностью и «огненным» величием героев истории — Мильтона и Кромвеля:

This gorgeous fiery-coloured
world of ours
Seems fallen into ashes dull
and grey,
And the age changed unto a mimic play
Wherein we waste our else
too-crowded hours:
For all our pomp and pageantry
and powers
We are but fit to delve the common
clay,
Seeing this little isle on which
we stand,
This England, this sea-lion of the sea,
By ignorant demagogues is held in fee,
Who love her not: Dear God!
is this the land
Which bare a triple empire in her hand
When Cromwell spake the word
Democracy!

Здесь покоится самый молодой
из мучеников,
Прекрасный, как Себастьян, и столь же
рано убитый.
Ни кипарис не сотрясает его могилу,
ни погребальный тис,
Но нежные фиалки плачут росой
Сплетают на его костях вечно цветущую
цепь.
О, самое гордое сердце, которое разбилось
от горя!
О, самые сладкие губы со временем
Митилены!
О поэт-живописец нашей английской земли!
Твое имя было начертано на воде —
оно останется:
И такие слезы, как у меня, сохранят
свежесть в памяти,
Как Изабелла делала со своим
базиликовым деревом.

Этот наш великолепный мир огненного
цвета
Кажется, что все превратилось в пепел,
тусклый и серый,
А эпоха превратилась в мимическую игру.
На что мы тратим наши слишком
напряженные часы:
Несмотря на всю нашу пышность,
великолепие и могущество
Мы способны лишь копаться в обычной
глине,
видя этот маленький островок, на котором
мы стоим,
Эта Англия, этот морской лев,
Находится в плену у невежественных
демагогов,
Которые не любят ее: Боже милостивый!
неужели это та самая земля
Которая держала в руках тройственную
империю
Когда Кромвель произнес слово
«Демократия»!

Наибольший интерес представляет, на наш взгляд, послание Китсу. Китс был любимцем Уайльда, ценившего его тонкое чувство телесной красоты. «Создание телесно прекрасного, по мнению Китса, и есть назначение творческого воображения, а значит — и конечная цель написания поэзии» [Халтрин-Халтурина: 136]. По мысли Н.Я. Берковского, поэзия Китса дает первые образцы эстетизма в литературе. Красота изображаемых им предметов и явлений рождается вследствие того, что из мира «вынуто движение» [Берковский: 184—185]. В этой связи интересно сравнить художественные миры, создаваемые Уайльдом в «Могиле Китса» и самим Китсом в одном из известнейших его стихотворений «Ода к греческой вазе». Ода Китса — настоящий «манифест эстетизма» [Там же], принципы которого перешли в поэтику Уайльда. В обоих случаях восхищение поэта вызывает олицетворенный предмет, образ искусственной красоты; у Китса это античная ваза, у Уайльда импульсом поэтического переживания является надгробный памятник и цветы у его подножия. Заключительная сентенция оды — “Beauty is truth, truth beauty” («Красота есть правда, правда есть красота») [Keats] — варьируется Уайльдом в предисловии к «Портрету Дориана Грея»: «Избранники, кто в красоте видит только красоту» [The Picture....].

И то и другое стихотворения высоко эмоциональны, насыщены риторическими восклицаниями и вопросами, но при этом Уайлд, как и Китс, рисует картину в стазисе, ее красота как бы выхвачена из потока времени, обездвижена:

Rid of the world's injustice, and
his pain,
He rests at last beneath God's veil
of blue:
Taken from life when life and love
were new
The youngest of the martyrs here is
lain...

Избавленный от несправедливости мира
и своей боли,
Наконец-то он покоится под голубым
покровом Господа:
Вырванный из жизни, когда жизнь и любовь
были новыми
Здесь покоится самый молодой
из мучеников...

Как верно отмечает Т.Д. Венедиктова, искусство для Джона Китса выступает в качестве проводника опыта прошлых поколений [Венедиктова: 130—147]. «Китс — эллинист по вкусу, поклонник, ценитель эллинской культуры, эллинской поэзии», — писал и Берковский [Берковский: 183]. То же относится и к Уайльду. Оба они — и романтик начала века, и эстет-декадент конца столетия — черпают вдохновение не столько в окружающей их действительности, сколько в искусстве других эпох, эстетизированного, идеализированного прошлого и, прежде всего, в античности.

Эстетизированное описание красоты с аллюзиями на античную мифологию дано Уайльдом и в послании к Шелли:

Ах! поистине сладко отдохать в утробе
матери
Земли, великой матери вечного сна,
Но гораздо слаще для тебя беспокойная
МОГИЛА.
В голубой пещере гулкой глубины,
Или где высокие корабли тонут во мраке
На скалах какого-нибудь разбитого волной
обрыва.

Уайльду было важно прочертить связь между собой и Шелли. Молодой литератор-эстет видел в нём собрата-драматурга, требовавшего свободы творчества: «Поистине, никто яснее Шелли не понимал миссии драматурга и смысла

драмы», — писал он (цит. по: [Валова: 103]). В этом, как и в других случаях, Уайльд отыскивает в своих предшественниках-романтиках те черты, которые позволили бы войти в их круг ему самому, эстету «конца века», как их наследнику.

Таким образом, сборник «Стихотворения» представляет собой отправную точку уайльдовского эстетизма. Личное отношение поэта к адресатам его стихов не исключает, а напротив, предполагает эстетизацию их образов. Однако в ранних поэтических опытах Уайльда еще отсутствует оттеняющая высокий слог ирония, которая вскоре украсит его прозу в сборнике «“Счастливый Принц” и другие сказки».

Список источников

- Keats J. Poetry, *Standard Ebooks*. URL: <https://standardebooks.org/ebooks/john-keats/poetry/text/poetry> (accessed: 24.01.2025).
- The Picture of Dorian Grey by Oscar Wilde, *Project Gutenberg*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/174/174-h/174-h.htm#chap00> (accessed: 05.01.2025).
- Wilde O. Poems, with The Ballad of Reading Gaol, London: Methuen & Co., 1913. URL: <https://www.gutenberg.org/files/1057/1057-h/1057-h.htm> (accessed: 24.01.2025).

Список литературы / References

- Бахнова Ю.А. Поэзия Оскара Уайльда в переводах поэтов Серебряного века: автореф. дис. канд. фил. наук. Томск, 2010. 26 с.
- (Bakhnova YU.A. Poetry of Oscar Wilde in translations of poets of the Silver Age: abstract of the dis. Candidate of Sciences (Philology), Tomsk, 2010, 26 p. — In Russ.)
- Берковский Н.Я. Статьи и лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука-классика, 2002, 480 с.
- (Berkovsky N.Ya. Articles and lectures on foreign literature, St. Petersburg, 2002, 480 p. — In Russ.)
- Валова О.М. Литературное творчество романтиков в восприятии Оскара Уайльда // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2020. № 1 (66). С. 98—106.
- (Valova O.M. Oscar Wilde's View on Romantism, *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, 2020, no. 1 (66), pp. 98—106. — In Russ.)
- Венедиктова Т.Д. Искусство как «интермедиум»: модели творчества в романтизме // Лики времени: сборник статей / отв. ред. Н.А. Соловьева. М.: Юстицинформ; МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. С. 130—147.
- (Venediktova T.D. Art as an Intermediary: Creative Models in Romanticism, *Liki vremeni: collection of articles*, ed. by N.A. Solov'eva, Moscow, 2009, pp. 130—147. — In Russ.)
- Пластинин П.Д. Красота и молодость в сказочном сборнике Оскара Уайльда «“Счастливый принц” и другие сказки» // Высшая школа: научные исследования: материалы Международного конгресса. М.: Издательство Инфiniti, 2022. С. 48—55.
- (Plastinin P.D. Beauty and youth in Oscar Wilde's fairy tale collection The Happy Prince and Other Tales, *Higher education: scientific research: materials from the Interuniversity International Congress*, Moscow, 2022, pp. 48—55. — In Russ.)
- Тетельман А.И. Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда: автореф. дис. канд. фил. наук. Казань, 2007. 18 с.
- (Tetelman A.I. Interaction of genres in the works of Oscar Wilde: abstract of the dis. Candidate of Sciences (Philology), Kazan, 2007, 18 p. — In Russ.)
- Халтрин-Халтурина Е.В. Джон Китс и культ прекрасного: о динамике образного ряда в поэме «Гиперион: фрагмент» // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 135—139.

(Haltrin-Halturina E.V. John Keats and the Cult of Beauty: On the Portraiture Dynamics in "Hyperion: A Fragment", *Knowledge. Understanding. Skill*, 2010, no. 2, pp. 135—139. — In Russ.)

Эллман Р. Оскар Уайльд. Биография / пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Независимая газета, 2000. 681 с.

(Ellmann R. Oscar Wilde. Biography, transl. from English by L. Motyleva, Moscow, 2000, 681 p. — In Russ.)

Pearson H. The Life of Oscar Wilde, London: Methuen and Co. Ltd., 1954, 420 p.

THE MEANING OF AN EPISTLE IN OSCAR WILDE'S WORKS (BASED ON THE BOOK "THE POEMS")

Pavel D. Plastinin

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
pashenka.plastinin@mail.ru

Abstract. The article provides an analysis of Oscar Wilde's epistle published in his first poetry collection, "Poems". They are considered as texts that vividly demonstrate the aesthetic worldview of the author, which becomes a kind of genre dominant in the writer's entire work. In his epistles, the poet appeals to his contemporaries, artists, mainly to the artists of his beloved Lyceum Theater, as well as (no less, and perhaps more importantly) to his idols, the poets of the past, classic author of 17th century John Milton and romantic poets John Keats and Percy Shelley. The author analyzes the commonality of motifs in Wilde's poems and the works of his predecessors, as well as examines the syntactic features of the texts. The researcher concludes that in the epistles from his debut book, Oscar Wilde creates a special aesthetic artistic reality in which people who actually exist or existed in ancient times become eternally living literary characters. In addition, Wilde seeks to start a dialogue with the poets of previous eras, thus drawing a connection between their work and his own and embedding his works in the context of world literature.

Keywords: Oscar Wilde, aestheticism, romanticism, English literature, decadence

For citation: Plastinin P.D. The meaning of an epistle in Oscar Wilde's works (based on the book "The poems"), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 32—38.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 10.03.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Пластинин Павел Дмитриевич — аспирант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, pashenka.plastinin@mail.ru

Plastinin Pavel Dmitrievich — postgraduate student at Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, pashenka.plastinin@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 39—45.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 39—45.

Научная статья

УДК 821.133.1.09

EDN <https://elibrary.ru/rakhey>

DOI: 10.46726/H.2025.4.5

«НЕПРОЗРАЧНЫЕ» СЛОВА В СТРУКТУРЕ РОМАНА МАРСЕЛЯ ПРУСТА «В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ»

Александр Николаевич Таганов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shishtag@mail.ru

Аннотация. В статье на основании конкретного эпизода из романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» рассматривается одна из особенностей художественного языка писателя, связанная с реализацией его эстетических принципов. Речь идет о проблеме восприятия и художественной репрезентации внешнего мира «внутренним я» личности. Важность осознания и сохранения глубинных переживаний действительности для Пруста обусловлена тем, что они, по его убеждению, и составляют основу и смысл личностного существования. «Внешнее я» человека, бытующее в настоящем времени, постоянно контактируя с явлениями и предметами объективной действительности, порождает переживание момента «внутренним я», опираясь на зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые и тактильные ощущения, которые в свою очередь порождают чувственные впечатления, образующие эмоциональный образ на подсознательном уровне. Сфера сознания стремится определить его смысл, облечь его в слова, «дать ему Имя». Подобное именование предполагает связь возникшего таким образом впечатления с конкретными, породившими его внешними объектами. В силу особого характера сосуществования «внутреннего» и «внешнего я» многие фрагменты глубинной жизни через некоторое время «забываются», однако продолжают пребывать в подсознании. Обретение «утраченных» моментов жизни «внутреннего я» предполагает сложный процесс — восстановление их Имени через «непроизвольную память». В связи с этим возникает и другая проблема — сложности перевода прустовского текста на русский язык.

Ключевые слова: «непрозрачные» слова, перевод, «внешнее я», «внутреннее я», «иностранный язык», имя

Для цитирования: Таганов А.Н. «Непрозрачные» слова в структуре романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 39—45.

Творчество Пруста неизменно привлекает внимание читателей и литературоведов. Ему посвящено огромное количество научных работ, которые затрагивают самые разные аспекты прустовского писательского наследия, в первую очередь — роман «В поисках утраченного времени». Исследователи весьма основательно изучили специфику прустовского текста, вплоть до детального анализа отдельных элементов его художественной структуры. Среди них довольно много частных фрагментов произведения, которые подвергались подробному исследованию и разносторонней интерпретации. В этой связи можно вспомнить ставший уже хрестоматийным эпизод, в котором присутствует пирожное-мадленка, сцену, где писатель Бергот рассматривает «небольшую часть желтой стены» на картине Вермеера «Вид Дельфта» [Boyer], описание колоколен

Мартенвиля во время поездки героя на экипаже, неоднократное упоминание «короткой музыкальной фразы» из сонаты Вентейля и т. п. Все эти фрагменты «Поисков» связаны с особым состоянием персонажей, обусловленном эмоциональным переживанием разного рода жизненных перипетий.

Среди эпизодов текста романа, получивших не столь тщательное рассмотрение, но все-таки привлекавших внимание не только исследователей (см., например: [Feed-Thall]), но и читателей, в том числе связанных с писательской профессией [Ремизов, Вейдле], можно выделить фрагмент, связанный с одной из регулярных прогулок героя. Речь идет о впечатлении рассказчика от, казалось бы, совершенно незначительного события. Прогуливаясь после дождя в сторону Мезеглиза, он замечает отражение в воде пруда черепичной крыши старой халупы садовника, служащего у композитора Вентейля, в которой тот хранил свои инструменты. Игра солнечного луча на поверхности воды и на стене постройки завораживает рассказчика и вызывает у него необычайный энтузиазм, заставляя его четырехкратно воскликнуть: “Zut! zut! zut! zut!”. В данном случае речь идет о междометии, определить точный смысл которого не может и сам рассказчик, решающий, что его долг — не ограничиваться произнесением этих «непрозрачных» (“opaques”) слов, но постараться прояснить свой восторг от увиденного.

Перевод невнятного восклицания на общепонятный язык представляется Прусту весьма сложным. Любопытно, что сложность процесса, с которым сталкивается автор «Поисков» в рамках своего родного языка, сродни той сложности, с которой сталкивается русский переводчик прустовского текста. Интересно, что упомянутый эпизод и прежде всего четырехкратное восклицание повествователя при переводе на русский язык порождали разные варианты. В оригинале контекст, окружающий «непрозрачные слова», выглядит следующим образом: “Le toit de tuile faisait dans la mare, que le soleil rendait de nouveau réfléchissante, une marbrure rose, à laquelle je n'avais encore jamais fait attention. Et voyant sur l'eau et à la face du mur un pâle sourire répondre au sourire du ciel, je m'écriai dans mon enthousiasme en brandissant mon parapluie refermé: "Zut, zut, zut, zut." Mais en même temps je sentis que mon devoir eût été de ne pas m'en tenir à ces mots opaques et de tâcher de voir plus clair dans mon ravissement” [Proust 1954. 1: 155].

В самом раннем из переводов этого прустовского текста, появившемся изначально в 1927 году в издательстве «Academia» и принадлежащем Ф.Ф. Франковскому, данный эпизод передан так: «Черепичная крыша рисовала на поверхности пруда, снова ставшей зеркальной под солнечными лучами, полоску розового мрамора, до сих пор никогда еще не привлекавшую моего внимания. Увидя, как отраженная в воде стена отвечает бледной улыбкой улыбнувшемуся небу, я закричал в диком восторге, размахивая сложенным зонтиком: "Во, во, во, во!" Но в то же время я почувствовал, что мне нельзя ограничиваться этими бессмысленными словами, а надо постараться глубже исследовать причины моего восторга» [Пруст 1992: 169].

В переводе Н.М. Любимова этот отрывок приобретает следующий вид: «Черепичная крыша провела в пруду, который вновь стал прозрачным, розовую прожилку — прежде я на нее не обращал внимания. Увидев на воде и на стене бледную улыбку, отвечавшую улыбке солнца, я, размахивая сложенным зонтом, в полном восторге закричал: “Ух ты, ух ты, ух ты, ух ты!” Но я тут же почувствовал, что не имею права довольствоваться этими ничего не значащими словами, что я должен пристальнее взглянуться в мое восхищение» [Пруст 1973: 179—180].

В самом позднем из существующих на данный момент переводов, предлагаемом Е.В. Баевской, выбор междометия совпадает с любимовским, хотя при этом отличается использованием знаков препинания, что также представляется немаловажным: «К пруду на солнце вернулась вся его зеркальность, и черепичная крыша набрасывала на него сеть розовых прожилок — я такого никогда раньше не видел. И, глядя как вода и поверхность стены отзываются бледной улыбкой на улыбку небес, я радостно вскрикнул, размахивая свернутым зонтиком: “Ух ты! Ух ты! Ух ты!” Но при этом я чувствовал, что долг мой — не отделяться невнятными выкриками, а яснее разобраться в своем восхищении» [Пруст 2017: 197].

Как видим, переводчики избирают разные варианты, чтобы передать на русский язык восклицание рассказчика, что вполне понятно, поскольку оно не имеет точного значения. Лингвисты до сих пор не пришли к единому мнению по поводу этимологии слова “zut”. Что касается его значения, во французских словарях оно истолковывается как слово, выражающее различные чувства: удивление, досаду, разочарование и т. п. В русских словарях чаще всего принят перевод «черт», «черт возьми». Кроме того, отмечается, что оно может играть роль эвфемизма, замещая грубые ругательства. Весьма показательно, что и при переводе французского слова “oraque”, с помощью которого автор пытается охарактеризовать свое восклицание, у переводчиков также возникают разные варианты: «бессмысленное», «ничего не значащее», «невнятное», что вполне закономерно, поскольку семантический диапазон возгласа, о котором идет речь, по сути огромен и изменчив, так как всякий раз задан субъективным эмоциональным состоянием, обусловленным конкретной житейской ситуацией. В силу того, что речь идет о междометии, вряд ли возможно установить точное значение слова. Его главная функция — в чувственном выражении внутреннего эмоционального напряжения, которое может приобретать разнообразные оттенки. Поскольку это состояние рассказчика у Пруста не прояснено автором, вполне понятно, что переводчики полагаются на свое внутреннее субъективное чутье. Каждый предлагает свое междометие, пытаясь выразить то состояние, которое охватывает героя. Сложность, однако, в том, что сам персонаж не вполне понимает природу своего чувства и своего восторга.

Проблема перевода рассмотренного примера выходит за пределы собственно переводческой сферы. Она переходит в область художественного языка и его способности выразить переживание мира «внутренним я». Для Пруста эта проблема связана так же с переводом чувственных переживаний на язык слов, адекватно отражающих субъективное состояние. Для этого подлинный художник слова, по убеждению Пруста, должен иметь особое отношение к языку, должен постоянно «атаковать» его, как сказано в одном из прустовских писем [Proust 1981: 276], то есть постоянно стремиться уйти из-под власти сложившихся стереотипов, застывших клише. Язык истинного писателя должен быть предельно индивидуализированным, он не терпит унификации. Нападение на язык для Пруста — лучший способ его защиты, ибо защищать язык, с точки зрения писателя, — не значит использовать и сохранять в неизменности устоявшиеся речевые формулы, создавая и охраняя незыблемую языковую норму; напротив, это означает постоянное «оживление» языка своим индивидуальным присутствием в нем, через которое проявляются таинственные жизненные закономерности. Так возникает ключевая прустовская формула: «Прекрасные книги написаны на своего рода иностранном языке» (“Les beaux livres sont écrits dans une sorte de langue étrangère”). Поясняя свою мысль, Пруст говорит: «В каждое слово каждый

из нас вкладывает свой смысл или, по крайней мере, свой образ, которые зачастую противоположны заложенным в них изначально» [Proust 1971: 305]. Каждый писатель «должен создавать свой язык, точно так же, как каждый виолончелист, например, обязан создавать свое “звучание”. При этом всегда между звучанием, созданным скверным виолончелистом, и звуком той же ноты, скажем, у Тибо, будет существовать различие — быть может, бесконечно малое, но которое составляет, однако, на самом деле, целый мир» [Proust 1981: 276—277].

Иностранный язык, таким образом, призван выражать субъективные проявления «внутреннего я», с чем связаны своеобразные трудности. Язык, будучи средством коммуникации, должен выражать общие категории, однако для Пруста гораздо важнее функция языка, призванная выражать переживание мира отдельным индивидуумом.

Одни и те же явления и ситуации, по мнению автора «Поисков», могут вызывать различные эмоциональные реакции у разных людей. Они всегда индивидуальны. Пруст уверен, что очень трудно или и вовсе невозможно проверить, бывают ли одинаковые эмоции у разных людей.

Продолжая рассказывать о своем впечатлении в рассматриваемом отрывке текста романа, повествователь пытается осмысливать произошедшее: «И в это самое мгновенье — благодаря проходившему мимо крестьянину с уже довольно угрюмым выражением лица и ставшим еще угрюмее после того, как я чуть-чуть не ткнул его зонтом в лицо, вследствие чего на мои слова: “В такую славную погоду приятно прогуляться, правда?” — он ответил кисло, — я понял еще, что одни и те же чувства не рождаются у разных людей одновременно, в предуказанным порядке. Впоследствии, всякий раз, когда после долгого чтения мне припадала охота поговорить, товарищ, с которым мне не терпелось перекинуться словом, уже наговорился вспасть и теперь мечтал об одном: чтобы ему не мешали читать. А если я с нежностью думал о моих родных, если я принимал наиблагороднейшие решения, которые должны были бы особенно порадовать их, то именно в это время они узнавали о моем давно мной забытом грешке и, когда я бросался их целовать, делали мне строгий выговор» [Пруст 1973: 180].

Пруст стремится ухватить и зафиксировать глубинное психическое состояние личности, связанное с мгновенным, сиюмоментным переживанием жизни во всей ее полноте — то, что существует до сознания, до языка. Отсюда сложности в подборе словесных эквивалентов, необходимость «иностранных языка», сложность и громоздкость прустовской фразы, в которой чувствуется напряжение творческой энергии, направленной на поиск образов, сопутствующих первичной реакции на произошедшее, способных приблизиться к пониманию пережитого. Отсюда предельно кропотливая работа автора над своим стилем. (В качестве одного из признаков этой особенности прустовского стиля можно считать, например, столь частое употребление сравнительных оборотов: «подобно тому, как...», «словно бы...», «как если бы...» и т. п.).

Важность осознания и сохранения мгновенных переживаний действительности для Пруста обусловлена тем, что они, по его убеждению, составляют основу и смысл личностного существования. «Внешнее я» человека, бытующее в настоящем времени, постоянно контактируя с явлениями и предметами объективной действительности, провоцирует возникновение переживания момента «внутренним я», опирающегося на зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые и тактильные ощущения, которые в свою очередь порождают чувственные впечатления, образующие эмоциональный образ на подсознательном уровне. Сфера сознания стремится определить его смысл, облечь его в слова,

«дать ему Имя». Подобное именование предполагает связь возникшего таким образом впечатления с конкретными, породившими его внешними объектами. В силу особого характера сосуществования «внутреннего» и «внешнего я» многие фрагменты глубинной жизни через некоторое время «забываются», однако продолжают пребывать в подсознании.

Обретение «утраченных» моментов жизни «внутреннего я» предполагает обратный процесс — восстановление их Имени через «непроизвольную память», благодаря случайному совпадению ощущения настоящего с его «забытым», находящемся в подсознании аналогом. При этом существенную роль обязан сыграть разум, который должен найти в прошлом соответствующее забытому впечатлению Имя и таким образом актуализировать «утраченное время» (хотя Пруст, судя по некоторым фрагментам текста «Поисков», понимает, что это происходит не всегда). Хрестоматийным примером успешного поиска ушедшего в прошлое настоящего является фрагмент прустовского текста, в котором речь идет о пирожном «мадленка». В эпизоде же, послужившем поводом для данного исследования, можно увидеть начальный этап этого процесса — возникновение внутреннего переживания реального мира, порожденного спонтанными ощущениями. Оставаясь непроясненным, оно, тем не менее, получает Имя, которым становится непроизвольное восхищение повествователя — «зют». Уйдя в подсознание, оно вместе с тем будет даровать рассказчику в будущем возможность через случайную встречу ощущений прошлого и настоящего — при условии восстановления Имени мгновения — «обретения утраченного времени».

Человек, по мнению Пруста, занимает в мире не то место, которое образует его физическое тело. Пространство человеческой личности, считает автор «Поисков», постоянно увеличивается за счет времени, которое пронизывает нас, порождая переживания настоящего, уходящие в прошлое и постоянно пополняющие жизнь «внутреннего я», «как если бы люди были помещены на живые ходули, которые бы постоянно вырастали, оказываясь вдруг выше колоколен» [Proust 1954. 3: 1048]. Поэтому, как считает Пруст, главная задача его произведения — «описывать в нем прежде всего людей (это должно сделать их похожими на чудовищных существ), которые словно бы занимали место столь значительное по сравнению с тем столь суженным, что предназначено им в пространстве, место, напротив, продолжающееся до бесконечности — поскольку они соприкасаются одновременно, как гиганты, погруженные в годы, с эпохами столь отдаленными друг от друга, между которыми разместилось огромное количество дней — во Времени» [Там же].

Частный, казалось бы, эпизод текста оказывается весьма важным для понимания эстетической позиции Пруста, определяющей всю структуру романа. «Непрозрачные» слова являются весьма важными в логике художественного мышления Пруста. В определенной степени они оказываются самыми точными в системе литературного языка Пруста, поскольку расположены в непосредственной близости к изначальному фрагменту жизни и порождены спонтанным переживанием, еще не подправленным логической корректурой разума. Именно эти непроясненные моменты существования становятся важными вехами в процессе обретения утраченного времени, которое в итоге и составляет смысл и содержание человеческой жизни. Это мгновение рождает спонтанную эмоциональную реакцию, которую способно запечатлеть, пожалуй, только «непрозрачное» слово. Затем следует попытка его «перевода» на рассудочный язык, но при этом для Пруста важно не утратить реальность первичного переживания.

Список источников

- Пруст М. В поисках утраченного времени: В сторону Свана / пер. с франц. А.А. Франковского. Л.: Советский писатель, 1992. 480 с.
- Пруст М. В поисках утраченного времени: По направлению к Свану / пер. с фр. Н. Любимова. М.: Художественная литература, 1973. 464 с.
- Пруст М. В сторону Сванна / пер. с франц. Е. Баевской. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 576 с.
- Proust M. *A la recherche du temps perdu*, en 3 volumes, Paris: Gallimard, 1954, 1003 p. (Bibliothèque de la Pléiade).
- Proust M. *Contre Sainte-Beuve précédé de Pastiche et mélanges et suivi de Essais et articles*, Paris: Gallimard, 1971, 1022 p. (Bibliothèque de la Pléiade).
- Proust M. *Correspondance*, vol. 8, Paris: Plon, 1981, 365 p.

Список литературы / References

- Вейдле В. На смерть Бунина // Вейдле В. Умирание искусства. М.: Республика, 2001. С. 177—185.
(Veidle V. On Bunin's death, *Veidle V. The Dying of Art*, Moscow, 2001, pp. 177—185. — In Russ.)
- Ремизов А.М. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 2002. Т. 9. Учитель музыки: Каторжная идиллия. 512 с.
(Remizov A.M. Collected works, in 10 vol., Moscow, 2002, vol. 9. Music teacher: A penal idyll, 512 p. — In Russ.)
- Boyer Ph. *Le petit pan de mur jaune: Sur Proust*, Paris: Seuil, 1987, 252 p.
- Feed-Thall H. *Zut, zut, zut, zut: Aesthetic Disorientation in Proust*, *MLN*, 2009, vol. 124, no. 4, pp. 868—900.

“OPAQUE” WORDS IN THE STRUCTURE OF MARCEL PROUST’S NOVEL “IN SEARCH OF LOST TIME”

Alexandr N. Taganov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shishtagt@mail.ru

Abstract. Based on a specific episode from Marcel Proust's novel “In Search of Lost Time”, the article examines one of the features of the writer's artistic language related to the implementation of his aesthetic principles. It is about the problem of perception and artistic representation of the external world by the “inner self” of a person. The importance of realizing and preserving deep experiences of reality for Proust is due to the fact that, in his opinion, they form the essence and meaning of personal existence. The “external self” of a person, existing in the present tense, being constantly in contact with phenomena and objects of objective reality, generates an experience of the moment of the “inner self”, based on visual, auditory, olfactory, gustatory and tactile sensations, which in turn generate sensory impressions that form an emotional image on a subconscious level. The sphere of consciousness seeks to define its meaning, to put it into words, to “give it a Name”. Such naming presupposes the connection of the interaction that arose in this way with the specific external objects that gave rise to it. Due to the specific character of the coexistence of the “inner” and “outer” selves, many fragments of deep life are “forgotten” after a while, but they continue to remain in the subconscious. The finding of “lost” moments of the life of the “inner self” involves a complex process — the restoration of their Name through “involuntary memory”. In connection with this, another problem arises — the difficulty of translating the Proustian text into Russian.

Keywords: keywords: “opaque” words, translation, “outer self”, “inner self”, “foreign language”, name

For citation: Taganov A.N. “Opaque” words in the structure of Marcel Proust's novel “In Search of Lost Time”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 39—45.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 09.09.2025; approved after reviewing 14.07.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Таганов Александр Николаевич — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shishtag@mail.ru, SPIN-код: 8947-6147

Taganov Alexander Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shishtag@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 46—53.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 46—53.

Научная статья

УДК 811.581'25

EDN <https://elibrary.ru/fvsnxc>

DOI: 10.46726/H.2025.4.6

ИЗ ЕВРОПЫ В РОССИЮ: ИСТОРИЯ НЕПРЯМЫХ ПЕРЕВОДОВ КНИГИ «ШИ ЦЗИН» (1850—1930)

Фу Даэнь

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
fudaen123@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию источников русских переводов книги «Ши цзин» с 1850 по 1930 годы, которые опираются на европейские посреднические тексты (латинские, английские, французские и немецкие версии). Учитывая отсутствие явных отсылок к оригиналам в большинстве русских переводов, автор выстраивает корреляционную модель между русскими текстами и их европейскими / китайскими прототипами через анализ последовательности стихов, перевода заголовков и трактовки образов. Статистический приоритет переводов «Гоффэн» («Нравы царств») над «Я» («Оды») и «Сун» («Гимны») отражает избирательность восприятия китайской литературы в России в указанный исторический период. Данные переводы представляют собой как раннюю адаптацию китайской литературы, так и элемент формирования национального ориентального дискурса. Работа также подчеркивает значение трансляционных текстов для истории русской литературы. Дополнительная значимость данного исследования заключается в углубленном анализе переводов-посредников книги «Ши цзин» — аспекта, остававшегося на периферии научного внимания. Это позволило четче выявить специфику переводных текстов и их роль в истории русской литературы.

Ключевые слова: «Ши цзин», непрямые переводы, М.Л. Михайлов, К.Д. Бальмонт, А. Оленин

Для цитирования: Фу Даэнь. Из Европы в Россию: история непрямых переводов книги «Ши цзин» (1850—1930) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 46—53.

«Ши цзин» (诗经, канон поэзии, XI—VI вв. до н.э.) — древнейший китайский поэтический канон, отредактированный Конфуцием. Советский академик-китаист В.М. Алексеев писал, что книга «Ши цзин» «легла в основу всей будущей китайской литературы и образования на два с половиной тысячелетия» [Алексеев: 78]. Именно благодаря этому исключительному значению книга Ши цзин стала одним из первых китайских текстов, переведенных на западные языки, включая русский, и использовалась как важный источник для изучения китайской культуры и литературы.

Переводчиков книги «Ши цзин» в России можно разделить на две группы. С одной стороны, миссионеры-китаисты, включая Д.П. Сивиллова (архимандрит Даниил, 1788—1877) [Сивиллов] и В.П. Васильева (1818—1900) [Васильев], были первыми, кто переводил текст непосредственно с китайского. С другой стороны, как свидетельствует «Библиографический указатель» переводов китайской классической литературы, большинство ранних русских версий (1850—1930) переводилось с европейских языков [Китайская классическая...: 97—98].

Непрямой характер этих переводов стал основной причиной отсутствия к ним внимания со стороны исследователей. До сих пор в большинстве случаев не установлены их европейские источники, не говоря уже о китайских оригиналах. Выявление этих текстуальных связей составляет главную задачу настоящей работы.

Распространение книги «Ши цзин» в Европе происходило по сходным направлениям. С одной стороны, христианские миссионеры создавали первые переводы на латинский язык, они служили важным посредническим звеном для последующих переводов на национальные языки. Особое значение имел латинский перевод А. Лашарма («Confucii Chi-king, sive liber carminum», 1830), который, как пишет Ли Хуэй, «оказал значительное влияние» в числе прочих на переводы Фридриха Рюккера [Ли: 70].

С другой стороны, профессиональные китаисты, включая Виктора фон Штрауса («Schi-king: Das Kanonische Liederbuch der Chinesen», 1880), осуществляли переводы непосредственно с китайских оригиналов. Во Франции этот процесс принял особую форму, наряду с научными переводами существовали и литературные адаптации, наиболее ярким примером которых стала «Нефритовая книга» («Le Livre de jade», 1867) Жюдит Готье.

В период с 1850 по 1930 год десять русских переводчиков, работавших с непрямыми переводами (включая совместные работы и соавторство) книги «Ши цзин», внесли основной вклад в распространение в России знания о древнейшей китайской поэтической книге, переведя в общей сложности двадцать одно стихотворение. Статистический приоритет переводов «Гоффен» («Нравы царств») над «Я» («Оды») и «Сун» («Гимны») отражает избирательность восприятия китайской литературы в России в указанный исторический период. В результате анализа переводов заголовок, тематики, интерпретации антропонимов и топонимов, а также синтаксических особенностей автору этой статьи удалось выяснить, что их работы имеют следующие европейские источники, а также соответствуют следующим оригинальным китайским текстам:

Ф.Б. Миллер (1818—1881): «Из книги “Ши-кинг”» / «Изречение Конфуция» (1852; 1860) [Миллер Ф.Б.: 156] — «Mahnung» Ф. Рюккера [Rückert: 307] — «Бань» (板) из «Великих од» (大雅);

О.Ф. Миллер (1833—1889): «Воин полководцу», «Голова овцы жиреет...», «Все может он...» (1861) [Миллер О.Ф.: 93—94] — “Der Soldat an Seinen Feldeherrn”, “Das Jammerbild” Ф. Рюккера [Jolowic: 18], “Übermacht des Einens” И. Крамера [Jolowic: 20] — «Ци фу» (祈父), «Тяо чжи хуа» (苕之华), «Юй у чжэн», (雨无正) из «Малых од» (小雅);

М.Л. Михайлов (1829—1865): «Мой хороший, мой пригожий...» (1862) [Михайлов: 8] — возможно, “Der Einzige” Ф. Рюккера [Rückert: 129] — «Гао цю» (羔裘) из «Песен царства Тан» (唐风);

М.И. Мерцалова: «Мы собираем траву...», «При лунном свете», «Служба на пограничной страже», «Скромно и нескромно», «В полях Мей...», «Мера времени» (1882) [Швейгер-Лерхенфельд: 238—239, 247—250] — “Lied der Pflanzenleserinne”, “Im Mondschein”, “Gränzwachedienst”, “Spröd und frech”, “Ortsgedächtniß” и “Zeitmaß” Э. Мейера [Meier: 18, 13, 28, 14, 39, 40] — «Цай вэй» (采薇) из «Малых од», «Юе чу» (月出) из «Песен царства Чэнь» (陈风), «Ян чжи шуй» (扬之水) из «Песен столицы» (王风), «Пао ю ку е» (匏有苦叶) из «Песен царства Бэй» (邶风), «Сан чжун» (桑中) из «Песен царства Юн» (鄘风), «Цай гэ» (采葛) из «Песен столицы».

Н.Н. Бахтин (1866—1940): «Неровен ласточки полет...» (1896) [Китай и Япония в их поэзии: 11] — «Das Geleite» Э. Мейера [Meier: 16] — «Янь янь» (燕燕) из «Песен царства Бэй» (邶风);

К.Д. Бальмонт (1867—1942): «У врат закатных» (1908) [Бальмонт: 141] — возможно, «La Chanson des deux Portes» Э. Блемона (Émile Blémont, 1839—1927) [Blémont: 48] — «Чу ци дун мэнь» (出其东门) из «Песен царства Чжэн» (郑风);

А.П. Колтоновский (1862—1939): «Песня девушек, собирающих подорожник», «Красавец-охотник», «Неудавшееся свидание», «Обильна влага летних рос...» (1912) [Грубе: 24—27] — “Lied der Wegerichpflückerinnen”, “Der schöne Jäger”, “Verfehlte Zusammenkunft”, “Klage über die heillosen Zustände im Reich” В. Штрауса [Strauß: 72, 88, 112, 308] — «Фоу и» (芣苢) из «Песен царства Чжоу и стран, лежащих к югу от него» (周南), «Е ю сы цзюнь» (野有死麋) из «Песен царства Шао и стран, лежащих к югу от него» (召南), «Цзин нюй» (静女) из «Песен царства Бэй», перевод стихотворения «Чжэнью» (正月) из «Малых од»;

Б.К. Егорьев (1886—1914) и В. Марков (1877—1914): «Девушка» (1914) [Свириль Китая: 19] — “Une jeune fille” Ж. Готье [Gautier: 28—29] — «Цзян чжун цзы» (将仲子) из «Песен царства Чжэн» (郑风);

В. Невелович: «Песня печали об отсутствующем супруге» (1919) [Невелович: 58] — возможно, “Trauer über des Gatten Entfernung” В. Штрауса [Strauß: 138] — «Бо си» (伯兮) из «Песен царства Вэй» (卫风);

А. Оленин: «Жалоба» (1926) [Оленин: 6] — “Klage um das Vaterland” Ф. Рюккера [Rückert: 82] — «Шу ли» (黍离) из «Песен столицы», а «Угнетение» [Оленин: 9] — “Bedrückung” Ф. Рюккера [Rückert: 121] или “Der Bedrücker” И. Крамера [Cramer: 84] — «Шо шу» (硕鼠) из «Песен царства Вэй» (魏风).

В истории переводов книги «Ши цзин» в России существует три версии, источники которых трудно определить. Такова работа М.Л. Михайлова, который в 1862 году опубликовал стихотворение под названием «Мой хороший, мой пригожий...». Г.Ф. Коган предполагал, что его переводы выполнены «по немецким переводам Рюккера» [Коган: 561]. В таком случае этот текст может быть переводом стихотворения «Единственный» (“Der Einzige”). Оба текста близки по тематике: они описывают изящного охотника. У Михайлова: «Мой хороший, мой пригожий носит смушковый кафтан; / Опоясан стройный стан барсовою кожей...» [Михайлов: 8]. У Ф. Рюккера: “Der im Lammfell glänzend helle, / Mit dem Gurt von Pardelfelle, / Der so sanft und ritterlich...” (В подстрочном переводе: «Тот, кто в ягнячей шкуре сияет ярко, / С поясом из барсучьего меха, / Такой нежный и благородный...») [Rückert: 129]. Однако между текстами есть существенные различия.

Учитывая, что в европейских переводах книги «Ши цзин» не удается найти полного соответствия тексту Михайлова, можно предположить, что он творчески переработал и адаптировал свой источник. В его переводе заметны явные черты локализации: он использует язык, характерный для устной народной традиции. Не исключено, что он опирался на работы Э. Мейера, И. Крамера или даже английские и латинские версии «Ши цзин». Однако независимо от этого, оригинальный китайский текст этого стихотворения происходит из «Песен царства Тан» (唐风) и называется «Гао цю» (羔裘, «Овчинная шуба»). В подтверждение данного тезиса следует обратиться к работе немецкого исследователя Томаса Иммоса, который в своей книге составил детализированные таблицы соответствий между переводами Ф. Рюккера и оригинальными китайскими текстами, причем

полученные результаты согласуются с выводами настоящего исследования [Immoss: 123]. Хотя данное сопоставление предполагает, что переводы Михайлова восходят к версии Рюккерта, следует отметить значительное сходство между переводами Рюккерта, Мейера и Крамера.

В стилистическом и тематическом аспектах переводы как Михайлова, так и Рюккерта подразумевают любовное восхищение женщины благородным мужчиной. Если Михайлов действительно ориентировался на перевод Рюккерта, то использование любовного сюжета, вероятнее всего, обусловлено характерным для немецкого поэта романтическим прочтением книги «Ши цзин» — особенностью, проявляющейся также в его обработках «Гимнов» («颂»), которые лишены подобия романтических черт в китайском оригинале. Подобная трактовка «Овчинной шубы» радикально расходится с позицией китайской исследовательницы Чэн Цзюньин: «Это, по-видимому, песня служанки, выражающей протест против господина» [Чэн: 208]. Примечательно, что в оригинальном тексте гендерная принадлежность лирического субъекта не обозначена эксплицитно. Строки «...自我人居居. 岂无他人, 维子之故...» (В подстрочном переводе: «Ты к нам высокомерен. Разве нет других, кроме тебя...») выражают скорее упрек, нежели восхищение.

Столь же сложно определить европейский источник стихотворения «У врат закатных» К.Д. Бальмонта, которое появилось в его сборнике «Зовы древности» (1908):

У врат закатных, городских...
Как тучек, легких и сквозных
Толпа, весной, с зарей.
Но что мне в том, что мне в том...
В покрове белом и густом
Вот здесь — моя любовь... [Бальмонт: 141].

Китайский оригинал этого стихотворения найти несложно — это «Чу ци дун мэн» (出其东门, «Выходя из восточных ворот») из «Песен царства Чжэн» (郑风). Этот текст был переведен советским китаистом А.А. Штукиным: «...и в ярких шелках / Девушки толпами ходят, как в небе плывут облака...» («Вот из восточных ворот выхожу») [Шидзин: 113].

Что касается европейского источника перевода Бальмонта, то надо учитывать, что он владел несколькими европейскими языками, а название «У врат закатных» не встречается ни в одном из европейских переводов книги «Ши цзин». Бальмонт бывал в Оксфорде в 1897 и 1902 годах и работал в местных библиотеках. В период с 1879 по 1910 год издательство Оксфордского университета выпускало серию «Священные книги Востока» («Sacred Books of the East») под редакцией знаменитого индианиста Макса Мюллера, в которую вошел перевод из книги «Ши цзин» Дж. Легга. Е.А. Осьминина считает, что Бальмонт в своих переводах «мог воспользоваться и работами Легга, и очень вольным пересказом китайских стихотворений на французском языке в “Книге нефрита” (1867) у Ж. Готье» [Осьминина: 279]. Однако в третьем томе серии, где опубликован перевод Дж. Легга, стихотворение «Чу ци дун мэн» отсутствует. Точно так же его нет и в переводе Ж. Готье.

Можно предположить, что Бальмонт опирался на стихотворение из сборника французского поэта Эмиля Блемона «Китайские стихи» («Poèmes de Chine», 1887). Блемон переводит стихотворения «Чу ци дун мэн» под названием «La Chanson des deux Portes» («Песня двух ворот»). Стилистически эти тексты близки,

хотя в содержании есть существенные различия. Перевод Блемона звучит так: “Pres de la Porte-Orientale, / Chaque soir, quel charmant scandale... / Que les nuages du printemps... / Mais que m’importe, que m’importe...” (В подстрочном переводе: «У Восточных ворот, / Каждый вечер, какой очаровательный скандал... / Как весенние облака... / Облака весенних грез... / Но какое мне дело, мне дело...») [Blémont: 48]. Импрессионистическая тональность этого текста и совпадение отдельных предложений подтверждают гипотезу.

В 1926 году А. Оленин опубликовал в журнале «Экран» два стихотворения: «Жалоба» и «Угнетение». В примечании он указал, что эти тексты взяты «из китайского поэта Ши кинг» [Оленин: 9], что создает впечатление, будто в древнем Китае существовал некий поэтический царь. Сравнив работы А. Оленина с английскими, немецкими и французскими переводами книги «Ши цзин», можно предположить, что «Жалоба» является переводом стихотворения Рюккера «Жалоба на судьбу родины» (“Klage um das Vaterland”) [Rückert: 82], а «Угнетение» — его же «Угнетения» (“Bedrückung”) [Rückert: 121] или «Угнетателя» (“Der Bedrücker”) И. Крамера [Cramer: 84]. Однако если первое стихотворение происходит из работы Рюккера, вероятность того, что «Угнетение» также основано на его текстах, значительно возрастает.

Учитывая значительное сходство между переводами Ф. Рюккера и И. Крамера, ниже сопоставляются только сегменты текстов Оленина и Рюккера. Предположение об источнике перевода основано на сходстве названий и содержания переводов двух авторов. У Оленина читаем: «Молча клонятся к земле колосья, зреет рис и конопля... / Синее небо над нами, гордое небо, скажи, долго ли быть нам рабами...» («Жалоба») [Оленин: 6]. У Рюккера: “Schweigend senkt der Reiß die schweren Häupter, und die Hirse reift heran... / O du blauer Himmel hoch ueber uns erhaben, / Läsest du wie lange noch, uns im Leid begraben...” (“Klage um das Vaterland”), в подстрочном переводе: «Молча склоняет рис свои тяжелые головы, и просо созревает... / О ты, синее небо, высоко над нами возвышающееся, / Скажи, как долго ещё ты будешь держать нас в скорби...») [Rückert: 82]. В стихотворении «Угнетение»: «Мышь большая, не съедай снятый с поля урожай...» [Оленин: 9]. У Рюккера читаем: „Große große Maus, friß mir nicht die Hirs' im Hau...” (“Bedrückung”, в подстрочном переводе: «Большая, большая, большая мышь, не ешь мое пшено в доме...») [Rückert: 121].

Судя по названию и первому предложению, второй перевод Оленина, стихотворение «Угнетение», соответствует «Шо шу» (硕鼠, «Большая крыса») из «Песен царства Вэй» (魏风). В «Ши цзин» мало стихотворений, где главным героем является крыса, а «Шо шу» — это произведение, написанное крестьянами для выражения протеста против тяжелых налогов, где «крыса» означает жестоких правителей-эксплуататоров. Китайский эквивалент стихотворения «Жалоба» — это «Шу ли» (黍离, «Пышное просо») из «Песен столицы». Это подтверждается тем, что текст описывает созревание риса. Кроме того, в немецком варианте говорится: “...Wer mich kennt, der weiß warum ich klage; / Wer mich nicht kennt, fragt, was ich im Kopfe trage...” (в подстрочном переводе: «...Кто знает меня, тот понимает, почему я жалуюсь; / Кто не знает меня, спрашивает, что у меня в голове...»). Эта строка в «Шу ли» читается так: “知我者谓我心忧, 不知我者谓我何求?” (в подстрочном переводе: «Те, кто меня знает, говорят, что я волнуюсь; те, кто меня не знает, говорят: чего я хочу?»). Ср. также перевод А.А. Штукина: «...А тот, кто не знает меня, говорит: что ищет он в этих полях...» («Там просо склонилось теперь») [Шицзин: 83].

В описываемый период книга «Ши цзин» являлась одним из первых и наиболее часто переводимых китайских (и в целом восточных) поэтических текстов в России. Введение китайской поэзии в культурный обиход стало не только материалом для знакомства с китайской литературой, но и источником знаний о жизни китайского народа, что особенно заметно по выбору тем: большинство переводчиков отдавали предпочтение народным песням, отражающим труд и чувства простых людей, а не торжественным одам или гимнам. Осознанный отбор текстов превратил «Ши цзин» из комментария конфуцианских ученых к ритуальной музыке бронзового века Китая в зеркало, в котором Россия увидела свое восточное отражение. В песнях китайских крестьян о сельском труде угадывались черты славянской общины, а в жалобах жен на ушедших на войну мужей слышались отголоски русской народной песни.

Большинство переводчиков книги «Ши цзин» в этот период не было профессиональными китаистами, и их работы трудно оценивать с точки зрения точности, особенно учитывая заметные следы подражания европейским образцам. Однако нельзя недооценивать их вклад: переводы «Ши цзин» стали одной из первых попыток русской интеллигенции воссоздать для русского читателя восточную литературу, наполненную национальным духом. Даже ошибки и неточности в их работах свидетельствуют о творческом подходе и стремлении адаптировать китайскую поэзию к русскому культурному контексту. Таким образом, эти переводы стали чем-то вроде смушковых кафтанов, расшитых восточными узорами, — уникальными текстами, которые сегодня являются неотъемлемой частью литературного наследия России.

Список источников

- Бальмонт К.Д. Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних. СПб.: Пантеон, 1910. 212 с.
- Васильев В.П. Примечания на третий выпуск «Китайской хрестоматии»: перевод и толкования Ши Цзина. СПб., 1882. 160 с.
- Грубе В. Духовная культура Китая: Литература, религия, культ / пер. с нем. П.О. Эфруssi. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. 237 с.
- Китай и Япония в их поэзии. СПб.: Типография Я.И. Либермана, 1896. 63 с.
- Миллер О.Ф. Курс истории поэзии // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1861. № 2. С. 89—98.
- Миллер Ф.Б. Стихотворения Ф.Б. Миллера: в 2 кн. М.: В тип. Каткова и К°, 1860. Кн. 1: Баллады и романсы. Лирические стихотворения. Смесь. 270 с.
- Михайлов М.Л. Стихотворения М.Л. Михайлова: Подражания восточному. Из английских поэтов. Из немецких поэтов. С венгерского. С малоросийского. С польского. Народные песни. Берлин: Georg Stilke, 1862. 326 с.
- Невелович В. Литературный Китай // На рубеже Востока. 1929. № 3. С. 56—64.
- Оленин А. Из китайского поэта Ши кинг: Жалоба; Угнетение / пер. А. Оленина // Экран. 1926. № 45. С. 6, 9.
- Сивиллов Д.П. «Ши цзин», или Собрание древних стихотворений. Одна из канонических книг китайцев. Перевод с китайского. Т. 1, ч. 1. 1855 г. // АВПРИ. Ф. 152. Оп. 505. № 90.
- Егорьев В., Марков В. Свирель Китая. СПб.: Общество художников «Союз молодежи», 1914. 116 с.
- Швейгер-Лерхенфельд А.Ф. Женщина, ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара: с прил. ст. о русских женщинах / сост. В.И. Немирович-Данченко; пер. с нем. М.И. Мерцаловой. СПб.: А.Ф. Девриен, 1885. 688 с.
- Шицзин: Книга песен / под ред. А.А. Штукина и Н.Т. Федоренко; М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 611 с.

- Blémont E. Poèmes de Chine, Paris: Alphonse Lemerre, 1887, 216 p.
- Gautier J. Le Livre de Jade, Paris: Plon, 1933, 266 p.
- Cramer J. Schi-King, oder Chinesische Lieder, gesammelt von Confucius: Neu und frei nach P. La Charme's lateinischer Uebersetzung bearbeitet, Crefeld: Verlag der J.H. Funcke'schen Buchhandlung, 1844, 255 s.
- Jolowicz H. Polyglotte der orientalischen Poesie, Leipzig: Otto Wigand, 1856, 637 s.
- Meier E. Morgenländische Anthologie. Hildburghausen: Bibliograph, Institut, 1869, 256 s.
- Rückert F. Schi-king: Chinesisches Liederbuch gesammelt von Confucius, dem Deutschen angeeignet von Friedrich Rückert, Altona: J.F. Hammerich, 1833, 360 s.
- Strauß V. von. Schi-king: Das Kanonische Liederbuch der Chinesen. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1880, 528 s.
- 诗经译注 (Ши цзин: перевод и комментарий) / пер. и комм. Чэн Цзюньин 程俊英. Шанхай: издательство Гуцзи, 1985. 687 с.

Список литературы / References

- Алексеев В.М. Труды по китайской литературе: в 2 кн. / сост. М.В. Баньковская. М.: Восточная литература, 2002. Кн. 1. 574 с.
- (Alekseev V.M. Works on Chinese literature: in 2 vols., vol. 1, Moscow, 2002. — In Russ.)
- Китайская классическая литература: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке / сост. И.К. Глаголева; автор вступ. ст. В.Ф. Сорокин. М.: ВГБИЛ, 1986. 324 с.
- (Classical Chinese Literature: A Bibliographic Index of Russian Translations and Critical Literature in Russian, comp. by I.K. Glagoleva; intro by V.F. Sorokin, Moscow, 1986, 324 p. — In Russ.)
- Коган Г.Ф. Примечания // Михайлов М.Л. Сочинения: в 3 т. / под общ. ред. Б.П. Козьмина. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 1: Стихотворения. С. 529—620.
- (Kogan G.F. Notes, *Mikhailov M.L. Works: in 3 vols.*, Moscow, 1958, vol. 1: Poems, pp. 529—620. — In Russ.)
- Осьминина Е.А. «Китайские стихи» Бальмента и Брюсова: заглавие и жанр // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 6 (777). С. 278—288.
- (Osminina E.A. “Chinese Poems” by Balmont and Bryusov: Title and Genre, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2017, no. 6 (777), pp. 278—288. — In Russ.)
- Immoss T. Friedrich Rückerts Aneignung des Schi-king. Ingenbohl: Theodosius-Buchdruck, 1962, 135 s.
- Li Xuéyi 李慧. 孙璋拉丁文《诗经》译本前言 // 拉丁语言文化研究. 第四辑. 香港, 2016. С. 74—79.
- (Li H. Preface to the Latin version of Shijing, *Journal of Latin Language and Culture*, Hong Kong, 2016, vol. 4, pp. 74—79. — In Chinese.)
- Чэн Цзюньин 程俊英 译注 // 诗经译注. 上海: 上海古籍出版社, 1985. 687 с.
- (Cheng, J. Annotations, *Shi Jing: Translation and Annotations*, Shanghai, 1985, 687 p. — In Chinese.)

FROM EUROPE TO RUSSIA: A HISTORY OF INDIRECT TRANSLATIONS OF THE “SHIJING” (1850—1930)

Fu Daen

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
fudaen123@gmail.com

Abstract. This study examines the source materials of Russian translations of the *Shi-jing* between 1850 and 1930, which predominantly relied on European intermediary texts (Latin, English, French, and German versions). Confronting the absence of explicit source

references in most Russian translations, the author establishes correlative models between Russian texts and their European / Chinese prototypes through analyzing verse order, title renderings, and imagery treatment. The statistical preference for translating Guofeng (Airs of the States) over Ya (Hymns) and Song (Eulogies) reflects Russia's selective reception of Chinese literature. These translations functioned both as early adaptations of Chinese classics and as elements in constructing Russia's Orientalist discourse. The study further underscores the significance of transmediated texts for Russian literary history, with added value in its analysis of previously overlooked European intermediary translations, clarifying the unique role of such transmediated texts.

Keywords: Shijing, secondary translation, M.L. Mikhailov, K.D. Balmont, A. Olenin

For citation: Fu Daen. From Europe to Russia: a history of indirect translations of the "Shijing" (1850—1930), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 46—53.

Статья поступила в редакцию 26.04.2025; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 10.08.2025.

The article was submitted 26.04.2025; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 10.08.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Фу Даэн — аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, fudaen123@gmail.com

Fu Daen — Postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, fudaen123@gmail.com

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 54—64.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 54—64.

Научная статья

УДК 81'255.2'322.4

EDN <https://elibrary.ru/wgxcsl>

DOI: 10.46726/H.2025.4.7

СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА И ИХ РОЛЬ В ПЕРЕДАЧЕ АВТОРСКОГО СТИЛЯ (на материале романа В. Набокова «Ада, или Отрада»)

Светлана Андреевна Маник, Виктория Артуровна Харламова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

maniksa@ivanovo.ac.ru, kharlamovavi12@gmail.com

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию ключевой проблемы художественного перевода — адекватной передаче уникального авторского стиля при использовании систем машинного перевода (МП). Новизна исследования заключается в комплексном сопоставительном анализе профессионального перевода романа В. Набокова «Ада, или Отрада», выполненного А.А. Бабиковым, и переводов, сгенерированных нейросетевыми моделями DeepL и Smartcat. В статье классифицируются типичные ошибки МП при работе со сложными стилистическими элементами, такими как метафоры, каламбуры и аллюзии. По результатам анализа делается вывод о том, что машинный перевод тяготеет к буквализму и стилистическому упрощению, что ведет к потере важнейших элементов авторского замысла. В отличие от машины профессиональный переводчик выступает в роли соавтора, способного к глубокой интерпретации и творческой адаптации текста. Таким образом, применение МП в переводе стилистически сложной прозы признается ограниченным и возможным лишь на подготовительных этапах с обязательным последующим профессиональным редактированием.

Ключевые слова: машинный перевод, художественный перевод, авторский стиль, сравнительный анализ перевода, стилистические средства

Для цитирования: Маник С.А., Харламова В.А. Современные системы машинного перевода и их роль в передаче авторского стиля (на материале романа В. Набокова «Ада, или Отрада») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 54—64.

Введение. В эпоху цифровизации, когда технологии искусственного интеллекта активно проникают во все сферы человеческой деятельности, происходит качественный скачок в развитии систем машинного перевода (МП). Современные

нейросетевые модели, основанные на сложных алгоритмах, демонстрируют высокую эффективность в обработке стандартных текстов, что ставит перед исследователями закономерный вопрос о границах их применимости в такой творческой области, как художественный перевод. Несмотря на технологический прогресс в техническом переводе или переводе стандартизованных текстов, проблема адекватной передачи стилистического и эстетического богатства литературного произведения остается остро дискуссионной.

Актуальность данного исследования обусловлена двумя ключевыми факторами. Во-первых, необходимостью научного осмыслиения потенциала и ограничений новейших систем МП в работе с художественными текстами. Во-вторых, уникальностью самого материала — творчества Владимира Набокова, которое представляет собой предельную проверку для любой переводческой стратегии, как человеческой, так и машинной. Его проза, характеризующаяся многоязычием, виртуозной игрой слов, обилием культурных аллюзий и авторских неологизмов, является идеальным пространством для выявления сильных и слабых сторон современных технологий. Роман «Ада, или Отрада: семейная хроника» (*“Ada, or Ardor: A Family Chronicle”*), написанный на английском языке с вкраплениями русского и французского, концентрирует в себе все стилистические особенности В. Набокова, бросая вызов переводчику. Сложность произведения заключается не только в языковой интерференции, но и в глубоком переплетении литературных традиций, философских размышлений о природе времени и сложной системе символов. Сам Набоков, будучи требовательным теоретиком и практиком перевода, придавал огромное значение точности и стилистической адекватности.

Важно подчеркнуть, что творчество В. Набокова давно находится в фокусе внимания литературоведов, однако вопросы перевода его произведений, особенно в контексте автоматизированных систем, изучены недостаточно. В то же время исследования, посвященные машинному переводу художественной литературы, чаще всего фокусируются на менее стилистически маркированных текстах. Таким образом, комплексный анализ эффективности нейросетевых переводчиков на материале прозы В. Набокова представляет собой малоизученную область, что и определяет новизну настоящей работы.

Цель настоящего исследования — провести комплексный сопоставительный анализ профессионального перевода романа В. Набокова «Ада, или Отрада» и его машинных переводов для выявления возможностей и ограничений современных систем МП в передаче лингвостилистических особенностей художественного текста.

Для достижения поставленной цели в качестве материала исследования были взяты три версии перевода:

- 1) профессиональный перевод, выполненный ведущим набоковедом А.А. Бабиковым (2022);
- 2) машинный перевод, сгенерированный системой DeepL;
- 3) машинный перевод, сгенерированный системой Smartcat.

На основе полученных результатов предпринимается попытка систематизировать и классифицировать типы переводческих ошибок и потерь, допускаемых МП при работе со сложными стилистическими приемами (карамбурами, аллюзиями, метафорами, авторскими неологизмами). Таким образом, результаты исследования вносят вклад в дискуссию о перспективах и границах использования искусственного интеллекта в художественном переводе, а также могут быть использованы для дальнейшего совершенствования алгоритмов МП.

Исследование базируется на сравнительно-сопоставительном анализе с применением элементов лингвостилистического и переводоведческого подходов, что позволяет оценить качество переводов не только с точки зрения формальной точности, но и с позиции сохранения эстетической и смысловой целостности оригинала.

Специфика и эволюция машинного перевода

Справедливо утверждать, что МП, являясь одной из ключевых и наиболее динамично развивающихся областей искусственного интеллекта, за последние годы претерпел кардинальные изменения. Эта трансформация затронула как сами подходы к переводу, так и переводческую деятельность в целом, открыв новые горизонты и обозначив четкие границы применимости, особенно в такой творческой сфере, как художественный перевод.

Термин «машинный перевод» принято рассматривать в двух аспектах. В узком смысле — это процесс автоматизированного переноса текста с одного естественного языка на другой с минимальным участием человека или без него. В широком же смысле МП представляет собой междисциплинарную область научных исследований на стыке лингвистики, математики и информатики, нацеленную на постоянное совершенствование переводческих систем [Воронович: 3].

Исторически первой значимой технологией стал машинный перевод на основе правил (Rule-Based Machine Translation). Эти системы опирались на сложные наборы лингвистических правил (грамматических, синтаксических, семантических) и двуязычные словари. Такой подход был эффективен для перевода строго структурированных текстов с ограниченной лексикой и однозначными конструкциями, например, технических инструкций или юридических документов. Однако он демонстрировал низкую гибкость и не мог адекватно обрабатывать идиомы, метафоры и стилистические нюансы, что делало его практически непригодным для художественной литературы.

Прорывом стал статистический машинный перевод (Statistical Machine Translation), который сместил фокус с лингвистических правил на математическую вероятность. Такие системы обучались на огромных массивах параллельных текстов (оригиналов и их профессиональных переводов), вычисляя наиболее вероятные соответствия для отдельных слов и фраз. Это позволило значительно улучшить качество перевода идиоматических выражений. Именно на этом этапе стали популярны такие онлайн-сервисы, как Google Translate [Карцева, Магарян, Гурова]. Тем не менее системы статистического машинного перевода часто страдали от недостаточной гладкости и грамматической когерентности текста, поскольку «видели» текст как набор сегментов, а не целостное высказывание.

Современный этап развития связан с нейронным машинным переводом (Neural Machine Translation), основанным на технологиях глубокого обучения (Deep Learning). В отличие от статистического машинного перевода, нейросети обрабатывают предложение целиком, кодируя его в виде сложного числового вектора и затем декодируя на целевой язык. Это позволяет достичь беспрецедентной гладкости, естественности и учета широкого контекста. Именно появление нейронного перевода сделало возможным сам факт постановки вопроса о машинном переводе художественной литературы. Однако и эта технология имеет свои ограничения: тенденцию к «усреднению» и упрощению уникального авторского стиля, неспособность распознавать глубокие культурные аллюзии и сложную игру слов, а также риск «галлюцинаций» — добавления в перевод информации, отсутствовавшей в оригинале [Bahdanau, Cho, Bengio].

Существуют также гибридные системы, которые стремятся комбинировать преимущества различных подходов, например, сочетать нейронные сети с правилами или статистическими моделями для повышения точности.

Эволюция технологий привела к тому, что современный перевод все чаще рассматривается как деятельность, происходящая в сложном цифровом пространстве между машинным переводом и краудсорсингом [Алексеева, Мишланова]. При работе с художественной литературой, особенно с такими стилистически изощренными авторами, как В. Набоков, возможно выделить следующие фундаментальные проблемы МП:

— *передача авторского идиостиля*: системы нейронного машинного перевода, обученные на огромных и разнородных корпусах, склонны к нормализации и сглаживанию уникальных стилистических черт, заменяя авторскую экспрессию на более стандартные и вероятные конструкции;

— *игра слов, каламбуры и неологизмы*: набоковская проза изобилует многозначностью и языковой игрой. МП, как правило, не способен распознать двойное дно высказывания и выбирает лишь одно, наиболее статистически вероятное значение, полностью теряя замысел автора;

— *культурные и интертекстуальные аллюзии*: глубокие отсылки к другим произведениям искусства и культурным реалиям могут быть неверно интерпретированы или проигнорированы машиной, если аналогичные примеры отсутствовали в ее обучающей выборке;

— *синтаксическая сложность и ритм прозы*: машина может не справиться со сложной, намеренно измененной синтаксической структурой, характерной для Набокова, и упростит ее, разрушив ритмический рисунок текста.

Таким образом, несмотря на впечатляющий прогресс, современный машинный перевод остается инструментом, возможности и ограничения которого при работе с лингвостилистически насыщенным художественным текстом требуют глубокого и всестороннего анализа. Далее представляется возможным проиллюстрировать основные положения, изложенные выше.

Для работы с художественным текстом В. Набокова были выбраны такие системы машинного перевода, как DeepL и Smartcat, поскольку комбинация DeepL и Smartcat обеспечивает сбалансированный подход к переводу художественной литературы.

DeepL представляет собой передовую систему машинного перевода нового поколения, которая значительно превосходит традиционные онлайн-переводчики благодаря широкой языковой поддержке, возможности работы с разными форматами данных, настройке стиля, функциям создания глоссариев. В свою очередь Smartcat является профессиональной CAT-платформой (автоматизированный процесс перевода с помощью компьютерных технологий), которая обеспечивает эффективное управление переводами через систему памяти переводов, поддержку терминологической согласованности через глоссарии, удобные инструменты для работы переводчиков, возможности контроля качества перевода.

Представляется интересным осуществить сравнительно-сопоставительный анализ трех переводов.

Идиостиль В. Набокова

Прежде чем приступить к анализу текста, рассмотрим ключевые моменты стиля В. Набокова. Для его произведений характерны:

— *языковая игра и многоязычие*. Одной из самых узнаваемых черт стиля Набокова является его виртуозное обращение с языком. Будучи билингвом, он

свободно вплетал в русскую и английскую речь слова и целые фразы из других языков, в первую очередь из французского, что можно рассматривать не просто как украшение текста, а как способ создания многослойного смысла, культурных отсылок и особого, космополитичного мира его произведений;

— **«интрига слова» и усложненная форма.** Для Набокова характерно смешение фокуса с традиционной «интриги действия» на «интригу слова». Важным становится не столько само событие, сколько то, как оно описано, какие слова и образы для этого используются. Читатель вовлекается в процесс расшифровки текста, разгадывания аллюзий и каламбуров. Как отмечает Г.А. Жиличева, в произведениях Набокова событийный ряд обретает многослойность за счет метапоэтического измерения, аллюзивности и взаимодействия различных культурных кодов (театральных, кинематографических, шахматных) [Жиличева];

— **метафоричность и сенсорная детализация.** Язык Набокова чрезвычайно образен и метафоричен. Он создавал яркие, неожиданные и зачастую синестетические образы, где смешиваются зрительные, слуховые, обонятельные и тактильные ощущения;

— **интертекстуальность и аллюзии.** Тексты Набокова насыщены отсылками к мировой литературе, мифологии, истории и искусству. Это создает плотное культурное поле, в котором существует произведение, и обогащает его новыми смыслами;

— **лексические и синтаксические особенности.** Исследователи, анализирующие язык Набокова, отмечают его лексическое богатство и синтаксическую сложность.

Таким образом, идиостиль Владимира Набокова — это сложная и многоуровневая система, где каждый элемент — от выбора слова до структуры повествования — подчинен авторскому замыслу. «Ада, или Отрада» является квинтэссенцией его творческого метода, демонстрируя виртуозное владение языком, интеллектуальную глубину и уникальное видение мира.

Безусловно, для МП основную сложность представляет:

— перевод метафор, каламбуров и многоязычия. Так, например, в случае со смешением русского, французского и английского МП часто транслитерирует такие фрагменты, либо сразу переводит, что препятствует передаче авторского стиля;

— передача аллюзий, поскольку отсылки к литературе и истории требуют дополнительных знаний, которыми искусственный интеллект не всегда обладает;

— стилистические эксперименты: длинные предложения с разными знаками препинания и инверсиями, которые нейросети могут разделять, теряя ритм.

Сравнительно-сопоставительный анализ переводов

Предметом нашего сопоставления переводов романа В. Набокова “Ada, or Ardor: A Family Chronicle” являются такие стилистические приемы, как игра слов, эпитеты, метафоры и сравнения, а также синтаксические конструкции в романе, поскольку именно они, на наш взгляд, определяют художественное своеобразие романа.

Пример 1. Передача эпитета и звуковой игры

Besides that old illustrated section of the still existing but rather *gaga* *Kaluga Gazette*, our frolicsome *Pimpernel* and *Nicolette* found in the same attic a reel box... (3)¹.

¹ Здесь и далее текст приводится по изданию: [Набоков] с указанием в скобках страниц.

A.A. Бабиков: *Кроме этого старого иллюстрированного приложения ко все еще выходящей, но давно выжившей из ума «Калужской газете», наши озорные Пимпернели и Николетта наткнулись в полумраке того же чердака на катушку с лентой... (16)².*

DeepL: *Помимо старого иллюстрированного раздела все еще существующей, но уже изрядно поднадоеvшей «Калужской газеты», наши веселые Пимпернель и Николетта нашли на том же чердаке коробку с катушками...*

Smartcat: *Помимо старого иллюстрированного раздела все еще существующей, но уже довольно дурацкой «Калужской газеты», наши шаловливые Пимпернель и Николетта нашли на том же чердаке коробку с катушками...*

Основная сложность здесь заключается в передаче эпитета “*gaga*”, который означает «впавший в маразм, выживший из ума, дряхлый» согласно Cambridge Dictionary online (“a word used to describe someone who is unable to think clearly and make decisions because of old age, which is now considered offensive”), а также звуковой игры “*gaga Kaluga*”.

Перевод А.А. Бабикова можно считать наиболее удачным решением. Вместо сохранения оригинальной звуковой игры Набокова (“*gaga Kaluga*”) переводчик использует прием олицетворения и идиоматический эквивалент «выжившей из ума». Эта фраза точно передает значение английского слова, которое отлично характеризует старую провинциальную газету. В данном случае потеря звуковой игры оправдана приоритетом семантической и стилистической точности.

В переводе DeepL присутствует семантическая неточность: «изрядно поднадоеvшей» неверно передает оттенок “*gaga*”. Это слово означает скорее «дряхлый», «чокнутый», а не «надоеvший» — газета не раздражает, а скорее существует в полузаbытом, отжившем состоянии.

Перевод Smartcat тоже достаточно близок к оригиналу, но слово «*дурацкой*» для передачи “*gaga*” кажется не самым удачным выбором, является стилистическим упрощением. Оно является разговорным и смешает акцент с «дряхлости» на «глупость», что не совсем соответствует смыслу. Примечательно, что данная система машинного перевода удачно создает некую аллитерацию и передает рифму (“*gaga Kaluga*” — «*дурацкой Калужской*»), однако, на наш взгляд, это нельзя считать осознанной компенсацией рифмы.

Таким образом, профессиональный переводчик успешно декодирует и воссоздает сложную коннотацию, прибегая к олицетворению. В свою очередь переводы Smartcat и DeepL передают смысл близко к оригиналу, однако DeepL ошибочно переводит слово “*gaga*” как «поднадоеvшей», в связи с чем нарушается семантика текста, а Smartcat предлагает упрощенный, лишенный глубины вариант.

Пример 2. Передача игры слов и идиом

Baron d’O (D’Onsky). *Skonky* (a one-way nickname) (13).

A.A. Бабиков: Барон д’Онски. Конски (данное ему за глаза прозвище) (23).

DeepL: Барон д’О (Д’Онски). Сконки (одностороннее прозвище).

Smartcat: Барон д’О (Д’Онский). Сконки (одностороннее прозвище).

В данном примере можно выделить две сложности: 1) авторский неологизм-прозвище “*Skonky*”, образованный от фамилии D’Onsky; 2) идиоматическое выражение “*one-way nickname*” (прозвище, которое используется за спиной человека и неизвестно ему).

² Здесь и далее текст приводится по изданию: [Nabokov] с указанием в скобках страниц.

А.А. Бабиков демонстрирует наиболее творческий подход к передаче оригинала, он использует творческую адаптацию и поиск идиоматического аналога. Вариант «Конски» удачно адаптирует текст для русскоязычного читателя (это русифицированное, фонетически созвучное и удобопроизносимое прозвище с потенциальными коннотациями «конский»). Фраза «данное ему за глаза» — это вариант, точно передающий смысл “one-way nickname” (прозвище, используемое за спиной человека).

Системы машинного перевода DeepL и Smartcat демонстрируют более буквальный подход. Они точно сохраняют оригинальное написание, то есть используют транслитерацию (Skonky — Сконки), что для русского читателя является бессмысленным набором звуков. Обе системы МП используют калькирование при передаче фразы “one-way nickname”. Вариант «одностороннее прозвище» является дословной калькой с английского и звучит неестественно в русском языке, требуя от читателя дополнительных усилий для понимания. Кроме того, в отличие от адаптированного А.А. Бабиковым варианта, «Сконки» без дополнительного контекста не дает русскоязычному читателю явных ассоциаций или намёков на характер прозвища.

Таким образом, профессиональный переводчик распознает идиому и авторскую игру, находя для них функциональные, а не буквальные эквиваленты в языке перевода. МП демонстрирует свою неспособность работать с непрямыми значениями, производя семантически и стилистически некорректные кальки.

Пример 3. Передача метафоры

The two kids' best find, however, came from another carton in a *lower layer* of the past (6).

A.A. Бабиков: Впрочем, лучшую свою находку дети обнаружили в другой *картонной коробке*, в более *глубоком слое* прошлого (17).

DeepL: Однако лучшая находка двух детей была найдена в другой коробке в *нижнем слое* прошлого.

Smartcat: Однако лучшая находка этих двоих детей была обнаружена в другой коробке, расположенной на более *низком уровне* прошлого.

Ключевой элемент в данном примере — поэтическая метафора Набокова “a lower layer of the past”, которая придает времени физическое, пространственное измерение, уподобляя прошлое археологическому раскопу. В переводе А.А. Бабикова фраза «в более глубоком слое прошлого» является прекрасной метафорой, точно передающей оригинальный образ и одновременно сохраняющей поэтичность выражения. Употребление местоимения «свою» добавляет тексту теплоты, естественности и субъективности, приближая читателя к восприятию детей. Также важно подчеркнуть, что аллитерация “lower layer” также в некотором смысле сохраняется — «картонной коробке».

Перевод DeepL выглядит более механистичным и менее художественным. Выражение «в нижнем слое прошлого» хотя и точно передает буквальный смысл, теряет поэтичность оригинала. Однако перевод сохраняет основную смысловую структуру предложения и не содержит грубых ошибок.

Конструкция «расположенной на более низком уровне прошлого» в Smartcat переведена дословно. Как и в случае с DeepL, перевод точен в передаче информации, но проигрывает в художественности.

Таким образом, современные системы МП способны распознавать и переводить относительно прозрачные метафоры. Однако профессиональный переводчик превосходит их в стилистической нюансировке, выбирая лексику, которая наилучшим образом сохраняет художественную функцию образа.

Пример 4. Передача экспрессивной лексики

Curious how that *appalling actress* resembles “Eve on the Clepsydrophone” in Parmigianino’s famous picture (13).

A.A. Бабиков: Занятно, как эта *ужасная актрисочка* напоминает «Еву у Клепсидрофона» с известного рисунка Пармиджанино (24).

DeepL: Любопытно, как эта *ужасная актриса* похожа на «Еву на Клепсидрофоне» на знаменитой картине Пармиджанино.

Smartcat: Любопытно, как эта *ужасная актриса* похожа на «Еву с Клепсидрофоном» из знаменитой картины Пармиджанино.

Сложность данного примера заключается в передаче эмоциональной окраски слова “*appalling*” (ужасающий, отталкивающий), которое в данном контексте выражает сильное презрение. Перевод А.А. Бабикова отличается наибольшей экспрессивностью и стилистической обработкой. Переводчик использует прием компенсации. Он переводит “*appalling*” нейтральным «ужасная», но передает презрительный тон с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса в слове «актрисочка». Это отличный пример того, как стилистический эффект переносится с одного языкового уровня (лексического) на другой (морфологический).

Перевод DeepL демонстрирует более буквальный и семантический верный подход. Сохранение нейтрального «актриса» несколько сглаживает эмоциональную нагрузку оригинального “*appalling*”. В целом перевод точен, но проигрывает в стилистическом и прагматическом изяществе. Презрительный оттенок, ключевой для понимания отношения говорящего, полностью теряется.

В переводе Smartcat, как и в случае с DeepL, перевод сохраняет нейтральное «актриса», что делает тон высказывания менее экспрессивным.

Таким образом, МП не способен улавливать и передавать прагматические и эмоциональные коннотации, которые часто выражаются через тонкие морфологические средства. Профессиональный переводчик, напротив, мастерски использует ресурсы языка перевода для сохранения авторской интонации.

Пример 5. Передача синтаксического параллелизма и стилистических нюансов

He pardoned her. He adored her. He wished to marry her very much — on the condition she dropped her theatrical ‘career’ at once. He denounced the mediocrity of her gift and the vulgarity of her entourage, and she yelled he was a brute and a fiend (15).

A.A. Бабиков: *Он* простил ее. *Он* обожал ее. *Он* мечтал на ней жениться — при условии, что она немедленно покончит со своей театральной «карьерой». *Он* обличал посредственность ее дарования и вульгарность ее окружения, она же в ответ кричала, что он чудовище и дьявол (26).

DeepL: *Он* помиловал ее. *Он* обожал ее. *Он* очень хотел на ней жениться — при условии, что она немедленно оставит свою театральную карьеру. *Он* осуждал бездарность ее дарования и вульгарность ее окружения, а она кричала, что он грубиян и изверг.

Smartcat: *Он* простил ее. *Он* обожал ее. *Он* очень хотел жениться на ней — при условии, что она немедленно бросит свою театральную «карьеру». *Он* обличал посредственность ее таланта и вульгарность ее окружения, а она кричала, что он грубиян и изверг.

В данном примере Набоков использует синтаксический параллелизм и анафору («*Не... Не... Не... Не...*») для создания нарастающего ритма, а также тонкие лексические нюансы для характеристики персонажей. Перевод А.А. Бабикова

отличается наиболее тонкой стилистической обработкой и вниманием к эмоциональным подтекстам. Переводчик полностью сохраняет синтаксический параллелизм. Глагол «мечтал» вместо буквального «очень хотел» придает высказыванию поэтическую возвышенность, что контрастирует с грубыстю последующего конфликта. Кавычки вокруг слова «карьерой» тонко передают иронию и пренебрежительное отношение говорящего к театральным занятиям женщины. Выбор слов «чудовище и дьявол» для перевода “brute and fiend” усиливает драматизм сцены, создавая более яркий образ. Однако фраза «покончит с карьерой» может быть воспринята как слишком резкая (с оттенком «покончить с жизнью»), хотя и передает категоричность требования.

Системы МП также успешно сохраняют анафору и синтаксический параллелизм, что является сильной стороной современных нейронных моделей. Однако они допускают лексические и стилистические ошибки. В переводе DeepL слово «помиловал» для “pardoned” является формально точным, но звучит излишне официально для данного контекста, создавая неожиданные судебные ассоциации. «Очень хотел» передает смысл, но лишает фразу стилистического изящества автора. Вариант «бездарность ее дарования» содержит тавтологию (бездарность уже подразумевает отсутствие дара), что является стилистическим недочетом.

Перевод Smartcat сохраняет естественное «простил» вместо формального «помиловал», но, как и DeepL, использует «очень хотел», что стилистически менее выразительно. Кавычки вокруг «карьеры» сохранены, что хорошо передает ироничное отношение. «Посредственность ее таланта» звучит лучше, чем «бездарность ее дарования» у DeepL, но уступает варианту А.А. Бабикова «посредственность ее дарования», который точнее передает оттенок врожденного дара.

Во всех трех переводах сохраняется анафора и синтаксически параллелизм. Однако профессиональный переводчик превосходит МП в выборе лексики, которая точно соответствует стилю, контексту и эмоциональному тону, избегая при этом стилистических ошибок вроде тавтологии, на которую способны системы МП.

Выводы. Сопоставительный анализ профессионального перевода «Ады» В. Набокова, выполненного А.А. Бабиковым, и переводов, сгенерированных системами машинного перевода (DeepL, Smartcat), выявляет фундаментальные расхождения в подходе к передаче художественного текста. Проведенное исследование подтверждает, что адекватный перевод стилистически сложной прозы требует не только лингвистической эквивалентности, но и глубокой интерпретации художественного замысла.

Анализ показал, что перевод А.А. Бабикова отличается последовательной стилистической и семантической адаптацией текста для языка-рецептора. Профессиональный переводчик успешно воссоздает эмоционально-оценочную лексику (например, «актрисочка»), адаптирует идиоматические конструкции («данное за глаза прозвище») и находит естественные для русского языка эквиваленты метафор («более глубокий слой прошлого»). В результате сохраняется не только денотативное значение, но и эмоциональная атмосфера и стилистическая фактура оригинала.

Системы МП, напротив, тяготеют к буквализму, что приводит к стилистическим и семантическим искажениям. В сгенерированных текстах возникают неестественные для языка-рецептора конструкции («одностороннее прозвище»), теряется экспрессивность («грубиян и изверг» вместо «чудовище и дьявол») и нарушается поэтичность образных выражений («на более низком уровне прошлого»). Хотя количественная оценка показывает определенную эффективность МП в передаче отдельных стилистических средств, качественный

анализ демонстрирует их неспособность воссоздать текст как единое художественное целое, в отличие от профессионального перевода.

На материале анализа идиостиля В. Набокова можно выделить ключевые системные проблемы, которые ограничивают применимость МП для перевода художественной литературы:

— **непереводимость игры слов.** Основанные на уникальныхозвучиях разных языков каламбуры и аллитерации не распознаются и не воспроизводятся алгоритмами, что ведет к утрате важного семантического и игрового пласта текста;

— **разрушение синтаксического ритма.** МП склонен к стандартизации и дроблению сложных авторских предложений, что полностью уничтожает уникальный ритм, интонацию и напряжение набоковской прозы;

— **упрощение и шаблонизация образной системы.** Уникальные синестетические метафоры и сенсорно детализированные описания заменяются на более частотные, статистически вероятные, но стилистически нейтральные эквиваленты;

— **семантическая слепота к интертекстуальным связям.** Аллюзии и культурные отсылки, требующие эрудиции, остаются нераспознанными, что приводит к огрублению и потере глубины смысла;

— **буквальная интерпретация иронии.** Машина не способна уловить имплицитные смыслы, иронию и сарказм, передавая слова «ненадежного» рассказчика как объективную констатацию факта.

Таким образом, исследование демонстрирует, что, несмотря на прогресс технологий МП, перевод стилистически маркированной прозы, подобной набоковской, остается задачей, требующей творческой интерпретации. Переводчик в данном случае выступает не техническим исполнителем, а соавтором, способным к эрудированному и стилистически чуткому воссозданию художественного целого. Перспектива использования МП в данной сфере ограничивается подготовительными этапами работы и требует обязательного последующего редактирования и творческой переработки профессиональным переводчиком, для которого идиостиль автора является не препятствием, а объектом для воссоздания.

Список источников

Набоков В. Ада, или Отрада: семейная хроника / пер. с англ. А.А. Бабикова. Москва: Corpus, 2022. 800 с.

Nabokov V. Ada, or Ardor: A Family Chronicle, London: Penguin Classics, 2020, 496 p.

DeepL. URL: <https://www.deepl.com/en/translator> (accessed: 31.05.2025)

Smartcat. URL: <https://ru.smartcat.com/> (accessed: 29.05.2025).

Список литературы / References

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Трансфер знания: инновации и технологии: монография. Пермь: ПГНИУ, 2022. 206 с.

(Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. Transfer of knowledge: innovations and technology: monograph, Perm, 2022, 206 p. — In Russ.)

Воронович В.В. Машинный перевод: учебно-методический комплекс для специальности 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки (преподавание)» Минск: БГУ, 2017. 57 с.

(Voronovich V.V. Machine translation: educational and methodical complex for the major 1-21 06 01-01 “Contemporary foreign languages (teaching)”, Minsk: BGU, 2017, 57 p. — In Russ.)

Жиличева Г.А. Интрига слова в рассказах И. Бунина и В. Набокова («Легкое дыхание» /

«Тяжелый дым») // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 123—136. (Zhilicheva G.A. Intrigue of word on the stories by I. Bunin and V. Nabokov (“Light breath” / “Heavy smoke”), *Siberian philological magazine*, 2021, vol. 2, pp. 123—136. — In Russ.)

- Карцева Е.Ю., Маргарян Т.Д., Гурова Г.Г. Развитие машинного перевода и его место в профессиональной межкультурной коммуникации // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 155—163.
 (Karceva E.Ju., Margarjan T.D., Gurova G.G. Development of machine translation and its place in professional cross-cultural communication, *Bulletin of RUDN, series Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2016, vol. 3, pp. 155—163. — In Russ.)
- Bahdanau D., Cho, K., & Bengio Y. Neural machine translation by jointly learning to align and translate. 2014. URL: <https://arxiv.org/pdf/1409.0473.pdf> (дата обращения 19.07.2025).

MODERN MACHINE TRANSLATION SYSTEMS AND THEIR ROLE IN CONVEYING AUTHOR'S STYLE (based on the novel “Ada, or Ardor” by V. Nabokov)

Svetlana A. Manik, Victoria A. Kharlamova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
 maniksa@ivanovo.ac.ru, kharlamovavi12@gmail.com

Abstract. This paper deals with the study of a key problem in literary translation — the adequate rendering of a unique author's style when using machine translation (MT) systems. The significance of the research lies in a comprehensive comparative analysis of the professional translation of V. Nabokov's novel “Ada, or Ardor” by A.A. Babikov and translations generated by the neural models DeepL and Smartcat. The article classifies typical MT errors when rendering complex stylistic elements such as metaphors, puns and allusions. Based on the analysis, it is concluded that machine translation tends towards literalism and stylistic simplification, which leads to the loss of crucial elements of the author's intent. Unlike a machine, a professional translator acts as a co-author, capable of deep interpretation and creative adaptation of the text. Thus, the use of MT in translating stylistically complex prose is considered limited and feasible only in the preliminary stages, with mandatory subsequent professional editing.

Keywords: machine translation, literary translation, author's style, comparative translation analysis, stylistic devices

For citation: Manik S.A., Kharlamova V.A. Modern machine translation systems and their role in conveying author's style (based on the novel “Ada, or Ardor” by V. Nabokov), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 54—64.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 21.07.2025; approved after reviewing 28.08.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Маник Светлана Андреевна — доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, maniksa@ivanovo.ac.ru, SPIN-код: 4428-9242

Manik Svetlana Andreevna — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, maniksa@ivanovo.ac.ru

Харламова Виктория Артуровна — студентка кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kharlamovavi12@gmail.com

Kharlamova Victoria Arturovna — student of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kharlamovavi12@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 65—75.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 65—75.

Научная статья

УДК 811.112.2'373:741.5

EDN <https://elibrary.ru/utxqmg>

DOI: 10.46726/H.2025.4.8

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДИОМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ТРУБКИ МИРА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КАРИКАТУРЕ

Инна Владимировна Кокурина,

Мария Владимировна Ополовникова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

inna-kokurina@mail.ru, omw@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возможностей использования фразеологической единицы *die Friedenspfeife rauchen* в немецкоязычной карикатуре. Авторы отмечают, что данный фразеологизм был заимствован из американского варианта английского языка и получил широкое распространение с конца XIX века. Устанавливается, что идиоматический образ трубы мира находит отражение и в вербальном, и в иконическом компонентах креолизованного текста, что объясняется прозрачной внутренней формой фразеологизма. Констатируется, что каждый из компонентов исследуемой фразеологической единицы обладает относительно самостоятельным значением, что позволяет модифицировать идиому при включении ее в различные контексты. Авторы приходят к выводу, что pragматический потенциал фразеологизма *die Friedenspfeife rauchen* при использовании в карикатурах охватывает не только ситуации урегулирования конфликтов разного рода, но и контексты, связанные с запретом курения в общественных местах. Кроме того, были выявлены случаи использования идиоматического образа трубы мира для аксиологической характеристики политических деятелей и их действий. Устанавливается, что в поликодовых текстах использование фразеологизма может сопровождаться другими средствами выразительности. Подчеркивается, что включение в структуру карикатуры образной идиомы позволяет создать комический эффект, транслировать оценочность, скжато и убедительно реализовать авторскую интенцию.

Ключевые слова: идиома, фразеологизм, трубка мира, карикатура, креолизованный текст

Для цитирования: Кокурина И.В., Ополовникова М.В. Репрезентация идиоматического образа трубы мира в немецкоязычной карикатуре // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 65—75.

В современном мире функция средств массовой информации, как и прежде, заключается не только в распространении новостей, но и в формировании общественного мнения и отношения к актуальным событиям политической и социально-экономической жизни в стране и мире. Большую роль при этом играют креолизованные тексты, в том числе и карикатура, поскольку благодаря своей компактности и экспрессивности они обладают высоким pragматическим потенциалом и большой степенью персонализации. Однако в эпоху повсеместной цифровизации и глобализации карикатура перестала быть «привязана» к определенному изданию, появились целые интернет-порталы, публикующие работы ведущих карикатуристов со всего мира. Одной из наиболее

крупных платформ является Toonpool, где представлены графические произведения более 3000 авторов из 120 стран.

Карикатура — это поликодовый текст, состоящий из вербальной и визуальной частей, которые находятся в определенных отношениях друг с другом, создавая единое произведение, зачастую имеющее сатирический характер и нацеленное на высмеивание того или иного лица или общественного явления. В рамках семиотического подхода карикатура рассматривается как «сложный знак, который всегда явно или неявно обозначает ценности (иерархию ценностей), простые и сложные факты, описывается суждениями (РР) различного типа, всегда носит высмеивающий характер» [Золотов: 32]. М.Б. Ворошилова отмечает, что «в формировании содержания и прагматического потенциала креолизованных текстов взаимодействуют коды разных семиотических систем, которые в свою очередь интегрируются и перерабатываются реципиентом в некое единое целое» [Ворошилова: 73]. При этом целостность восприятия поликодового текста «задается когнитивной, функциональной и коммуникативной идеей автора текста, которая реализуется с помощью единой темы, единого композиционного и стилевого решения и определяет отбор кодов» [Новоспасская, Дугалич: 303].

В силу своего небольшого объема карикатура оперирует широким арсеналом выразительных средств, одним из которых является фразеология. По мнению В.Н. Телии, идиомы — это «не избыточные средства языка, а та его лексико-грамматическая периферия, которая с точки зрения прагматической нагруженности выступает как наиболее яркая и активная: в дисбалансе регулярности и нерегулярности победу в языке одерживает принцип языковой экономии «прагматических усилий», ибо в диалектическом единстве формы и содержания ведущим является все же содержание, т. е. способность знака обеспечивать информацию о мире как внешнем для человека, так и внутреннем для него» [Телия: 154].

Значение фразеологизма не является суммой значений составляющих его лексических единиц. Первоначальное денотативное значение, вытекающее из совокупности реальных значений слов-компонентов, обозначается как внутренняя форма фразеологизма, т. е. внутренняя форма — это «образ, фиксированный в плане содержания фразеологизма, а также осознаваемая носителем языка образная мотивация значения фразеологизма его составляющими — словами или морфемами» [Баранов, Добровольский 2019: 130]. Баранов А.Н. и Добровольский Д.О. подчеркивают, что «внутренняя форма — это не дословно прочитанная лексическая структура, а образ, на который указывает эта лексическая структура. <...> Иными словами, внутренняя форма — это часть знаний о мире» [Там же: 148].

Наиболее часто карикатуристы используют фразеологизмы с прозрачной внутренней формой, в основе которой лежит наглядный образ, легко поддающийся изображению в визуальной части креолизованного текста. Исследователи отмечают, что «хорошо ощущаемая внутренняя форма способствует переосмыслинию семантики идиомы и созданию альтернативного смыслового плана — так называемого “буквального” понимания. Такие случаи называются материализацией метафоры, то есть совмещением в одном контексте употребления актуального значения идиомы и буквального значения ее компонентов» [Баранов, Добровольский 2015: 15]. В креолизованном тексте это означает, что «в процессе креативного использования образных идиом <...> их базовая форма претерпевает определенные модификации, предопределенные контекстом и функциональной прагматикой» [Павлина: 95].

В рамках данной статьи рассмотрим особенности репрезентации идиоматического образа трубки мира в современных немецкоязычных карикатурах. Следует отметить, что фразеологизм *die Friedenspfeife rauchen* (выкурить трубку мира) восходит к английской идиоме *pipe of peace*, которая попала в немецкий язык в конце XIX века из переводов рассказов Джеймса Фенимора Купера, посвященных жизни американских индейцев. В американском варианте английского языка существует группа фразеологизмов, этимологически связанных с обычаями и традициями коренного населения Америки. Ученые подчеркивают, что «поскольку основной сферой взаимодействия колонистов и местного населения была война, эти единицы отражают, в основном, военные реалии и представляют собой полные или частичные кальки с языков индейцев» [Соболева: 84]. Одной из таких калек с языка североамериканских индейцев является фразеологизм *the pipe of peace*, отражающий обычай «при заключении мира выкуривать трубку с табаком, так как табачный дым соединял людей с Богом на небесах» [Завьялова: 80]. Впоследствии это выражение было оторвано от индейского контекста и закрепилось в системе языка в переносном значении ‘примириться с кем-либо’.

Исследование показало, что сфера использования фразеологизма *die Friedenspfeife rauchen* в креолизованных текстах шире, чем в традиционных вербальных, и не ограничивается лишь контекстами, описывающими урегулирование конфликтов разного рода (как правило, военных, политических и социально-экономических) в соответствии с кодифицированным значением данной ФЕ. Эта особенность обусловлена прозрачной внутренней формой идиомы, позволяющей карикатуристам строить свою работу, акцентируя либо один (*die Friedenspfeife* как символ примирения), либо другой (*Pfeife rauchen* как символ курения) компонент. Таким образом, ситуации, актуализируемые в карикатурах фразеологизмом *die Friedenspfeife rauchen*, можно описать двумя пропозициями $P(x)$, в которых предикат P отсылает к ситуации, изображенной в визуальной части поликодового текста, и отражает проблематику карикатуры. При этом свернутая пропозиция $P_{\text{Frieden}}(x)$ лежит в основе узуального значения идиомы, а актуализация пропозиции $P_{\text{rauchen}}(x)$ приводит к нестандартному употреблению ФЕ.

Обратимся сначала к работам, в которых в качестве основного предиката выступает характеристика *Frieden* (мир), отсылающая к кодифицированному значению фразеологизма *die Friedenspfeife rauchen*: ‘*sich aussöhnen, versöhnen, einen Streit beilegen; wieder Frieden schließen*’ (‘мириться, примириться, урегулировать спор; снова заключить мир’). Пример такой карикатуры представлен на рис.1.

Рис. 1. Ein bisschen Frieden

На карикатуре Ральфа Бёме «Ein bisschen Frieden» («Немного мира») от 13 мая 2012 г. (рис. 1) можно видеть служащего, который, стоя перед дверью кабинета председателя партии ХСС, держит посылку с трубками мира от бундесканцлера Ангелы Меркель и говорит: “Herr Seehofer, ein Paket mit Friedenspfeifen aus Berlin ist eingetroffen!” («Господин Зеехофер, посылка с трубками мира из Берлина прибыла!»). Информационным поводом для создания данного креолизованного текста послужили разногласия между лидерами политического объединения ХДС/ХСС относительно выплат на детей в возрасте двух-трех лет, не посещающих дошкольные учреждения. Ведущим в анализируемой карикатуре является вербальный компонент, состоящий из нескольких элементов: прямой речи изображенного героя, надписей на табличках, отсылающих к основным участникам конфликта, а также текста на посылке *Kompromiss beim Betreuungsgeld* (компромисс в вопросе о пособии на ребенка), который указывает на тему, вызвавшую раскол. Трубка мира, представленная как в визуальной, так и в вербальной частях, актуализирует в сознании реципиента идиому *die Friedenspfeife rauchen* и символизирует готовность Ангелы Меркель пойти на уступки при решении внутриполитических вопросов. Отметим, что в данной карикатуре фразеологизм *die Friedenspfeife rauchen* подвергается ряду трансформаций: эксплицируется лишь существительное, являющееся ядерным элементом фразеологической единицы, при этом оно меняет свою синтаксическую функцию и выступает в качестве подлежащего (синтагматическая модификация) в форме множественного числа (парадигматическая модификация) при предикате *eintreffen*, который никак не связан с исходной ФЕ. Эти же трансформации находят отражение и в визуальной части: три трубы мира просто лежат в посылке. Нестандартное употребление формы множественного числа одного из компонентов фразеологической единицы соответствует одному из наиболее типичных стилистических приемов карикатуры — гиперболизации, подчеркивая серьезность намерения Ангелы Меркель урегулировать конфликт.

Следующий креолизованный текст также базируется на обыгрывании одного из элементов, актуализирующих узальное значение рассматриваемого фразеологизма.

Рис. 2. Pfeifenköpfe

На карикатуре Ральфа Бёме “Pfeifenköpfe” («Головки трубки/Болваны») от 15 октября 2013 г. (рис. 2) изображена фабрика по производству курительных трубок, на что указывает надпись *Pfeifenfabrik* на вывеске. На воротах

висит объявление со следующим текстом: “Bis auf Weiteres keine Produktion von Friedenspfeifen!” («Производство трубок мира временно прекращено!»). Поликодовый текст, созданный как реакция на эскалацию арабо-израильского конфликта, транслирует пессимистическое отношение автора к сложившейся ситуации, далекой от мирного урегулирования. Оценочный компонент также ярко выражен в подписи к карикатуре, которая представлена многозначным словом Pfeifenköppre (нижненемецкий вариант от Pfeifenköpfe) с лексико-семантическими вариантами 1) головки курительных трубок, 2) дурак, болван, бесстолочь (фам.). Таким образом автор критикует действия политиков, которые никак не способствуют мирному урегулированию конфликта. Лексема Friedenspfeifen, с одной стороны, актуализирует в сознании реципиента всю фразеологическую единицу с ее узальным значением, а с другой, является базой для языковой игры, представленной в названии карикатуры.

Фразеологизм *die Friedenspfeife rauchen* может использоваться и для характеристики отдельных политических деятелей, как это представлено на рис. 3.

Рис. 3. Friedenspfeife

На карикатуре Клауса Штуттманна “Mann mit Friedenspfeife...” («Мужчина с трубкой мира...») от 10 декабря 2009 г. (рис. 3) изображен Барак Обама, курящий индейскую трубку мира. Визуальное представление действия Барака Обамы является буквальной иллюстрацией внутренней формы фразеологизма. Информационным поводом для создания данного поликодового текста послужило вручение американскому президенту Нобелевской премии мира на фоне активных военных действий армии США в Афганистане. Иконический компонент распадается на две части: нижнюю, где изображена трубка мира, и верхнюю, где дым, выходящий из трубки, наполнен взрывами и падающими снарядами. Сатирический эффект создается за счет смыслового противоречия между этими визуальными частями. Изображение трубки мира выступает в качестве предиката, приписывая герою карикатуры определенные качества: дружелюбие и миролюбивость ($P_{Frieden}(x)$), которые оказываются мнимыми, о чем свидетельствуют другие части изображения. Вербальный компонент, с одной стороны, акцентирует внимание на нижней части изображения, однако, с другой стороны, многоточие сигнализирует о некой недосказанности и побуждает к более внимательному прочтению и осмыслению данного креолизованного текста.

В ряде случаев использование фразеологизма *die Friedenspfeife rauchen* нацелено на реализацию двух интенций автора: обратить внимание реципиента на конфликтную ситуацию в обществе и одновременно затронуть проблему курения.

Рис. 4. Pfeifen und Friedenspfeife

Карикатура Ральфа Бёме “Pfeifen und Friedenspfeife” («Фикция и трубка мира») от 29 января 2024 г. отсылает к ситуации конфликта между Немецкой железной дорогой (DB) и Профсоюзом машинистов Германии (GDL) в январе 2024 г. Лидер Профсоюза Клаус Везельски (персонаж справа) выступил с требованием сокращения рабочей недели на три часа при сохранении размера заработной платы и объявил о начале очередной забастовки. Представители работодателя (персонаж слева) не были готовы к существенным уступкам и настаивали на необходимости обсуждения спорных вопросов. Трубка мира, представленная в визуальном компоненте, выражает стремление руководства DB к поиску компромисса путем возобновления тарифных переговоров (узуальное значение фразеологизма *die Friedenspfeife rauchen*), о чем свидетельствует также вербальный компонент (Verhandlungen ‘переговоры’). Изображение героев карикатуры в зоне для курения, коррелирующее с предикатом *rauchen*, не случайно и актуализирует еще один аспект, связанный с железной дорогой, — вступление в силу с января 2024 г. закона о полном запрете курения на всей территории вокзала, кроме специально отведенных мест. Особый интерес вызывает подпись к карикатуре, которая за счет игры слов вступает в отношения противоречия с иконическим компонентом и создает основной сатирический эффект: существительное *Pfeifen*, с одной стороны, может иметь значение формы множественного числа лексемы *die Pfeife* (трубка — трубки), а с другой стороны, может являться субстантивированным глаголом *pfeifen* с переносным значением ‘пренебрегать чем-л., плевать на что-л.’ (фам.). Используя данный каламбур, автор критикует позицию железной дороги и характеризует ее действия как фиктивные.

Следующая карикатура (рис. 5) интересна тем, что в визуальной части представлен ритуал, который лег в основу идиомы *die Friedenspfeife rauchen*, однако вербальный компонент свидетельствует о том, что происходит перераспределение весомости компонентов ФЕ: отсылкой к ситуации, подвергающейся сатирическому переосмыслению, является не существительное, актуализирующее узуальное значение идиомы, а глагол.

Информационным поводом для создания работы Аньо Хаазе “Folgen des totalen Rauchverbots” («Последствия полного запрета курения») от 4 июля 2010 г. (рис. 5) послужило решение, принятое на референдуме в Баварии в июле 2010 года, согласно которому вводился полный запрет курения в заведениях общепита. Иконический компонент карикатуры представлен двумя персонажами (индейцем и представителем власти), которые сидят в таверне. Индеец предлагает выкурить

трубку мира, но его собеседник отказывается, поскольку в заведении висит табличка, указывающая на запрет курения. Подпись гласит: “Am Ende waren es Kleinigkeiten, an denen die Friedensverhandlung scheiterte” («В конце концов, мирные переговоры провалились из-за мелочей»). Вербальный компонент комментирует изображение, акцентируя внимание на знаке, запрещающем курить в данном месте. Таким образом в тексте происходит совмещение двух временных пластов: исторического и современного, за счет чего возникает комический эффект.

Рис. 5. Folgen des totalen Rauchverbots

Похожая ситуация, обыгryывающая буквальное значение фразеологизма *die Friedenspfeife rauchen* и наличие знака запрета, представлена на рис. 6.

Рис. 6. Verboten

На карикатуре Брегенвурста “Verboten” («Запрещено») от 7 июня 2022 г. (рис. 6) изображены два индейца, которые сидят за столиком в кафе и курят трубку. Девушка-официант недовольна их поведением. Она указывает на висящий на стене знак с изображением перечеркнутого голубя мира, и говорит: “Hier ist Friedensverbot!” («Здесь действует запрет на мир!»). Данная ситуация представляется абсурдной и противоречит нашим знаниям о мире и вытекающей из них пресуппозиции ожидания: в общественных местах обычным является запрет на курение, поэтому следовало бы ожидать, что раскуривание табачных изделий неуместно именно по этой причине. Однако официантка делает замечание, обращая внимание исключительно на вид трубки. Таким образом, вербальный компонент Friedensverbot коррелирует в сознании реципиента, с одной

стороны, с фразеологизмом *die Friedenspfeife rauchen*, с другой стороны, с клише, выраженным сложносоставным существительным “Rauchverbot”. Комический эффект обусловлен неожиданным столкновением в рамках одной карикатуры двух фреймов из разных сфер: бытовой (посещение ресторана) и культурно-исторической (раскуривание трубки при заключении мирного договора у индейцев).

Ситуация, когда компонент *rauchen* становится более весомым и служит для указания на позицию конкретного политического деятеля относительно запрета на курение в общественных местах, представлена в креолизованном тексте на рис. 7.

Рис. 7. Straches Besuch in Telfs

Информационным поводом для создания карикатуры Романа Ричера “Straches Besuch in Telfs” («Визит Штраке в Телфс») от 28 февраля 2018 г. (рис. 7) послужила встреча бургомистра Кристиана Хэртинга с лидером партии АПС (FPÖ) Хайнцом-Кристианом Штраке в ратуше города Телфс. Во время приема бургомистр вручил почетному гостю миниатюрную копию главной достопримечательности этой местности — крупнейшего в Альпийском регионе колокола (Friedenglocke), который является символом мира и добрососедства. Карикатурист вводит в свое изображение еще один символ с похожим значением — трубку мира, которая, однако, приобретает в данном креолизованном тексте новое значение. С помощью этого визуального элемента автор намекает на то, что Х.-К. Штраке является противником запрета курения в кафе и ресторанах, а не на миролюбивый характер его политики. На актуализацию именно этого значения указывает изображение двух знаков на дверях помещений в ратуше: запрещающего и разрешающего курение.

Особый интерес представляют поликодовые тексты, в основе которых лежит языковая игра, построенная на базе фразеологизма, как, например, на рис. 8.

Рис. 8. Friedenspfeife

Данная карикатура Клауса Карлитцки, созданная в 2018 году, изображает разговор двух индейцев — ребенка и взрослого воина. Мальчик спрашивает: «Warum heisst es Friedenspfeife?» («Почему говорят «трубка мира»?»). На что его собеседник отвечает: «Weil du ihn in der Pfeife rauchen kannst» («Потому что ты можешь о нем забыть», досл. «Потому что ты можешь выкурить его в трубке»). Комический эффект базируется на обыгрывании двух устойчивых выражений, содержащих лексему *Pfeife*: *die Friedenspfeife rauchen* и *etw. in der Pfeife rauchen*. Взрослый индеец использует в своем ответе компоненты первого фразеологизма *Pfeife* и *rauchen* в другой комбинации.

Таким образом, отметим, что идиоматический образ трубки мира является достаточно часто используемым элементом немецкоязычной карикатуры, как правило, находя отражение и в вербальном, и в иконическом компонентах креолизованного текста. Данный факт можно объяснить, с одной стороны, прозрачной внутренней формой фразеологизма *die Friedenspfeife rauchen*, которую можно легко представить визуально. С другой стороны, каждый из компонентов данной фразеологической единицы обладает относительно самостоятельным значением, что служит базой для многообразных модификаций идиомы при включении ее в различные контексты. Прагматический потенциал фразеологизма *die Friedenspfeife rauchen* при использовании в карикатурах расширяется, охватывая не только ситуации урегулирования как военных конфликтов, так и политических разногласий, но и включает в себя контексты, связанные с запретом курения в общественных местах. В поликодовых текстах использование данного устойчивого словосочетания часто сопровождается другими средствами выразительности: гротеском, каламбуром, обыгрыванием полисемии или омонимии и др. Поводя итог, подчеркнем, что включение в структуру карикатуры образной идиомы *die Friedenspfeife rauchen* позволяет создать комический эффект, транслировать оценочность, сжато и убедительно реализовать авторскую интенцию.

Список литературы / References

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Нестандартные употребления фразеологизмов (факторы и предпосылки) // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 13—17.
(Baranov A.N., Dobrovols'kii D.O. Idioms in non-standard use (factors and prerequisites), *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2015, no. 1, pp. 13—17. — In Russ.)
- Баранов А.Н. Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс): учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2019. 310 с.
(Baranov A.N., Dobrovols'kii D.O. Basics of Phraseology (Short Course): Texbook, Moscow, 2019, 310 p. — In Russ.)
- Ворошилова М.Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 73—78.
(Voroshilova M.B. Creolized Text in Political Discourse, *Political Linguistics*, 2007, no. 3 (23), pp. 73—78. — In Russ.)
- Завьялова Н.А. Устойчивые коммуникативные обороты как объект анализа микросоциологии в рамках дискурса повседневности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 78—82.
(Zav'ialova N.A. Stable communicative locutions as an object of microsociology analysis within the discourse of everyday life, *Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 2, pp. 78—82. — In Russ.)

- Золотов Э.С. Семиотика карикатур, сатирических плакатов и сатирических фотомонтажей в теоретико-аргументативном и деонтическом аспектах // Universum: филология и искусствоведение. 2023. № 12 (114). С. 29—54.
(Zolotov E.S. Semiotics of caricatures, satirical posters and satirical photomontages in theoretical, argumentative and deontic aspects, *Universum: philology and art history*, 2023, no. 12 (114), pp 29—54. — In Russ.)
- Новоспасская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. № 3. С. 298—311.
(Novospasskaya N.V., Dugalich, N.M. Terminological system of the polycode text theory, *Russian Language Studies*, 2022, no. 20 (3), pp. 298—311. — In Russ.)
- Павлина С.Ю. Репрезентация идиоматического образа в редакционной карикатуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 93. С. 93—122.
(Pavlina S.Yu. Representation of idiomatic images in editorial cartoons, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Filologiya — Tomsk State University Journal of Philology*, 2025, no. 93, pp. 93—122. — In Russ.)
- Соболева Е.Ю. Индийский пласт во фразеологическом фонде американского варианта английского языка // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 2. С. 81—85.
(Soboleva E.Yu. The Indian layer in the phraseological fond of American variant of the English language, *Herald of Vyatka State University*, 2008, no. 2, pp. 81—85. — In Russ.)
- Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, pragmaticий и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
(Teliia V.N. Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects, Moscow, 1996, 288 p. — In Russ.)

REPRESENTATION OF THE IDIOMATIC IMAGE OF THE PEACE PIPE IN GERMAN-LANGUAGE CARTOON

Inna V. Kokurina, Maria V. Opolovnikova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
inna-kokurina@mail.ru, omw@mail.ru

Abstract. The article examines the potential use of the phraseological unit “die Friedenspfeife rauchen” in German-language cartoons. The authors note that this phraseological unit was borrowed from American English and has been widely used since the late 19th century. It was found that the idiomatic image of the peace pipe is reflected in both the verbal and iconic components of the creolized text, which is explained by the transparent internal form of the phraseological unit. It is noted that each component of the phraseological unit under study has a relatively independent meaning, which allows for modification of the idiom when included in various contexts. The authors conclude that the pragmatic potential of the phraseological unit “die Friedenspfeife rauchen” when used in cartoons includes not only situations of conflict resolution but also contexts related to the ban on smoking in public. Furthermore, cases of the idiomatic image of the peace pipe being used to axiomatically characterize political figures and their actions were identified. It is noted that in polycode texts, the use of phraseological units can be accompanied by other expressive means. It is emphasized that the inclusion of a figurative idiom in the structure of a cartoon allows for a comic effect, conveys an evaluative message, and the author’s intention concisely and convincingly.

Keywords: idiom, phraseological unit, peace pipe, cartoon, creolized text

For citation: Kokurina I.V., Opolovnikova M.V. Representation of the idiomatic image of the peace pipe in german-language cartoon, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, iss. 4, pp. 65—75.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Кокурина Инна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, inna-kokurina@mail.ru, SPIN-код: 6535-2910

Kokurina Inna Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, inna-kokurina@mail.ru

Ополовникова Мария Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, omw@mail.ru, SPIN-код: 2731-2757

Opolovnikova Maria Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, omw@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 76—84.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 76—84.

Научная статья

УДК 81'373

EDN <https://elibrary.ru/ukmpri>

DOI: 10.46726/H.2025.4.9

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ ПОРИЦАНИЯ, ПРОИЗВОДИМОГО ВРИО ГУБЕРНАТОРОМ, ОТРАЖЕННЫЕ В САМАРСКИХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

Максим Сергеевич Агафонцев

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Россия, agafontsev.m@pgsga.ru

Аннотация. В статье дается характеристика средств выражения порицания в описании действий врио губернатора Самарской области В.А. Федорищева в материалах самарских электронных СМИ. В качестве языкового материала выступают лексические, описательные и фразеологические обороты, семантически относящиеся к выражению порицания действий индивидуума, употребленные журналистами электронных новостных порталов Самарской области с целью обозначения критики работы органов исполнительной власти со стороны врио губернатора. В качестве методов исследования выступают метод сплошной выборки и описательный. Проводится семантический и прагматический анализ выявленных языковых единиц (однословных, описательных и фразеологических оборотов), употребленных авторами электронных изданий. Описываются характеристики образа врио губернатора в начале профессиональной деятельности, создаваемые местными СМИ. Дается оценка иллютивным целям употребления лексики и фразеологии порицания в каждом из представленных электронных изданий. Определяется, что журналистами самарских СМИ создается положительный образ регионального политика, отличающегося решимостью и жесткостью в вопросах, касающихся работы областных органов исполнительной власти. Устанавливается, что региональные медиа формируют мнение жителей Самарской области, касающееся работы органов городской и областной власти. Дается стилистическая оценка употреблению конкретных лексем и фразеологизмы, различающихся с точки зрения семантики и коннотации.

Ключевые слова: фразеологизмы, выражение порицания, коммуникативная ситуация, коммуникативная тактика, язык СМИ

Для цитирования: Агафонцев М.С. Языковые средства описания порицания, производимого врио губернатором, отраженные в самарских электронных СМИ // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 76—84.

Изучение языкового сопровождения имиджа политика в целом и губернатора в частности в настоящее время актуально как для лингвистической рустики, так и для науки о СМИ [Иссерс; Немич; Янушевич, Филиппова].

В рамках настоящей статьи исследуются средства обозначения порицания временно исполняющим обязанности (врио) губернатора действий органов исполнительной власти в самарских электронных СМИ. К названным средствам отнесем лексические единицы, описательные обороты и фразеологизмы с семантикой порицания. Данные средства обозначения порицания, характеризующие

деятельность главы Самарской области В.А. Федорищева, анализируются за период нахождения политика в должности врио губернатора, утвержденного Указом Президента РФ от 31 мая 2024 года, до вступления в должность губернатора Самарской области по результатам выборов 13 сентября 2024 года. Материалом для исследования послужили следующие электронные новостные издания Самарской области: «Самарское обозрение» (11 единиц), «Коммерсант» (6 единиц), «63.ru» (5 единиц), «Хронограф» (3 единицы), «Волга Ньюс» (1 единица), «Блокнот» (1 единица), «АПЭК» (1 единица), «Бизнес-вектор» (1 единица), «НИА-Сам» (1 единица). Всего было зафиксировано 30 примеров употребления редакциями соответствующих лексем и выражений.

Все анализируемые в настоящем исследовании языковые средства выражения порицания представляется возможным разделить на две группы: 1) обозначение решительных действий; 2) выражение порицания.

Что касается обозначения решительных действий главы региона, то в данную группу вошли слова и выражения, семантически не относящиеся к бранни, наказанию, но при этом передающие смысл верbalного воздействия на человека, требующего от него мобилизацию усилий и исправление ошибок в профессиональной деятельности. К данной группе относится четыре примера, составляющих 13 % от общего числа выявленных языковых единиц.

В настоящем исследовании глава региона выступает как воздействующий субъект, а чиновники, попадающие под критику, — как субъекты воздействия. В обозначении решительных действий врио губернатора Самарской области в местных СМИ преобладает позиция воздействующего субъекта — главы региона или представителей его администрации в отношении подконтрольных им руководителей ведомств и муниципальных образований Самарской области. С этой позиции представлено три примера, организованных с помощью метафоры. Например, заголовок аналитической статьи в интернет-портале «Самарское обозрение» содержит описательный глагольно-именной оборот и звучит следующим образом: *Муниципалов встраивают в обойму новой власти почти через колено*¹. Вслед за П.А. Лекантом, под описательными глагольно-именными оборотами будем понимать такие синтаксические конструкции, которые основаны на несвободном употреблении глагола — признака, являющегося семантически неделимым и выполняющим функцию простого глагольного сказуемого [Лекант]. С помощью оборота *встраивают в обойму через колено* автором статьи уже в заголовке указывается на непростую работу по переустройству деятельности органов местного самоуправления, которую ведет глава региона совместно со своей администрацией. С помощью соматической метафоры *через колено* дается оценка действиям региональной власти, сменившейся незадолго до этого и ломающей привычный уклад жизни чиновников. При этом заголовок представляет собой односоставное неопределенно-личное предложение, в котором отсутствует указание на конкретный воздействующий субъект, что позволяет дистанцировать речь журналиста от врио губернатора Самарской области.

Описание решительных действий со стороны воздействующего субъекта в текстах СМИ организуется и с помощью двусоставных предложений. Характеризуя ту же аналитическую статью, выделим риторический вопрос внутри текста: *«Топят» ли тем самым губернатор глав?* С помощью глагола *топить*

¹ Николаева Л. Муниципалов встраивают в обойму новой власти почти через колено // Самарское обозрение. 08.07.2024.

подчеркивается систематическая работа врио губернатора по адаптации глав муниципальных образований под новые требования. Зачастую главе региона приходится прибегать к жестким мерам (выговоры, увольнения, ограничения права решать определенные вопросы). Однако автор статьи избегает категоричности и однозначности в определении его системы действий. Как утверждает Т.Н. Микрюкова, с помощью риторического вопроса устраняется возможность прямого, резкого восприятия реципиентом подаваемой в тексте информации [Микрюкова]. В данном случае происходит смягчение описываемых действий В.А. Федорищева.

Между тем в предложении: *Вячеслав Федорищев объявил войну ночной торговле слабоалкогольными напитками в жилых кварталах областных городов...* — описательный глагольно-именной оборот *объявить войну* указывает на категоричность в действиях главы региона, выраженной с помощью метафоры войны. При этом глагольный компонент оборота *объявить* при его вербальном содержании в прямой номинации употреблен в переносном значении, подразумевает целую систему управленческих действий политика по отношению к торговцам алкогольных напитков.

Позицию субъекта воздействия при выражении решительных действий главы региона видим в предложении: *это лишь часть свода правил, который теперь должны денно и нощно учить и повторять главы МСУ, ... чтобы не оказаться на карандаше у нового руководителя.* В примере видим фразеологизм *взять на карандаш* с семантикой «Записывать что-либо; делать запись, заметку о чём-либо» [Федоров: 43]. При этом в отношении человека данный фразеологический оборот имеет негативную коннотацию, означая пристальное внимание за действиями человека. В данном случае имеет место вариантность форм фразеологического оборота с точки зрения замены лексического компонента. Это позволило автору статьи передать семантику контроля В.А. Федорищева за действиями чиновников.

Выражение решительных действий главы региона свойственно одной новостной статье. Это может быть связано со стремлением журналиста избежать оценочности, категоричности в адрес врио губернатора, тем самым дистанцировав себя от потенциально конфликтной ситуации, негативной оценки действий автора текста.

Вторая группа примеров, выражающих порицание главой региона действий местных чиновников, содержит все примеры, построенные на обозначении коммуникативных ситуаций выражения вербального неодобрения работы местных чиновников главой региона. В эту группу вошло 26 примеров, что составляет 87 % от общего числа выявленных лексем и выражений в настоящем исследовании.

Данная группа примеров включает в себя позицию воздействующего субъекта и субъекта воздействия. Первая позиция находит отражение в 14 примерах, составляющих 54 % от числа примеров группы выражения порицания. Охарактеризуем данную позицию.

Значительное число выявленных примеров строится на основе двусоставных предложений, содержащих в структуре простое глагольное сказуемое. К таким относится 10 примеров, составляющих 71 % от числа всех слов, описательных оборотов и фразеологизмов, передающих позицию воздействующего субъекта. Одним из средств, с помощью которого журналисту удается передать значения порицания В.А. Федорищева, является употребление авторами текстов слов в прямом значении. Внутренняя форма лексем в данном случае не затемнена, что позволяет напрямую транслировать действия главы региона, называя процесс

порицания прямо: *Федорищев раскритиковал школу № 141. И велел перепроверить все остальные*².

Глагол *раскритиковать* используется и журналистами портала «Коммерсант» в заголовке: *Врио губернатора Самарской области раскритиковал главу Самары*³. Однако в данном случае при соблюдении той же структуры предложения, являющегося двусоставным, наблюдаются особенности способа подачи информации. Обратим внимание на состав подлежащего: *врио губернатора Самарской области*. При аналогичном сказуемом на портале «63.ru» оба примера различаются с точки зрения номинации воздействующего субъекта. В первом случае автором употреблена фамилия врио губернатора, не сопровождаемая при этом именем и отчеством и наименованием должностного лица. Во втором случае на портале «Коммерсант» имеет место аналитическая конструкция, состоящая из развернутого наименования действующего лица, выступающего в роли подлежащего, что позволяет дистанцировать речь журналиста от предмета речи в статье, исключает проявление фамильярности по отношению к высокопоставленному лицу.

Аналитическая конструкция может содержать в себе указание на фамилию, имя и отчество воздействующего субъекта: *Врио губернатора Самарской области Вячеслав Федорищев выразил недоведение, почему муниципалитеты не провели соответствующую [по подготовке пляжей к сезону] работу*⁴. Оборот *выразить недоведение* следует за аналитической конструкцией *Врио губернатора Самарской области Вячеслав Федорищев*, однако простое глагольное сказуемое не содержит категоричности, но указывает на неодобрение главой региона бездействия муниципалитетов.

В качестве приложения при указании на главу региона может быть использована формула вежливого упоминания *господин*: *Ранее господин Федорищев публично высказывал недовольство работой главы Тольятти, обвиняя его в дискредитации власти*⁵. Однако, как отмечает отечественный лингвист М.А. Кронгауз, использование слова *господин* в современном русском языке применительно к официальным лицам как при их употреблении в СМИ, так и при прямом обращении «вызывает эффект отчуждения и может иметь даже негативный оттенок» [Кронгауз: 228] При этом, вероятно, автор статьи ставит цель уважительного обозначения действующего лица новостного текста и дистанцирования от денотата.

В качестве средства выражения порицания действий региональных чиновников используется оборот *высказать недовольство*, лишенный экспрессивных особенностей. Их отсутствие отмечается и в следующих примерах:

(1) *В Самарской области собираются создать антикризисную комиссию для решения проблем по газификации. При этом он [врио губернатора] высказал претензии председателю правления ООО «СВГК» Ивану Автисяну*⁶;

² Лейканд Д. Федорищев раскритиковал школу № 141. И велел перепроверить все остальные // 63.ru. 29.08.2024

³ Кутляева Р. Врио губернатора Самарской области раскритиковал главу Самары // Коммерсант. 01.07.2024.

⁴ Портнов Г. В 24 муниципалитетах Самарской области до сих пор не подготовлены пляжи для купания // Коммерсант. 01.07.2024.

⁵ Алексеев А. Глава Тольятти объявил, что готов участвовать в реализации планов Вячеслава Федорищева // Коммерсант. 09.09.2024.

⁶ Волгина М. Федорищев задал Автисяну жесткие вопросы про газификацию // 63.ru. 23.07.2024.

(2) *Вячеслав Федорищев публично дал понять подчиненным, что его интересует результат, а не красивые отчеты и приписки*⁷.

Обозначение действий врио губернатора отличается стилистической «поларностью», которая выражается в использовании слова или выражения, своего официально-деловому стилю либо разговорному. Например, *Вячеслав Федорищев объявил выговор главе областного минтранса*⁸. Оборот *объявить выговор* имеет канцелярский характер, обозначая при этом трудовое дисциплинарное взыскание, закрепленное в законодательстве Российской Федерации.

Обратим внимание на другой пример: «*У вас есть неделя!*». *Вячеслав Федорищев устроил разнос министру транспорта. И дал сложное поручение*⁹. Оборот *устроить разнос*, построенный на перифразе, содержит разговорный субстантивный компонент *разнос*, относящий весь оборот к разговорному стилю. Разнос, согласно «Большому академическому словарю русского языка», — это «строгое внушение, выговор, резкая критика» [БАС РЯ: 450]. Как отмечает В.П. Москвин, перифраза позволяет заменить одно понятие описательным оборотом, при этом создав возможность представить образ, а не отвлеченное слово [Москвин]. Это позволяет читателям представить способ и степень порицания врио министра транспорта.

Среди двусоставных предложений выражения порицания воздействующего субъекта отмечен один пример использования фразеологического оборота: *Вячеслав Федорищев поставил на вид участникам совещания подготовку выездных мероприятий...*¹⁰. Фразеологизм *поставить на вид* имеет семантику замечания, при этом не отличается экспрессивностью [Федоров].

Один из выявленных примеров двусоставных предложений выражает порицание главой Самарской области без указания на воздействующий субъект: *Означают ли публичные разносы, что попавшим под них главам не сносить головы?*¹¹ В качестве подлежащего выступает разговорное *разносы*, которое за счет контекста отсылает читателя к непосредственному инициатору строгих выговоров — врио губернатора. При этом за счет вопросительного предложения автор подчеркивает свою отдаленность от оценки действий главы региона, используя подобное неассертивный метод воздействия на аудиторию.

Выражение порицания со стороны врио губернатора Самарской области может быть организовано с помощью односоставных неопределенно-личных предложений, в которых воздействующий субъект предполагается, но не называется прямо:

- (1) *Лапушкиной дали понять, кто в ответе за весь город* (там же);
- (2) *Главе Кошкинского района не дали забыть про прошлое* (там же).

Использование ряда однородных членов для описания отрицательных результатов деятельности объектов порицания восходит к тактике обвинения стратегии дискредитации. Как отмечает О.С. Иссерс, тактика обвинения не предполагает унижения, однако ставит на вид негативные факты деятельности

⁷ Сазонов А. Врио губернатора не развели на мосты // Коммерсант. 17.06.2024.

⁸ Вячеслав Федорищев объявил выговор главе областного минтранса // Волга Ньюс. 17.06.2024.

⁹ Зиновьев Е. Вячеслав Федорищев устроил разнос министру транспорта. И дал сложное поручение // 63.ru. 04.06.2024.

¹⁰ Вячеслав Федорищев на оперативном совещании Правительства обозначил принципы работы чиновников // НИА-Сам. 17.06.2024.

¹¹ Николаева Л. Муниципалов встраивают в обойму новой власти почти через колено // Самарское обозрение. 08.07.2024.

человека [Иссерс]. Находим это в следующем примере: *Сломанный транспорт, не доезжающий до остановок, забитые битком трамваи и автобусы, занесенные метелью трассы и общий паралич движения — все эти «достижения» активно припоминали руководству областного минтранса*¹². С помощью ряда однородных дополнений и металеписца *припоминать* авторы статьи усилили характеристику порицаемых действий нерадивых чиновников. При этом под глагольной формой *припоминали* подразумевается врио губернатора региона, который до момента задержания врио министра транспорта неоднократно публично порицал действия политика.

В качестве указания на порицание действий субъектов воздействия может служить описательный глагольно-именной оборот в составе безличного предложения, построенный при помощи отрицательной конструкции: *По результатам осмотра объекта в официальном высказывании Федорищева преобладания оптимизма не ощущалось*¹³. Отрицательная синтаксическая конструкция передает недовольство главы региона выполненной работой по строительству мостового перехода и позволяет журналисту смягчить описание резкого недовольства, сосредоточив внимание на претензиях в отношении подрядчика и профильного ведомства.

Воздействующий субъект предстает как строгий, решительный и организованный политик, который при этом способен публично осуществить порицание или иное словесное воздействие. Данный факт журналистами новостных порталов преподносится в текстах с помощью двусоставных предложений с описательными глагольно-именными оборотами, односоставными неопределенно-личными предложениями, а также с помощью безличного предложения.

Обратим внимание на языковую организацию коммуникативной ситуации порицания с точки зрения субъекта воздействия. К данной группе относится 12 примеров, составляющих 46 % от числа единиц, выражающих порицание. Одним из средств обозначения порицания является употребление безличных предложений. По замечанию А.В. Петрова и С.В. Незговорова, безличные предложения «помогают выразить авторское отношение к описываемому, создать убедительную речевую характеристику героя публикации, передать условия реализации той или иной ситуации» [Петров, Незговоров: 70].

В журналистской оценке работы врио губернатора Самарской области выделим следующее суждение: *Судя по первым неделям работы, от него легко получить нагоняй*¹⁴. Безличное предложение, содержащее в своей структуре оборот *получить нагоняй*, характерно разговорной речи. Это усиливает экспрессивную составляющую конструкции.

Отметим данную особенность и в примерах с одиночным глаголом *досталось*, за счет безличности которого журналистам становится возможным совместить экспрессивность (благодаря принадлежности глагола к разговорному стилю) и отстраненность от прямого наименования воздействующего субъекта:

(1) *Досталось Пивкину и Беняну: как прошло первое публичное совещание в правительстве Самарской области*¹⁵;

¹² Эльдарова Н, Николаева Л. Задержание Ивана Пивкина стало кульминацией проблем самарского минтранса // Самарское обозрение. 24.06.2024.

¹³ Пробка для Федорищева // Хронограф. 15.07.2024.

¹⁴ Матвеев М. Доля управленцев, которых Федорищев привез с собой из Тулы, пока невелика // АПЭК 10.07.2024.

¹⁵ Досталось Пивкину и Беняну // Блокнот. 10.06.2024.

(2) Между тем Владимиру Медведеву уже **досталось** и за то, что он не привлек дополнительные ресурсы...¹⁶

При этом в примере (1) к одиночному глаголу, образовавшему безличное предложение, в качестве усиления воздействующей силы главы региона журналистами употребляются фамилии «пронившихся» чиновников, что ухудшает их имидж как руководителей.

Безличное предложение может включать в себя аналитическую конструкцию, которая позволяет автору новостной статьи отдалиться от денотата: *После этой [с врио губернатора] прогулки Ивану Пивкину **пришло** выслушать пару ласковых от врио губернатора*¹⁷.

Выражение *пару ласковых* имеет значение «высказать кому-л. неодобрение в резкой форме» [Мокиенко, Никитина: 483]. Употребление аналитической конструкции *пришло* выслушать свойственно канцелярской речи, что дистанцирует журналиста от предмета статьи, но вместе с тем с просторечным выражением *пару ласковых* создает образ врио губернатора как строгого управленца, находящегося «ближе» к жителям области — читателям аналитической статьи.

В позиции субъекта воздействия находим еще 3 фразеологизма, передающие семантику порицания пронившихся чиновников. При этом воздействующий субъект может быть имплицирован, подразумеваться читателем: *Глава Ставропольского района Вячеслав Киреев был вызван на ковер к губернатору прямо с оперативного совещания*¹⁸. За счет употребления косвенной конструкции, в составе которой находится фразеологизм *вызвать на ковер*, читатель может только догадываться о тех методах воздействия, к которым прибегнул глава региона.

Нередко употребление фразеологизмов в русском языке может сопровождаться их варианностью, сохраняя при этом исходную семантику. Находим это в фразе: *Вскоре после этого под жернова критики Федорищева попало ООО «Автодоринжиниринг»*¹⁹. В данном предложении употреблен фразеологизм *попасть под жернова* в значении «оказываться в каком-либо сложном положении» [Мокиенко, Никитина: 228]. За счет добавления компонента *kritiki* значение выражения сужается. Воздействующий субъект при этом назван по фамилии. Вариантность фразеологизма может быть одновременно по лексическому составу и по грамматической форме, что представлено в примере: *Глава областного минтранса Иван Пивкин попал под обстрел врио губернатора Самарской области Вячеслава Федорищева*²⁰. Узальный вариант фразеологического оборота — *взять под обстрел* в значении «начать критиковать за что-либо» [Федоров: 44]. Замена глагольного компонента произошла с учетом позиции участника коммуникативной ситуации порицания. С помощью военной метафоры журналистом подчеркивается политическая борьба, характерная для системы власти.

¹⁶ Николаева Л. Муниципалов встраивают в обойму новой власти почти через колено // Самарское обозрение. 08.07.2024.

¹⁷ Исмайлова А. ТТУ расщедрилось после головомойки от Федорищева? Для Самары закупят трамваев на 709 миллионов рублей // 63.ru. 11.06.2024.

¹⁸ Николаева Л. Муниципалов встраивают в обойму новой власти почти через колено // Самарское обозрение. 08.07.2024.

¹⁹ Пробка для Федорищева // Хронограф. 15.07.2024.

²⁰ Крючкова С. Клиновский мост в Самаре: пока выговор главе минтранса, а через полгода может и хуже быть // Бизнес-вектор. 19.06.2024.

Проведенное исследование показало, что журналисты электронных местных СМИ прибегают к различным средствам формирования у читателей определенного имиджа врио губернатора. В случае с В.А. Федорищевым создание положительного имиджа политика преследовало немало задач и требовало значительного количества усилий как со стороны властей, так и со стороны журналистов. В рамках настоящего исследования в качестве речевых инструментов выступают использование фразеологических оборотов с семантикой вербального воздействия на адресата; описательных глагольно-именных оборотов, состоящих как из единиц разговорно-просторечного пласта лексики, так и из книжного; употребление однословных единиц, позволяющих емко и точно донести до читателей мысль. При этом анализ выявленных примеров показал, что реализация подобных инструментов одинаково характерна как для позиции воздействующего субъекта, так и для позиции субъекта воздействия. Все указанные инструменты позволяют журналистам создать образ решительного, строгого и в то же время справедливого главы региона, который смело взялся за решение наболевших проблем Самарской области.

Список источников

(БАС РЯ) Большой академический словарь русского языка. М., СПб., 2013. 744 с.
Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007. 784 с.
Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008. 878 с.

Список литературы / References

- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: моногр. М., 2008. 289 с.
(Issers O.S. Communicative strategies and tactics of Russian speech: monograph. Moscow, 2008, 289 p. — In Russ.)
- Крогнгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2018. 512 с.
(Krogngauz M.A. The Russian language is on the verge of a nervous breakdown, Moscow, 2018, 512 p. — In Russ.)
- Лекант П.А. Описательные глагольно-именные обороты в функции сказуемого // Учёные записки МОПИ им. Н.К. Крупской. Вып. 14. М., 1967. С. 120—127.
(Lekant P.A. Descriptive verb-nominal turns in the predicate function, *Scientific notes of the MOPI named after N.K. Krupskaya*, iss. 14, Moscow, 1967, pp. 120—127. — In Russ.)
- Микрюкова Т.Н. Способы введения в высказывание неутверждаемых компонентов с целью скрытого воздействия (на материале рекламных текстов) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 2. С. 169—177.
(Mikrjukova T.N. Methods of introducing non-approved components into a statement for the purpose of covert influence (based on the material of advertising texts), *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 2011, no. 2, pp. 169—177. — In Russ.)
- Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону, 2007. 940 с.
(Moskvin V.P. Expressive means of modern Russian speech. Trails and figures. A terminological dictionary, Rostov-on-Don, 2007, 940 p.— In Russ.)
- Немич Н.Н. Язык региональных СМИ как объект изучения // Лекантовские чтения — 2022: Материалы Международной научной конференции, Москва, 18 ноября 2022 года. М., 2022. С. 331—335.
(Nemich N.N. The language of regional media as an object of study, *Lekant readings — 2022: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 18th, 2022*, Moscow, 2022, pp. 331—335. — In Russ.)
- Петров А.В., Незговоров С.В. Функционирование безличных предложений в публицистическом стиле // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 69—84.

(Petrov A.V., Nezgovorov S.V. Functioning of impersonal sentences in a journalistic style, *Russian Philology*, 2024, no. 1, pp. 69—84. — In Russ.)

Янушевич А.В., Филиппова Т.А. Механизм формирования имиджа губернатора как лидера общественного мнения в условиях новых медиа // Гуманитарный акцент. 2023. № 3. С. 49—56.

(Janushevich A.V., Filippova T.A. The mechanism of forming the image of the governor as a leader of public opinion in the context of new media, *Humanitarian Accent*, 2023, no. 3, pp. 49—56. — In Russ.)

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTING THE ACTING GOVERNOR'S CRITICISM IN SAMARA ONLINE MEDIA

Maksim S. Agafontsev

Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation, agafontsev.m@psga.ru

Abstract. The article describes the means of expressing censure used to depict the deeds of the acting governor of the Samara region V.A. Fedorishchev in the materials of the Samara electronic media. The article is based on the analysis of linguistic units used by Samara electronic news portals journalists. That language input - lexical, descriptive and phraseological – was illustrative of the acting governor's criticism directed towards regional executive authorities. The author makes use of the method of descriptive analysis as well as the continuous sampling method. The semantic and pragmatic analysis of the identified linguistic units (one-word, descriptive and phraseological phrases) used by the authors of electronic publications are carried out. The article analyses the image of the acting governor created by local media. The researcher gives an assessment of the illocutionary purposes of using the vocabulary and phraseology of censure in each of the presented electronic publications. It is determined that the journalists of the Samara media create a positive image of a regional politician, distinguished by determination and uncompromising attitude in matters related to ineffective work of regional executive authorities. It is established that regional media form the opinion of residents of the Samara region regarding the work of city and regional authorities. The author provides a stylistic assessment of specific lexemes and phraseological units that differ in terms of semantics and connotation.

Keywords: phraseological units, expression of censure, communicative situation, communicative tactics, media language

For citation: Agafontsev M.S. Linguistic means of representing the acting governor's criticism in Samara online media, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 76—84.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 10.08.2025.

The article was submitted 14.11.2024; approved after reviewing 20.12.2024; accepted for publication 10.08.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Агафонцев Максим Сергеевич — аспирант, ассистент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия, agafontsev.m@psga.ru, SPIN-код: 8324-9173

Agafontsev Maksim Sergeevich — Postgraduate student, Assistant of the Department of Russian Language, Speech Culture and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation, agafontsev.m@psga.ru

ИСТОРИЯ

HISTORY

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 85—91.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 85—91.

Научная статья

УДК 398.9

EDN <https://elibrary.ru/ugehzm>

DOI: 10.46726/H.2025.4.10

ПРОМЫШЛЕННИКИ СТРОГАНОВЫ В РУССКИХ ПОГОВОРКАХ

Мария Владимировна Суровова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, surmv@rambler.ru

Аннотация. Сохранение в исторической памяти народа целой группы поговорок, посвященных одному роду, — исключительное явление. Автором впервые предпринята попытка анализа всего комплекса поговорок о Строгановых. Цель статьи состоит в том, чтобы выявить, какие стороны деятельности Строгановых нашли отражение в фольклоре. Выяснилось, что сохранившиеся поговорки характеризуют основные элементы деятельности Строгановых, ставшие общеизвестными: огромное состояние, созданное на торговле солью; исключительный порядок в организации хозяйства; высокий уровень архитектуры и организации строгановских подворий; создание уникального направления в древнерусском иконописании; статус, исключительное положение.

Ключевые слова: Строгановы, исторические пословицы, строгановская икона, солепромышленность

Для цитирования: Суровова М.В. Промышленники Строгановы в русских поговорках // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 85—91.

Одним из актуальных направлений в современных исследованиях Средневековья и Нового времени является использование пословиц и поговорок в качестве исторического источника (см., напр.: [Кузьмина; Шаповалова]).

Важность пословиц как исторического источника состоит в том, что в них «отразилось коллективное сознание народа». Как справедливо отмечает М.В. Кузьмина, пословицы и поговорки — «часть коллективной памяти того общества, в котором они возникли и использовались». Она же полагает, что в пословицах и поговорках «сохранились следы жизненных ситуаций, которые стали основой для их возникновения» [Кузьмина: 22]. Это особенно важно при изучении сюжетов истории допетровской Руси, которая недостаточно обеспечена многими видами письменных источников.

В рамках настоящего исследования предпринята попытка выявления и анализа поговорок о промышленниках Строгановых. Их род на протяжении

XVI — начала XX в. имел всероссийскую известность. Строгановы были одними из крупнейших в стране землевладельцев, достигли огромных успехов в добыче соли и металлургии. Представители этой фамилии сыграли важнейшую роль в освоении Урала, покорении Сибирского ханства. В 1610—1722 гг. Строгановы единственные носили почетное звание «именитых людей». Они оказали огромное влияние на развитие позднего древнерусского искусства — сложилась «строгановская школа» в иконописи, архитектуре, лицевом шитье, художественном серебре. Начиная с 1608 г. Строгановы оказывали значительную финансовую поддержку правительству В.И. Шуйского и М.Ф. Романова. С XVIII в. Строгановы — крупные государственные деятели, меценаты, коллекционеры [Введенский; Гавлин; Кузнецов; Купцов; Мезенина; Шустов].

Наша цель — выявить, какие стороны многообразной деятельности Строгановых нашли отражение в фольклоре, т. е. прочнее всего закрепились в исторической памяти народа.

Самое раннее обнаруженное фольклорное упоминание о Строгановых содержится в рукописи Федота Волегова (1790—1856 гг.), одного из первых историков этой фамилии. Его произведение называется «Исторические сведения о Строгановых: рукопись» и относится к 1827 году [Волегов]. В качестве эпиграфа автором избрана старинная пермская поговорка — «Не тряси берегом, Строганов соль весит». Значение этой до настоящего времени используемой в Прикамье фразы заключается в том, что Строгановы стремились обеспечить такой порядок в своём хозяйстве, чтобы ни один грамм соли не просыпался [Чалова: 70—71]. Таким образом, прежде всего в памяти людей запечатлелось особое, ответственное отношение Строгановых к делу и их феноменальная бдительность.

Вероятнее всего, речь в поговорке идет об именитом человеке Григории Дмитриевиче Строганове (1656—1715 гг.), который объединил в своих руках владения всех линий рода Строгановых. В общей сложности он владел 10382347 десятинами земли, 162 варницами, с 1692 г. все его владения получили статус вотчины.

Во всех обнаруженных источниках поговорка упоминается как пермская, её содержание, очевидно, связано с местами производства строгановской соли, поэтому она отличается от тех поговорок и пословиц, которые вошли в обиход в европейской части России. В них Строгановы, их имущество или изделия сравниваются с чем-либо другим. При этом смысл этих идиом состоит в подчёркивании заведомого и неоспоримого преимущества Строгановых над тем, что им противопоставляется.

Далее мы перечислим и прокомментируем их.

1. Богаче Строганова не будешь [Дмитриев: 29].

Очевидно, что поговорка также относится к именитому человеку Г.Д. Строганову и появилась на рубеже XVII—XVIII вв. Применялась она не только в простонародной среде, но и в самых высоких кругах российского общества Урала и европейской части России.

Следует заметить, что поговорка «Богаче Строганова не будешь» дошла до наших дней и часто применяется в современной научной и научно-познавательной литературе. Смысл от прямого постепенно приобрёл значение «всех денег не заработкаешь» [Литвинова: 231].

В архивных записях Н.А. Добролюбова (1836—1861), при составлении перечня пословиц и поговорок Нижегородской губернии, фраза приводится в усечённом варианте: «Богаче Строганова» [Пословицы: 120]. Можно предположить,

что молодой автор не совсем точно зафиксировал высказывание. Однако в его время положение Строгановых значительно изменилось. Земли и промыслы Г.Д. Строганова многократно дробились между его потомками, продавались, передавались в приданое. Строгановы оставались крупными землевладельцами и промышленниками, но их положение в качестве самых богатых людей империи было утрачено. Нижегородская губерния в начале — середине XVIII в. являлась главным местом сбыта строгановских соли и железа, а перенос в Нижний Новгород в 1817 году «всероссийского торжища», Маркьевской ярмарки, предоставлял богатейший материал для выявления и обсуждения успешности и благосостояния крупнейших предпринимателей со всей Российской империи.

В связи с этим появление варианта, когда невозможность сравнения со Строгановыми сменяется ситуацией, в которой богатство Строгановых становится мерилом очень высокого благосостояния («богаче Строганова»), является вполне логичным и обоснованным.

О трансформации поговорки свидетельствует и другой её вариант, зафиксированный в современной литературе: «Богаче Строгановых» [Уваров: 22]. Употребление множественного числа свидетельствует о более позднем периоде времени, когда имущество Г.Д. Строганова подверглось дроблению между разными представителями рода. Однако трансформированные варианты существуют параллельно с основным, не вытесняя его.

2. Строгановского пошиба, да Суздальского мастерства (икона) [Даль 1879: 544].

Слово «пшиба» в древнерусском языке служило для обозначения стиля иконописания. К XVIII в. оно выходит из литературного употребления и возрождается лишь в 50—60-х годах XIX в. в более общем и широком значении — «стиль чего-нибудь» [Виноградов: 979—980]. Однако это мало отражает смысл поговорки, для её понимания обратимся к истории Строгановского рода.

Строгановская иконописная школа сыграла огромную роль в становлении русского церковного искусства. Начало наиболее плодотворного периода работы строгановских иконописных мастерских — 1580—1590-е годы. Известный дореволюционный специалист по русской иконописи Н.В. Покровский писал, что «главных иконописных школ, по мнению специалистов, у нас было три: новгородская, московская и строгановская, остальные менее заметны или по незначительной древности (сибирская), или по недостатку высоких качеств (сузальская)» [Покровский: 170].

Однако мнение специалистов по русской иконописи конца XIX — начала XX в. вряд ли могло стать основой для появления народных пословиц. Для понимания иных причин обратимся к описанию бытового использования понятия «строгановской иконы» (М. Горький «В людях»):

«— Вот икона продается, принес человек, говорит — строгановская.

— Чего?

— Строгановская.

— Ага... Плохо слышу, загадил господь ухо мое от мерзости словес никонианских...

Сняв картуз, он держит икону горизонтально, смотрит вдоль письма, сбоку, прямо, смотрит на шпонку в доске, щуря глаза, и мурлычет: — Безбожники никониане, любовь нашу к древнему благообразию заметя и диаволом научаемы преехидно фальшам разным, ныне и святые образа подделывают ловко, ой, ловко!

С виду-те образ будто и впрямь строгановских али устюжских писем, а то — суздальских, ну, а вглядись оком внутренним — фальша!» [Горький: 192—194].

Нижегородский регион, описываемый М. Горьким, был одним из крупнейших центров, откуда координировалась деятельность старообрядцев по всей России. В это связи процитируем популярное среди приверженцев староверия изречения: «Как положат на Рогоже (Рогожское кладбище в Москве), так быть в Городце (Нижегородской губернии); а как на Городце, так и на всем крещеном миру» [Даль 1862: 14].

Одна из особенностей строгановских иконописных произведений заключалась в том, что такие иконы преимущественно предназначались не для заполнения больших храмовых иконостасов, а для маленьких домашних молен. В сочетании с высокими художественными характеристиками, а также «дониконианским» происхождением это делало строгановские иконы максимально привлекательными для старообрядцев.

Приведём описание часовни богатого старообрядческого скита, данное одним из главных исследователей нижегородского старообрядчества XIX в. П.И. Мельниковым (Печерским) в романе «В лесах»: «Тут были иконы новгородского пошиба, иконы строгановских писем первого и второго, иконы фряжской работы царских кормовых изографов Симона Ушакова, Николы Павловца и других. Все это когда-то хранилось в старых церквях и монастырях или составляло заветную родовую святыню знатных людей допетровского времени... Старообрядцы, не жалея денег, спасали от истребления неоцененные сокровища родной старины, собирая их в свои дома и часовни» [Мельников: 21—22].

3. Применил избу да к Строганову двору [Снегирев: 955].

Подворье — «Дом со всем простором и ухожами купца, заводчика, для наезду, для стоянки своих обозов, для складки товаров в городе у ярмарок, пристаней, на местах валового сбыта. Строгановское, Пашковское подворье» [Даль 1865: 151].

Архитектурные комплексы строгановских подворий почти не сохранились прежде всего по причине частых пожаров и разборки для возведения новых строений. Однако дошедшие до нас отрывочные сведения о размерах этих комплексов и их изображения свидетельствуют об уникальности для своего времени, дорожеизнене и масштабе строгановских подворий.

Сохранилось изображение хором Строгановых в Сольвычегодске, предположительно построенных в 1565 г. и разобранных в 1798 году. Хоромы представляли деревянный комплекс зданий и служб на подклетах с тремя башнями-повалушами. Кроме архитектурных особенностей хоромы обладали впечатляющим размерами: их длина со службами составляла 72,5 метра (34 сажени), высота достигала 45,5 метров (21 сажень один аршин) [Макаренко: 116—118; Нива: 210].

Церковь Собора Пресвятой Богородицы в Нижнем Новгороде, до сих пор называемая в народе «Строгановской», является одной из главных достопримечательностей и символов города. Церковь построена в т. н. «строгановском стиле», двухэтажная, богато украшена белокаменной резьбой, имеет множество окон, а также старинные части на колокольне.

Наибольшее количество объектов комплекса строгановских подворий XVIII в. сохранилось в г. Усолье (Пермский край). Архитектурный ансамбль сохранил не только храмовый комплекс в строгановском стиле, но и образец гражданской постройки этого же направления — каменные двухэтажные палаты Строгановых (1724 г.). Палаты украшены контрастными (в сравнении с цветом

стен) узорными оконными наличниками, карнизами, угловыми колоннами, порталом, массивным крыльцом. Внутри высота потолков достигает 6 метров, печи отделаны изразцами. Расположенные в районе промыслов, палаты имеют стилистическое сходство с храмовыми объектами Строгановых в Нижнем Новгороде и позволяют сформировать представления о не дошедших до нас строгановских постройках [Брайцева: 117, 123]. Здания Строгановых также отличались роскошью внутренней отделки.

Поражали архитектурой и размерами и хозяйствственные постройки Строгановых. Так, «образцом высокого строительного искусства русских плотников» являлся амбар для хранения соли, построенный в конце XVII в. в Новоусольских промыслах Г.Д. Строганова. Вдоль амбара, высота которого превышала 20 метров, шла широкая «галерея на деревянных консолях для пришвартовывания судов и погрузки соли» [Брайцева: 125—127].

4. Применил конуру/собачью конуру ко Строганову двору [Снегирев 1834: 193; Снегирев 1848: 340; Даль 1862: 955].

По смыслу и области применения эта поговорка совпадает с предыдущей. В.И. Даль, иллюстрируя значение слов «применять, применить», ставит оба варианта в ряд со сравнением с колокольней «Иван Великий» архитектурного ансамбля Соборной площади Кремля, бывшей на протяжении многих лет самым высоким зданием Москвы — «Применил избу да к Строганову двору / Применил собачью конуру ко Строганову двору / Применил свою вышку к Ивану Великому! сравнил» [Даль 1865: 389].

Следует отметить, что поговорки о Строгановых неоднократно использовались для объяснений и примеров при составлении толковых словарей, в том числе В.И. Далем [Даль 1865: 339, 389; Даль 1912: стб. 201].

В целом приведённая группа поговорок свидетельствует об отражении в народном сознании убеждения о невозможности равняться со Строгановыми, либо крайне высоком уровне для сравнения.

Сложение в народном сознании и памяти целой группы поговорок, посвящённых одному роду, является исключительным явлением. При этом сохранившиеся высказывания связаны не с конкретными единичными событиями, а характеризуют основные элементы деятельности Строгановых, ставшие общеизвестными и запомнившимися народу: огромное состояние, созданное на торговле солью; исключительный порядок в организации хозяйства; высокий уровень архитектуры и организации строгановских подворий; создание уникального направления в древнерусском иконописании; исключительное положение (невозможность или крайнюю трудность сравняться с ними). Длительность существования поговорок (часть из которых используется до настоящего времени) объясняется продолжительностью и значимостью деятельности рода Строгановых на территории Российской государства.

Список источников

- Волегов Ф. Исторические сведения о Строгановых: рукопись. 1827 год. URL: <https://elibrary.orenlib.ru/index.php?dn=down&to=avtoropen&id=1291> (дата обращения: 26.02.2025).
- Горький М. В людях. М.; Л.: Детгиз, 1950. 304 с.
- Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1862. 1112 с.
- Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 1. Спб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1879. 756 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПБ.; М.: Цитадель, 1912. Т. 1. 38 с. 1744 стб.

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1865. Т. 3. 508 с.
- Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 4. Пермь, 1892. 210 с.
- Мельников П.И. В лесах. Ч. 2. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1875. 382 с.
- Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII — XX веков. М., Л.: АН СССР, 1961. 289 с.
- Снегирев И. Русские в своих пословицах. Кн. IV. М.: Унив. тип., 1834. 216 с.
- Снегирёв И.М. Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. М.: Унив. тип., 1848. 551 с.

Список литературы / References

- Брайцева О.И. Строгановские постройки рубежа XVII—XVIII веков. М.: Стройиздат, 1977. 176 с.
(Brajceva O.I. Stroganov buildings of the turn of the XVII—XVIII centuries, Moscow, 1977, 176 p. — In Russ.)
- Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М.: Соцэкиз, 1962. 306 с.
(Vvedenskij A.A. The Stroganov House in the XVI—XVII centuries. Moscow, 1962. 306 p. — In Russ.)
- Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999. 1138 с.
(Vinogradov V.V. The history of words. Moscow, 1999, 1138 p. — In Russ.)
- Гавлин М.Л. Из истории российского предпринимательства. Династия Строгановых. М., 2003. 132 с.
(Gavlin M.L. From the history of Russian entrepreneurship. The Stroganov Dynasty, Moscow, 2003, 132 p. — In Russ.)
- Кузнецов С.О. Строгановы. 500 лет рода. Выше только цари. М., СПб.: Русская тройка, 2012. 557 с.
(Kuznecov S.O. The Stroganovs. 500 years of the family. Only the kings are higher, Moscow, St. Petersburg, 2012, 557 p. — In Russ.)
- Кузьмина М.В. Французские пословицы и поговорки XII—XVI вв. как исторический источник // Донецкие чтения 2022: Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VII научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета. Т. 7: Исторические и политические науки. Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. С. 22—25.
(Kuz'mina M.V. French proverbs and proverbs XII—XVI vv. as a historical source. *Donetsk 2022: education, science, innovation, culture and modernity. Materials of the VII scientific conference, dedicated to the 85th anniversary of the Donetsk National University. T. 7. Historical and political science*, Donetsk, 2022, pp. 22—25. — In Russ.)
- Купцов И.В. Род Строгановых. Челябинск: Каменный пояс, 2005. 224 с.
(Kupcov I.V. The Stroganov family, Chelyabinsk, 2005, 224 p. — In Russ.)
- Литвинова О.А. Русские архитекторы. М.: Росмэн, 2004. 366 с.
(Litvinova O.A. Russian architects, Moscow, 2004, 366 p. — In Russ.)
- Макаренко Н.Е. Искусство Древней Руси. У Соли Вычегодской. Петроград: Свободное искусство, 1918. 157 с.
(Makarenko N.E. The art of Ancient Russia. At the Salt of Vychegodskaya, Petrograd, 1918, 157 p. — In Russ.)
- Покровский Н. Русские иконы // Иконы великой России. М.: Эксмо, 2011. С. 152—187.
(Porkovsky N. Russian icons, *Icons of Great Russia*, Moscow, 2011, pp. 152—187. — In Russ.)
- Мезенина Т.Г. Пермские владения Строгановых в XVIII — первой половине XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2007. 203 с.
(Mezenina T.G. Permian possessions of the Stroganovs in the XVIII — first half of the XIX century: features of spatial and socio-economic organization: dis. ... Candidate of Sciences (History), Nizhny Tagil, 2007, 203 p. — In Russ.)
- Уваров Н.В. Энциклопедия народной мудрости. М.: Инфра-Инженерия, 2009. 592 с.

- (Uvarov N.V. Encyclopedia of Folk Wisdom, Moscow, 2009, 592 p. — In Russ.)
Хоромы Строгановых в Сольвычегодске (1565—1798) // Нива. 1880. № 11. С. 210.
(Stroganov farmsteads in Solvychegodsk (1565—1798), *Niva*, 1880, no. 11, p. 210. — In Russ.)
Чалова Е.Л. Проектная деятельность Нердинской библиотеки имени Ф.Ф. Павленкова // XIV Всероссийские библиотечные Павловские чтения. Роль библиотек в сохранении и популяризации культурно-исторического наследия. Нижний Новгород, 2022. 120 с.
(Chalova E.L. Project activity of the F.F. Pavlenkov Nerdvin Library, XIV All-Russian Library Pavlovian Readings. The role of libraries in the preservation and popularization of cultural and historical heritage, Nizhniy Novgorod, 2022, 120 p. — In Russ.)
Шаповалов В.А. «На Руси дворянин, кто за многих один»: позитивное отношение к помещику в русском народном фольклоре (на примере пословиц и поговорок) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 22 (165). С. 87—91.
(Shapovalov V.A. “In Russia, a nobleman who is one for many”: a positive attitude towards the landowner in Russian folk folklore (on the example of proverbs and sayings), *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Computer science*, 2013, no. 22 (165), pp. 87—91. — In Russ.)
Шустов С.Г. Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX — начале XX в. Пермь: Прикамский социальный ин-т, 2008. 327 с.
(Shustov S.G. The Perm undivided estate of the Counts Stroganov in the second half of the 19th — early 20th centuries, Perm, 2008, 327 p. — In Russ.)

INDUSTRIALISTS STROGANOVS IN RUSSIAN PROVERBS

Maria V. Surovova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, surmv@rambler.ru

Abstract. The preservation in the historical memory of a people of a whole group of sayings dedicated to one family is an exceptional phenomenon. The author has made the first attempt to analyze the entire complex of sayings about the Stroganovs. The purpose of the article is to identify which aspects of the Stroganovs' activities are reflected in folklore. It turns out that the surviving sayings characterize the main elements of the Stroganovs' activities that have become widely known: their enormous wealth, built on the salt trade; the exceptional orderliness of their economic organization; the high level of architecture and organization of the Stroganov estates; the creation of a unique style in Old Russian icon painting; and their status and exceptional position.

Keywords: Stroganovs, historical proverbs, Stroganov icon, salt industry

For citation: Surovova M.V. Industrialists Stroganovs in Russian proverbs, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 85—91.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 19.09.2025.

The article was submitted to the editorial office 16.06.2025; approved after review 29.08.2025; accepted for publication 19.09.2025.

Информация о авторе / Information about the author

Суровова Мария Владимировна — аспирант Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, surmv@rambler.ru, SPIN-код: 6106-5699

Surovova Maria Vladimirovna — Postgraduate student, Institute of International Relations and World History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN), Nizhny Novgorod, Russian Federation, surmv@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 92—103.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 92—103.

Научная статья

УДК 930.2;82-94

EDN <https://elibrary.ru/sbjxdh>

DOI: 10.46726/H.2025.4.11

ВОСТОЧНАЯ ЭКЗОТИКА В ВОСПОМИНАНИЯХ РОССИЯН О ПОСЕЩЕНИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (2-Я ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

Кирилл Евгеньевич Балдин, Ольга Сергеевна Удалова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

kebaldin@mail.ru, olgo1988@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена конструированию представлений о восточной экзотике на материалах мемуаров россиян, посещавших Святую Землю в разные годы, начиная с середины XIX столетия и вплоть до рубежа XIX—XX веков. Новизна исследовательских подходов к анализу представлений о восточной экзотике состоит в том, что в фокусе внимания авторов находились преимущественно такие аспекты «чужой» страны и культуры, как природа и климат, местная флора и фауна. При этом за пределами границ исследования оставались одежда, пища, манера общения, нравы и обычаи ближневосточных народов. Авторами рассматриваемых мемуаров являлись православные паломники из среды духовенства, туристы, путешественники из состоятельных и образованных слоев российского общества. В заключении был сделан вывод о том, что природно-климатические условия, равно как и представления о местной флоре и фауне являлись ключевыми маркерами конструирования представлений россиян об экзотике ближневосточных стран, которые они посетили в рассматриваемый период.

Ключевые слова: экзотика, паломники, туристы, Ближний Восток, климат, флора и фауна

Для цитирования: Балдин К.Е., Удалова О.С. Восточная экзотика в воспоминаниях россиян о посещении Ближнего Востока (2-я половина XIX — начало XX в.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 92—103.

Традиционно при посещении другой страны первое, на что обращает внимание приезжий, это те отличия, которые наиболее контрастируют с привычной для него на родине действительностью. При этом именно наиболее резкие контрасты формируют представление о степени экзотичности новой для него территории.

Особой экзотикой для путешественников всегда отличался Восток, привлекавший внимание преимущественно образованной публики. Однако осуществить путешествие туда на практике отваживались немногие. Главная причина этого заключалась преимущественно в разного рода дорожных трудностях и неудобствах, с которыми было связано путешествие в экзотичные восточные страны. Также, по сравнению с западноевропейскими государствами, страны Востока, по мнению посещавших их, таили в себе гораздо больше опасностей.

Потенциальная возможность столкновения с неизведанной и, по сути, чужой культурной и отнюдь не культурной средой являлась частой причиной отказа от выбора восточного направления путешествия.

Между тем, будет неверным подобным образом характеризовать Восток в целом: в частности, страны Ближнего Востока представляли собой исключение. На рубеже XIX—XX столетий поездки россиян в ближневосточный регион приобрели подлинно массовый характер. Интерес к данному направлению проявляли преимущественно богомольцы, направлявшиеся к святыням вселенского христианства. Сюда же ехали пока очень немногочисленные тогда российские туристы и путешественники-исследователи. Можно с уверенностью предположить, что их воспоминания о поездках представляют собой ценный исторический источник, позволяющий воссоздать представления не только о христианских святынях, но и о восточной экзотике, формируемые в сознании российского православного паломника или же туриста при посещении, в частности, Палестины и Египта.

В первую очередь необходимо определить, что именно следует понимать под экзотикой в рассматриваемый нами период. Так, в «Толковом словаре» В.И. Даля термин «экзотический» трактуется как «чужеземный, из жарких стран» [Даль: 663]. Иными словами, к экзотике, по меркам того времени, целесообразно относить все то, что ассоциировалось в сознании путешественников с какой-либо далекой знойной страной, ее необычной природой и населением. Ближний Восток для русских, по сравнению с умеренным климатом средней полосы России, действительно являлся экзотическим, как это указывалось в толковом словаре В.И. Даля.

Таким образом, в фокусе внимания при воссоздании образа экзотического Востока, по воспоминаниям россиян, находились в значительной степени природа и климат. Также немаловажными составляющими, позволяющими судить об экзотичности восточных стран, становились их флора и фауна, являющиеся органической частью природы. Именно природа Ближнего Востока с присущими ей особенностями — это важный аспект, на который обращали внимание наши земляки, отправлявшиеся в библейский регион. Как следствие, это нашло отражение во многих паломнических мемуарах, однако в различной степени. Последняя, по всей видимости, зависела от того, насколько сильное эмоциональное впечатление производила на автора окружающая среда. При этом следует оговориться, что в настоящей статье за рамками исследования оставлены такие аспекты жизни далеких стран, как одежда, пища, манера общения, нравы и обычаи местного населения.

В отечественной историографии интерес к истории русского паломничества к христианским святыням Востока по вполне понятным причинам возник только в последнем десятилетии XX в. и воплотился в монографических трудах лишь в начале XXI в. В последние годы наиболее пристальное внимание исследователи уделяли анализу не очень многочисленных средневековых текстов о «хождениях» в Святую Землю и более многочисленных мемуаров паломников нового времени, т. е. XVIII — первой половины XIX в. [Бушуева; Якушев]. Среди этих трудов следует особо выделить работу С.Ю. Житенева, который анализирует это явление на широком временном отрезке, что дает возможность рельефно сравнить паломнические тексты разных периодов [Житенев]. Путевые записки отечественных богомольцев этого времени рассматриваются не только историками, но и филологами как особый литературный жанр [Александрова-Осокина].

Сравнительно меньший интерес у исследователей вызывали до последнего времени паломнические произведения второй половины XIX — начала XX в., несмотря на то что этих мемуаров, дневников и писем создано неизмеримо больше, чем в предыдущие столетия. Среди авторов, которые активно использовали их для исследования так называемой «Русской Палестины», следует особо выделить Н.Н. Лисового — широко известного специалиста по истории российско-ближневосточных связей [Лисовой]. Все большее внимание в последнее годы историки уделяют роли Императорского Православного Палестинского Общества в организации русского православного паломничества в библейский регион [Сафонов, Изотов].

Перечисленные здесь нами и другие авторы в анализируемых ими источниках личного происхождения главное внимание уделяют также освещению деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, религиозным переживаниям паломников, их контактам с духовенством восточнохристианских церквей, с местным арабским населением — православным и мусульманским и т. п. Вместе с тем, гораздо меньше внимания современные историки обращают на нерелигиозные впечатления богомольцев (которые порой были весьма запоминающимися), в том числе на восприятие паломниками восточной экзотики, о чем пойдет речь в настоящей статье.

В данной работе конструирование экзотического образа Востока по мемуарам будет производиться на основе ряда текстов, авторы которых посещали ближневосточные святыни в разные годы — начиная с середины XIX в. и до начала XX столетия включительно. Это воспоминания дипломата К.А. Соколова, отразившие его путевые впечатления о Палестине и Сирии после поездки весной 1853 г.; двух ярославских паломников в Святую Землю — архимандрита Иннокентия, посетившего Палестину в 1874 г., и В. Преображенского, оставившего воспоминания о поездке к Иордану в 1900 г.; врача по профессии и путешественника по призванию А.В. Елисеева; известного беллетриста и публициста своего времени Е.Л. Маркова; издателя, публициста и сына крупного российского медиамагната А.А. Суворина; финансиста, управляющего акционерным обществом Северо-Западных железных дорог Е.Э. Картавцова; купца Н.М. Чукмалдина, воспоминания которых относились к концу XIX столетия. На базе указанного комплекса источников представляется возможным объективно реконструировать экзотический мир Ближнего Востока, с которым сталкивались приехавшие сюда россияне.

Первое, на чем сосредотачивали внимание путешественники, если отвлечься от сильных впечатлений паломников, увидевших христианские святыни, — это окружающая природа, резко контрастировавшая с привычными климатическими условиями европейской части России. В большинстве воспоминаний природа Ближнего Востока представляется довольно унылой и бесприютной, навевавшей на путников тоску по родному дому. Это во многом объяснялось общей новизной ландшафта, непривычного глазу русского человека. В этой связи Н.М. Чукмалдин, повествуя о прибытии в Константинополь, отмечал особенности своего восприятия иноземной среды: «отовсюду веяло чем-то иным, новым, невиданным и неизведанным. В такие минуты все чувства как-то настороже <...> глаз усиленно всматривается в каждый новый предмет, внимание стремится всюду» [Чукмалдин: 6]. Новизна окружающей действительности, в том числе природы и климата, воспринималась некоторыми путниками даже с опасением. Вот как описывает Е.Л. Марков один из пейзажей Палестины: «Чем-то враждебным и неприятным глядит на нас в полусумраке

рассвета вся эта страна воинственных воспоминаний и воинственных нравов. Она делается с каждым шагом все гористее, подъемы делаются все труднее» [Марков: 35]. Таким образом, представления об экзотике Востока, с одной стороны, формировались россиянами на основе контраста с привычными им реалиями русской природы, с другой — под влиянием определенных негативных ожиданий от столкновения с неизвестным, результат которого, впрочем, в дальнейшем мог оказаться не только со знаком минус.

Климат ближневосточных территорий, которые посещали наши земляки, был нестерпимо жарким для русского человека. С одной стороны, многое зависело от того, в какие именно месяцы авторами воспоминаний была предпринята поездка в Святую Землю. Между тем, по свидетельству паломника В. Преображенского, прибывшего на Иордан в январе 1900 г., т. е. в отнюдь не самый теплый месяц в году, жара в то время была просто нестерпимой. При остановке поклонников на отдых в русской странноприимице, сложенной из кирпича, они чувствовали себя «как в хорошо натопленной бане». Понижению температуры, как отмечал В. Преображенский, не помогали никакие средства: ни поливание пола водой, ни раскрытые настежь окна. Автор отмечал, что последнее было небезопасно, так как в окна паломнического приюта залетали москиты, с целью защиты от которых кровати были снабжены пологами из довольно плотной ткани. Однако высокая температура даже ночью не позволяла поклонникам воспользоваться этим защитным средством из-за духоты [Преображенский: 14]. Священник В. Преображенский еще не раз обращался к теме нестерпимой жары на страницах своих воспоминаний. Знакомый с климатическими условиями Крыма и Кавказа, он отмечал, что ранее ему не доводилось сталкиваться ни с чем подобным: «Не могу и приблизительно определить температуры; одно знаю, что подобного чудовищного зноя я никогда в жизни не испытывал» [Там же: 41]. При этом автор указывал, что быстрая езда (к Иордану паломники ехали на лошадях) не оказывала освежающего воздействия, напротив, воздух еще больше буквально обжигал лицо и тело. В свою очередь, в мемуарах другого ярославского паломника — архимандрита Иннокентия, первоначально «летние жары» в Александрии и в Каире фигурировали лишь как нечто виртуальное в его беседе с консулом В.Ф. Кожевниковым. В записях автора от 28 мая отмечалось, что раннее утро было прохладным, а 5 июня архимандрит наблюдал даже туман и облака [Иннокентий, архимандрит: 191, 206], что было редкостью в Палестине в летнее время. Между тем, по мере накопления путевых впечатлений паломника, он начал изредка отмечать особое негативное воздействие полуденного зноя. В то же время архимандрит Иннокентий в своих воспоминаниях не сосредоточивал внимание на жаре, по всей вероятности потому, что был осведомлен о ней заранее и, соответственно, подготовлен к ожидавшим его климатическим испытаниям.

Для Е.Л. Маркова нестерпимо жаркой представлялась даже Иорданская долина, которая, среди всех мест, посещаемых россиянами, неизменно одаривала последних прохладой вод священной реки. Автор отмечал, что ввиду высокой дневной температуры путешествие приходилось начинать задолго до восхода солнца [Марков: 221]. Еще более сильное отрицательное впечатление на автора произвела поездка к Мертвому морю: даже за десять верст до его «проклятых» вод «почва растрескалась во всех направлениях, словно от съедающего ее внутреннего жара». Местные высокие температуры в совокупности с отсутствием даже легкого дуновения ветра с Средиземного моря заставили автора сравнить окрестности Мертвого моря с «глубокой каменной баней» [Там же: 223].

Особенно высокая температура воздуха рядом с этим водоемом объясняется тем, что долина соленого озера находится значительно ниже уровня моря.

В мемуарах А.А. Суворина очень своеобразно проиллюстрирована связь жаркого близневосточного климата с характером местных жителей: «В этой стране, где солнца так много и оно так угнетает, и где так коротки промежутки тени, люди привыкли чувствовать и высказываться урывками, но с непонятной для нас быстротой чувства и речи... Выгода получается явная: остается больше времени... для молчания и лени под жарким припеком солнца» [Суворин: 3]. Таким образом, по мнению автора, особенности непривычно громкого и эмоционального общения арабов между собой определяются взаимодействием их жарким климатом.

Наряду с нестерпимой жарой особенность местной природы состояла также в необычных пейзажах, которые, в связи с этим, заняли свое немаловажное место на страницах рассматриваемых нами мемуаров. В первую очередь, взгляд их авторов поражала безжизненная, совершенно пустынная местность, при пересечении которой лишь изредка встречалась бедная растительность.

Примечательно, что такого рода описания дублируются у разных мемуаристов. Вероятно, это было связано с тем, что паломники более позднего времени были знакомы с воспоминаниями своих предшественников. В частности, по мнению Е.Л. Маркова, пейзажи Святой Земли представляли собой настоящее царство желто-серых камней [Марков: 213—214], в чем с ним соглашался ярославский паломник В. Преображенский, в труде которого можно найти фактически идентичное описание. Вместе с тем, учитывая экзотичность пустынных картин, открывавшихся перед взором паломников, становятся понятны сильные чувства В. Преображенского как православного иерея, впервые увидевшего землю, по которой ходил Спаситель. Он отмечал, что «несмотря на всю безотрадность вида мертвой пустыни, несмотря на удушливый зной, который охватывает вас среди раскаленных камней, настроение ваше — скорее радостное и возбужденное, чем подавленное и унылое» [Преображенский: 11].

Представляется вполне уместным сравнение Е.Э. Картавцова палестинских пустынь и полупустынь с русскими лесными пейзажами, тоже считавшимися у него на родине пустынными. В своих воспоминаниях о посещении Святой Земли автор, повествуя о проделанном им пути от лавры св. Саввы к Мертвому морю, отмечал, что только теперь он понял, как выглядит настоящая пустыня. Этот вывод он сделал в силу резкого контраста окружающей действительности с лесами русского севера, где даже в «безбрежных болотах северной части Новгородской губернии все же видишь и чувствуешь жизнь; там растут деревья и кусты, пестрят мхи и лишайники, там попадаются даже ясные признаки животной жизни — то лягушонок, то комариный рой» [Картавцов: 197—198].

Также Е.Э. Картавцов, в отличие от иных мемуаристов, в частности от Е.Л. Маркова и В. Преображенского, не отмечал неповторимой красоты пустынных ландшафтов, автор не усматривал в них ничего «громадного или величественного; холмы один как другой; котловины и камни капля в каплю похожи друг на друга; все усыпано мелким камнем почти без признака растительности, хотя бы самой мелкой травы» [Картавцов: 198]. Таким образом, пустыня в понимании автора — однообразная и мало привлекающая внимание местность, созерцание которой отягощается полным отсутствием каких-либо признаков жизни.

Впечатление пустынности большинства местных пейзажей красной нитью проходит через все паломнические воспоминания. Для Е.Л. Маркова пустыня

Святой Земли — это не только особенности земной поверхности: он отмечал, что там, где Мертвое море сошлось с небом, они словно бы образовали из двух необхватных голубых пустынь «одно сплошное и сверкающее огненное зарево» [Марков: 231]. Таким образом, пустынность местного ландшафта, по мнению автора, — характеристика не только земель, но также морской глади и воздуха этих мест. Именно бесплодность окружающей человека природы, по мнению автора, сформировала у местного населения представление о священности воды. В связи с этим на Востоке она издревле являлась бесценным ресурсом, люди поклонялись святым источникам, буквально доходили до обожествления воды, и именно поэтому, с точки зрения Е.Л. Маркова, в воде осуществлялось крещение Спасителя, а за ним и присоединявшихся к христианству людей [Там же 243]. В подобном отношении к воде, в меньшей степени свойственном русскому человеку, чем обитателю пустыни, также присутствует определенный элемент уникальности и экзотичности ближневосточной культуры.

Среди немногих исключений, найденных нами в различных воспоминаниях, выделяются: многоцветная экзотика богатого садами города Яффы, отличавшиеся обилием растительности берега Иордана и просторы Галилеи, которая выглядела гораздо более зеленой, чем другие исторические области Палестины — Иудея и Самария. Между тем, некоторые россияне, в частности, А.А. Суворин, подчеркивали, что некие общие представления о той или иной территории, формировавшиеся на основании ранее полученных ими сведений, в ряде случаев не соответствовали действительности. В частности, тот же автор отмечает, что до момента посещения Яффы, по описаниям изобиловавшей садами, она представлялась ему «раем на земле». Реальность, по его мнению, оказалась далекой от подобного рода описаний — это была «мертвая пустыня среди ослепительного зноя...» [Суворин: 6]. Подобные авторские наблюдения не могли не вызвать удивления читательской аудитории, знакомой с многочисленными паломническими мемуарами или имевшей опыт личного посещения Святой Земли: Яффа традиционно описывалась авторами как истинный «рай на земле». Мнение Суворина о Яффе лишний раз доказывает, что воспоминания являются не только ценным и ярким, но и самым субъективным видом источников, следовательно подходить к ним надо осторожно, используя перекрестную проверку текстов.

Экзотика пустынных ближневосточных пейзажей создавалась не одними серо-желтыми камнями и палящим солнцем. Столь сложная для выживания природная среда тем не менее являлась домом для диковинных, с точки зрения русских, растений и животных.

В частности, по мнению Е.Л. Маркова, флора Святой Земли была представлена преимущественно такими деревьями, как маслины, апельсины и цитроны (не путать их с лимонами!). Безусловно, пестрота садов, следуя описаниям большинства россиян, была характерна преимущественно для Яффы. Сады были огорожены от дороги не дощатым (дерево в Палестине в дефиците), а живым забором — изгородями из кактусов, листья которых напоминали зеленые дощечки или же растопыренные и поднятые вверх пальцы либо ладони [Марков: 16]. Наконец, в пути встречались одинокие пальмы, тоже довольно характерные для полупустынного ландшафта с оазисами.

Наиболее часто встречающимся окультуренным растением здесь были маслины. Е.Л. Марков и другие авторы описывали их стволы как свитые из бесчисленного множества переплетенных между собой серых канатов, а ветви их были покрыты листвой скорее не зеленого, а своеобразного голубовато-серого цвета, она давала весьма скучную тень как «дерево каменистых пустынь

и солнечного зноя» [Там же: 40]. В воспоминаниях о посещении Иорданской долины тот же автор упоминает ивы и олеандры, ветви которых паломники брали с собой на далекую родину, а также колючее «держи-дерево» в соседнем Иерихоне (листопадный кустарник, известный еще среди паломников под названием «терний Христа») [Там же: 247]. Священник В. Преображенский и другие паломники нередко встречали в Иерусалиме также смоковницы, плоды которых пробовали на вкус [Преображенский: 10].

По-своему колоритны описания ближневосточной флоры у А.А. Суворина. Автор отмечал, что от узкой песчаной дороги, по которой катился их фургон, сады из диковинных чащ апельсиновых и лимонных деревьев с темно-зеленой листвой отделялись живой стеной из кактусов, усаженных длинными иглами, которые «очень неприязненно протягивались над головой». По свидетельству автора, лишь издалека из-за этой зеленой ограды выглядывали запыленные красноватые плоды экзотических деревьев. Среди редких местностей Святой Земли, изобилующих растительностью, автор выделял Елеонскую гору [Суворин: 6].

В значительной части паломнических мемуаров описания ближневосточной флоры представляются весьма контрастными: впечатления от пустынной местности сменяются изумлением от экзотических растений, незнакомых или знакомых только понаслышке. Наряду с немногочисленными деревьями и кактусами — неизменными атрибутами пустынных ландшафтов, в воспоминаниях встречаются также упоминания местной луговой растительности. В мемуарах К.А. Соколова, составленных автором под впечатлением от пути из Египта в Иерусалим через Газу, говорилось, что встречающиеся в пути «цветы и травы... благоухали ароматом» и выглядели довольно высокими [Соколов: 19, 25]. В свою очередь, вспоминая переезд из Иудеи в Самарию, К.А. Соколов отмечал, что по границе их вокруг распространялся целительный воздух полей и ароматы растений [Соколов: 72], которые, по всей вероятности, напоминали паломнику о родном русском разнотравье. Вместе с тем следует оговориться, что в Святой Земле зелень и цветы в полях и лугах можно было застать только в короткий весенний период, остальное время на них господствовал традиционно серо-желтый цвет.

Первое впечатление о флоре Ближнего Востока в силу малой осведомленности путников относительно местных особенностей растительности могло сыграть с ними злую шутку. В частности, В. Преображенский, вспоминая о паломническом путешествии на Иордан, отмечал, что ему и его спутникам то и дело попадались по дороге показавшиеся им красивыми незнаковые лиственные кустики. Однако за интерес к этой незнакомой поросли автор воспоминаний жестоко поплатился: он порезал руку, результатом чего стало обильное кровотечение. Их листва, «казавшаяся столь привлекательной, оказалась принадлежащей к породе терний и наделена была преострыми колючками, которые за темнотой разглядеть было невозможно» [Преображенский:13].

В воспоминаниях А.В. Елисеева приводятся интересные и неожиданные для читателя факты о специфических для русского паломника и необычайно тяжелых (вероятно, под воздействием высоких температур) ароматах местных растений. В частности, автор описывал, что по прибытии в городок Мединет-эль-Файюм в Египте (этот город считался коптской столицей) они остановились на ночлег в доме копта, «с радостью принял гостей из далекой России, которой он, как и все христиане Востока, симпатизировал в душе» [Елисеев: 191]. А.В. Елисеев отмечал, что хотя они и наслаждались «ароматами роз, олеандров

и флер-д'оранжа», воздух был наполнен «тяжелыми одуряющими ароматами» [Елисеев: 191—192].

Е.Е. Карташев, в отличие от других мемуаристов, подметил своеобразную красоту традиционного для пустыни растения — кактуса. По прибытии в Сиут, город, по свидетельству автора, расположенный в Верхнем Египте (в действительности — в Среднем Египте), он отмечал, что кактусы росли здесь как забор, но эта естественная ограда отличалась не только надежностью, но также и красотой, в особенности в период цветения этих растений: «на каждом отростке серого, зеленого или серо-зеленого цвета с десяток ярких цветков красно-кирпичных, розовых или малиновых» [Карташев: 72], что придавало необычайную пестроту и привлекательность живой изгороди.

Наряду с экзотической флорой, довольно необычной представлялась россиянам ближневосточная фауна. Естественно, им часто встречались стада овец и коз, которых они могли наблюдать и на родине, а также лошади, так как часто для быстрого передвижения по гористой местности состоятельные богохульцы ехали верхом. Однако на этих животных авторы мемуаров не сосредотачивали особого внимания в силу того, что они были привычными для них. С гораздо большим интересом описывали они экзотических животных, специфических для данного региона. В частности, Е.Л. Марков, рассказывая о характерных палестинских деревьях — маслинах, указывал, что по их серым стволам снуют такие же серые ящерицы, скрываясь в дуплах. Примечательно, что автор указывал на различия местных ящериц и тех, которые встречались ему в России: палестинские ящерицы казались ему «словно железными (имелся ввиду стальной цвет этих животных), как и деревья, в которых они живут» [Марков: 40]. Помимо их, встречались россиянам и маленькие серые змейки, быстро выползшие из-под ног, желая скрыться от людей в спасительные камни.

По мере того, как безотрадные пустынные виды сменялись на страницах мемуаров плодородностью иорданской долины, описываемая паломниками фауна становилась разнообразнее. В частности, Е.Л. Марков упоминает, что в прибрежной растительности Иордана обитают шакалы, газели и кабаны, «куда к ним нередко заглядывает из дебрей и грозный барс» [Там же: 234]. По всей вероятности, самые различные виды животных там встречались часто, как указывал В. Преображенский, потому что долина Иордана была покрыта густой растительностью [Преображенский: 14].

Примечательно, что в паломнических воспоминаниях, наряду с описаниями реальных животных, иногда встречались и существа вымышенные. Так, А.В. Елисеев указывает, что на берегу реки Нил «перекликались между собой крошечные сирины, летавшие между вершинами пальм» [Елисеев: 190]. Как известно, сирин — это мифологическое существо, формирование представлений о котором уходит корнями в мифы Древней Греции. Примечательно, что русские люди считали, что эта птица спускалась на землю из рая и зачаровывала слышавших ее своим пением. Вероятно, А.В. Елисеев был потрясен причудливым видом, либо голосом этих реально существовавших пернатых созданий, у которых наверняка было и какое-то другое название.

Необходимо отметить, что на страницах отечественных мемуаров встречались и опасные экзотические животные. К таковым относились, в частности, насекомые — тарантулы и скорпионы, которых паломники сами не видели, но об опасности их укусов были предупреждены проводниками. Впрочем, москиты в Палестине были почти такими же страшными, как скорпионы. В. Преображенский по дороге к монастырю св. Иоанна Хозувитского отмечал «обилие

и лютость насекомых», настолько утомивших поклонников, что им пришлось оставить свои попытки заснуть в монастырских кельях [Преображенский: 45].

Внимание паломников привлекали не только дикие экзотические животные, но и некоторые одомашненные, однако редко встречавшиеся в России, — ослы. Несмотря на то, что эти создания, являющиеся синонимом упрямства, встречаются почти в любой части мира, наиболее комфортно они себя чувствуют преимущественно в сухих и теплых регионах. На Ближнем Востоке в конце XIX — начале XX столетия, в период массового паломничества к святыням вселенского христианства, по всей вероятности, потребность в ослах была значительно выше, чем в настоящее время, в связи с чем на страницах многих мемуаров присутствуют упоминания об этих животных.

А.А. Суворин упоминает, что арабы использовали для транспортировки паломников ослов даже больше, чем лошадей и верблюдов. На Елеоне им привели этих животных: «маленьких, грубых складом и мохнатых. Седла на них огромные и плоские, точно плиты с могил, привязанные им на спины. Стремена подвешиваются чуть не около ушей осла, и ощущения всадника уподобляются сидению верхом на широком столе. При каждом осле крохотный араб-чонок погонщик» [Суворин: 28]. Автор указывал также на немилосердное отношение арабов к этим животным: ослы после ударов погонщиков резко отскакивали в сторону, а сами всадники едва могли удержаться на них. А.А. Суворин подчеркивал беспечность арабов, устраивавших подобные экзекуции над ослами во время путешествия по дорогам, пролегавшим над глубокими обрывами, в результате чего возникала реальная угроза жизни путников.

В свою очередь, в мемуарах Е.Э. Картавцова содержатся указания на то, что эти одомашненные животные обладают недюжинной силой. В особенности это становилось заметным при сопоставлении роста ослов и размеров повозок, которые им приходилось тащить по улицам египетских городов: «Двухколески служат главным образом для развозки съестных припасов; высотой они сажени полторы, а то и до пять аршин; ослик, в нее запряженный, производит чрезвычайно смешное впечатление; он комически мал по сравнению с экипажем, обычно ниже половины колеса..., и несмотря на это, он свободно тянет эту гору, так сильны и выносливы восточные ослы» [Картавцов: 25].

Подводя итоги анализа воспоминаний россиян, отправлявшихся на Ближний Восток, необходимо отметить, что восприятие этого региона в значительной степени зависело от профессии приезжавших сюда и от целей их поездки. Представители духовенства — архимандрит Иннокентий и священник В. Преображенский, а также купец Н.М. Чукмалдин ехали в библейский регион в первую очередь для того, чтобы поклониться главным христианским святыням. Многие мемуаристы, которые тоже были паломниками, уделяли внимание лишь описанию святых мест, своим религиозным переживаниям, встречам с палестинским православным духовенством. Они считали, что паломнические записки представляют собой жанр, не предназначенный для мирских впечатлений. Однако для перечисленных выше трех мемуаристов-богомольцев был характерен более широкий взгляд на окружавшие их реалии. Они подробно останавливаются в своих текстах на восточных ландшафтах, погоде, флоре и фауне, т. е. на том, что входит в понятие экзотики. Естественно, что экзотики было более чем достаточно на страницах воспоминаний А.А. Суворина, Е.Л. Маркова, Е.Э. Картавцова — людей для своего времени широко известных, неплохо владевших пером. Они ехали на Восток в основном за экзотикой, за сильными мирскими впечатлениями. Поэтому их можно характеризовать одновременно как богомольцев

и как туристов, хотя это слово еще только начало приживаться в то время в России. Естественно, что большое внимание географическим деталям восточных стран, их природе уделял очень известный и читаемый в конце XIX в. путешественник и публицист А.В. Елисеев. Наконец, самые различные географические, политические, конфессиональные, бытовые и другие подробности попали на страницы путевых записок дипломата К.А. Соколова, который на Ближнем Востоке находился в первой половине 1850-х гг. в неофициальной командировке и собирал сведения, которые потом сообщал в российское Министерство иностранных дел.

На основании их текстов можно составить комплексное представление о том, чем необычен был Ближний Восток для русского человека, причем каждый мемуарист делал акцент на том, что впечатляло и даже поражало его больше всего. В первую очередь, экзотическими для них были необычные ландшафты и местный климат, весьма непривычный для обитателей средней полосы России. Также внимание россиянина сосредотачивалось на диковинных растениях и животных, дополнявших экзотическую картину Святой Земли. При этом некоторые представители местной флоры и фауны могли быть опасными, что формировало восприятие экзотичности Востока не всегда в положительном контексте.

Влияние восточной экзотики многократно увеличивалось на некоторых приезжих тем, что эти места были тесно связаны с событиями Ветхого и Нового Заветов, о которых они узнавали с детства из рассказов родителей и на уроках Закона Божия. Правда степень этого влияния была разной; большей — на паломников, меньшей — на туристов, но не учитывать этого воздействия нельзя, т. к. все авторы, судя по всему, были людьми верующими, хотя и в разной степени.

Нельзя не заметить связи увиденной путешественниками восточной экзотики и национальной идентичности. Красоты природы, невиданные ими до селе растения и животные, экзотические пейзажи, разумеется, производили на них сильное впечатление. Вместе с тем, большинство россиян, видя это, в то же время отчетливо сознавали, что «в гостях хорошо, а дома лучше», и с этим чувством отправлялись обратно на родину, где пейзажи были не менее красивы, климат умерен, а растительный и животный мир более привычен чем тот, что на Ближнем Востоке.

Список источников

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 4. 683 с.
- Елисеев А.В. По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света: в 4 т. Петроград, 1915. Т. I. 362 с.
- Иннокентий, архимандрит. Путевые впечатления при посещении и поклонении святым местам Палестины в 1872 г. // Ярославские епархиальные ведомости. 1874. 12 июня, № 24; 26 июня, № 26.
- Картавцов Е.Е. По Египту и Палестине: Путевые заметки. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1892. 250 с.
- Марков Е.Л. Путешествие по Святой земле: Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. 515 с.
- Преображенский В. Поездка к Иордану (Из воспоминаний паломника) // Ярославские епархиальные ведомости. 1900. 4 января, № 1; 22 января, № 3.
- Соколов К.А. Путевые впечатления по Палестине и Сирии весной 1853 г. // Православный Палестинский сборник. Вып. 111. М.: Индрик, 2015. С. 17—90.
- Суворин А.А. Палестина / илл. А.Д. Кившенко и В.И. Навозова. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1898. 352 с.
- Чукмалдин Н.М. Путевые очерки Палестины и Египта. Екатеринбург: Типография ежедневной газеты УРАЛ, 1899. 79 с.

Список литературы / References

- Александрова-Осокина О.Н. Паломническая проза 1800—1860-х годов. Священное пространство, история, человек. М.: Флинта, 2015. 433 с.
(Aleksandrova-Osokina O.N. Pilgrimage Prose of the 1800`s—1860`s. Sacred Space, History, and the Individual, Moscow, 2015, 433 p. — In Russ.)
- Бушуева С.В. Паломничество и его особенности в русской истории // Вестник Нижегородского университета им Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 127—131.
(Bushueva S.V. Pilgrimage and Its Peculiarities in Russian History, *Nizhniy Novgorod State University Bulletin*, 2008, no. 4, pp. 127—131. — In Russ.)
- Житенев С.Ю. История русского православного паломничества в X—XVII веках. М.: Индрик, 2017. 480 с.
(Zhitenev S.Yu. History of Russian Orthodox Pilgrimage in the 10th—17th Centuries, Moscow, 2017, 480 p. — In Russ.)
- Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX века. М.: Индрик, 2006. 510 с.
(Lisovoy N.N. Russian Spiritual and Political Presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th and Early 20th Centuries, Moscow, 2006, 510 p. — In Russ.)
- Сафонов Д.В., Изотов А.Б. Русское паломничество в Святую Землю и деятельность Императорского Палестинского общества // Церковь в истории России. Сб. 11. К 70-летию Николая Николаевича Лисового. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 285—299.
(Safonov D.V., Izotov A.B. Russian Pilgrimage to the Holy Land and the Activities of the Imperial Palestine Society, *The Church in the History of Russia. Collection 11. On the 70th Anniversary of Nikolai Nikolaevich Lisovoy*, Moscow, 2016, pp. 285—299. — In Russ.)
- Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774—1847 гг.). М.: Индрик, 2018. 512 с.
(Yakushev, M.M. Russian Orthodox Pilgrimages to the Middle East in the Context of Ottoman-Russian Relations (1774—1847), Moscow, 2018, 512 p. — In Russ.)

ORIENTAL EXOTICISM IN THE MEMORIES OF RUSSIANS, VISITING THE MIDDLE EAST (SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES)

Kirill E. Baldin, Olga S. Udalova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
kebaldin@mail.ru, olgo1988@mail.ru

Abstract. This article is devoted to constructing ideas about Oriental exotica, based on the memoirs of Russians, who visited the Middle East in different years, starting from the middle of the XIX century and up to the turn of the XIX—XX centuries. The novelty of research approaches to the analysis of ideas about Oriental exoticism lies in the fact that the authors mainly focused on such aspects of a “foreign” country and culture as nature and climate, local flora and fauna. At the same time, clothing, food, manner of communication, customs of the Middle Eastern peoples remained outside the boundaries of the study. The authors of the memoirs were Orthodox pilgrims from among the clergy, tourists, and travelers from the wealthy and educated strata of Russian society. The authors conclude that the natural and climatic conditions, as well as ideas about the local flora and fauna, were the key markers for constructing Russians' ideas about the exoticism of Middle Eastern countries.

Keywords: exoticism, pilgrims, tourists, Middle East, climate, flora and fauna

For citation: Baldin K.E., Udalova O.S. Oriental exoticism in the memoirs of Russians, visiting the Middle East (second half of the XIX — early XX centuries), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 92—103.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 19.09.2025.

The article was submitted to the editorial office 16.06.2024; approved after review 29.08.2025; accepted for publication 19.09.2025

Информация об авторах / Information about the authors

Балдин Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru, SPIN-код: 4171-9959

Baldin Kirill Evgenievich — Doctor of Sciences (History), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kebaldin@mail.ru

Удалова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olgo1988@mail.ru, SPIN-код: 6538-3310

Udalova Olga Sergeevna — Candidate of Sciences (History), junior researcher, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olgo1988@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 104—114.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 104—114.

Научная статья

УДК 94(470.316)"1870/1914"

EDN <https://elibrary.ru/ouqccb>

DOI: 10.46726/H.2025.4.12

САМОУПРАВЛЕНИЕ УЕЗДНОГО ГОРОДА МЫШКИН ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1870—1914 ГОДАХ

Ярослав Викторович Пуневский

МИРЭА — Российский технологический университет,
г. Москва, Россия, moskva221090an@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты функционирования органов городского самоуправления Мышкина Ярославской губернии в 1870—1914 годах. Основными источниками служат неопубликованная делопроизводственная документация, извлеченная из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Ярославской области и его филиала в г. Углич, местная периодическая печать соответствующего периода, статистика. Выявлены сословный состав органов городского самоуправления Мышкина, структура доходной и расходной частей местного бюджета, а также основные направления деятельности городского самоуправления в сфере благоустройства города, образования, здравоохранения. В ходе проведения исследования установлено время введения «Городового положения» 1870 г. в Мышкине, определена доля населения города, получившая избирательные права, выявлен ход проведения городских выборов. Автор установил главные статьи доходной сметы городского самоуправления Мышкина — сборы с промышленности и косвенные налоги с актов, а также оброчные статьи, исследовал размер недоимок по сборам в городской бюджет в сравнении с недоимками в других уездных городах Ярославской губернии. Кроме того, автор определил степень освещенности и замощенности улиц Мышкина, уровень расходов городского самоуправления на борьбу с эпидемиями, финансирования начального образования в городе и т. д. В заключении статьи сделан вывод о становлении в Мышкине в период действия «Городовых положений» 1870 и 1892 гг. достаточно работоспособной системы органов городского самоуправления.

Ключевые слова: городское самоуправление, городская дума, городская управа, избиратели, доходы, расходы, деятельность

Для цитирования: Пуневский Я.В. Самоуправление уездного города Мышкин Ярославской губернии в 1870—1914 годах // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 104—114.

«Современное демократическое государство не может развиваться и успешно справляться со своими задачами без эффективно действующей системы местного самоуправления», — писала Е.А. Федорова [Федорова: 196]. Некоторые исследователи возводили самоуправление в фундаментальный принцип всех социальных систем [Меньшиков: 16]. Кроме того, институты самоуправления обеспечивали важную в любом государстве связь между властью и обществом [Pearson: 8]. Органы городского самоуправления в России в 1870—1914 гг. были представлены городскими думами, управами, а также некоторыми другими исполнительными органами. С 1870 г. существовало губернское по городским

делам присутствие, а с 1892 г. губернское по городским и земским делам присутствие [Ерошкин: 291].

Мышкин был маленьким уездным городом Ярославской губернии с населением по переписи 1897 г. 2853 жителей обоего пола. Несмотря на скромную численность населения, в городе имелся ряд небольших промышленных предприятий: крупяных, пряничных, меднолитейных и других. Местные купцы, благодаря пристани на Волге, вели довольно значительную торговлю хлебом, лесом, холстом и другими товарами [Энциклопедический словарь...: 273].

Городская дума по положению 1870 г. была открыта в Мышкине 29 марта 1873 года. В основе конфигурации новых органов самоуправления лежала куриальная система выборов, заимствованная из Пруссии. Избиратели делились на равные по количеству уплачиваемых местных налогов три разряда [Лаптева, Шутов: 153]. На первых выборах в Мышкине по «Городовому положению» 1870 г. в списке избирателей значились: по первому разряду — 12 человек, по второму разряду — 24 человека, по третьему разряду — 187 избирателей. Таким образом, общая численность избирателей составляла 223 человека [УГФ ГАЯО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 3060. Л. 8—15]. Явка на выборы не была высокой, особенно в третьем разряде избирателей. Так, 20 февраля в первое избирательное собрание по 1 разряду прибыло 12 человек, 21 февраля во второе избирательное собрание прибыло по 2 разряду 15 человек. В собрание третьего разряда прибыло 26 человек [Там же. Л. 67]. Нетрудно вычислить из приведенных данных, что явка в первом разряде составляла 100 %, во втором — 62 %, в третьем — 13 %. Городским головой тогда был избран купец 1-й гильдии А.А. Ситцев. Заступающим на место городского головы — мещанин М.А. Буренин [Там же. Л. 40, 64].

Состав органов городского самоуправления Мышкина был небольшим. Основными его частями были городская дума и управа. Остро стоял вопрос нехватки подготовленных для общественной работы кадров. Так, еще в процессе подготовки к введению нового «Городового положения» в 1872 г. мышкинская городская управа сообщала губернатору, что персонала в управе мало, секретарь думы исполнял обязанности столоначальника [УГФ ГАЯО. Ф. 84. Оп. 5. Д. 42. Л. 22].

После введения нового «Городового положения» 1892 г. в законном порядке появилась возможность в небольших уездных городах России ввести общественное управление в упрощенном формате. В таких городах городского голову заменял городской староста, а городскую думу — собрание уполномоченных. Для беспроблемного избрания органов городского самоуправления был снижен избирательный имущественный ценз, поскольку в небольших, неразвитых в социально-экономическом плане городах не всегда находилось достаточное количество избирателей [Марасанова: 95]. Вопрос о введении упрощенного общественного управления в том или ином городе решался в Министерстве внутренних дел после проведения консультаций с губернским начальством. Согласно циркуляру ярославского губернатора в Министерство внутренних дел от 16 ноября 1892 г., в Мышкине, Петровске и Норском посаде «без сомнения» нужно было ввести упрощенное управление. Их население состояло из малоимущих мещан, занимавшихся ремеслом и мелкой торговлей. Губернатор отметил, что при цензе, как для прочих уездных городов, в Мышкине было бы всего 80 избирателей, в Петровске — 47, в Норском посаде — 17. По мнению губернатора, эти города были сходны с большими селами, они справлялись с задачами городского управления «с большим трудом», в них «приходится пересоставлять по несколько раз некоторые обязательные постановления вследствие неумения

придать им надлежащую форму и правильно редактировать» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2601. Л. 137 об. — 138]. Согласно материалам Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, в 1892 г., в точном соответствии с высказанным мнением губернатора, упрощенное общественное управление было введено в таких городах Ярославской губернии, как Мышкин, Петровск и Норский посад [РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2627. Л. 57 об. — 58].

Доля жителей города, имевших избирательные права, хотя и уменьшилась после издания нового «Городового положения» в 1892 г. почти в два раза, к началу ХХ в. снова возросла, достигнув 6—7,5 %. Число претендентов не намного превышало количество требуемых гласных (в 1893 г. было 28 претендентов на 28 мест, в 1902 г. — 15 гласных из 23 претендентов) [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 180. Л. 37—38; Д. 1395. Л. 16—17 об.]. Баллотировать в избирательном собрании нужное количество гласных в г. Мышкине удавалось далеко не всегда. Например, в 1910 г. пришлось проводить дополнительные выборы [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3377. Л. 9—20]. Из таблицы ниже видны сведения о численности избирателей в г. Мышкине в 1873, 1893, 1902, 1906 гг. [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2621. Л. 1—40; Д. 1395. Л. 3; Д. 180. Л. 8—16 об.; Ярославский календарь на 1892 год ...; Календарь на 1873 год...: 31; Первая всеобщая перепись...: 23; Города России...: 193].

Численность избирателей в г. Мышкине в 1873, 1893, 1902, 1906 гг.

Год	Число избирателей	Население города (доля избирателей в процентном отношении ко всему населению)
1873	223 избирателя	3110 (7,17 %)
1893	90 избирателей	2871 (в 1892 г.) (3,13 %)
1902	163 избирателя	2238 (по переписи 1897 г.) (7,28 %)
1906	140 избирателей	2232 (в 1910 г.) (6,27 %)

О несоблюдении в ряде случаев норм закона в отношении городских выборов свидетельствуют жалобы, поданные в губернское присутствие по земским и городским делам. Так, в одной из жалоб 1893 г. сообщалось о проведении агитации во время избирательного собрания [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 180. Л. 33—34]. В жалобе, поданной в губернское присутствие 26 мая 1906 г., сообщалось, что баллотировка производилась при разном числе избирателей, а впоследствии трое покинули зал [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2621. Л. 31—33]. Надо полагать, что реальная процедура городских выборов была намного более примитивной, чем она являлась на бумаге. Этому способствовало отсутствие гражданского сознания в среде в основном неграмотного или малограмотного мещанского населения города. В «Голосе» в 1910 г. жаловались на «отсутствие ясного чувства общественности и сознания важности выборов», маркером отсутствия которых у населения города, с точки зрения сотрудников газеты, было отсутствие предвыборных собраний избирателей [Голос. 1910. 25 марта].

Купечество в городских думах Российской империи преобладало, причем оно сохранило позиции и после реформирования системы городского самоуправления в 1892 году [Свиридова, Паликова: 80]. Как отметила В.Н. Нардова, внося изменения в избирательный закон 1892 г., правительство строило расчет также и на том, что с устранением от участия в выборах малообеспеченного элемента в состав гласных войдут люди с более высоким не только имущественным,

но и образовательным уровнем» [Нардова 1992: 58]. В Мышкине такие намерения и цели законодателя могли оправдаться лишь отчасти. При преобладании купечества и почетных граждан значительным в городской думе здесь был удельный вес мещанства и крестьянства, а также дворянско-чиновничьей части населения. Сословный и социальный состав гласных городской думы Мышкина представлен в таблице ниже [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2621. Л. 37—37 об.; Д. 1395. Л. 16—16 об.; Д. 180. Л. 28—29; Д. 3377. Л. 21; УГФ ГАЯО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 3060. Л. 126; Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1877. 6 октября; Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1881. 4 декабря; Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1885. 19 ноября; Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1898. 29 января].

**Сословный и социальный состав гласных городской думы
Мышкина (1873—1910 гг.)**

Год	Купцы и почетные граждане	Мещане и крестьяне	Дворяне и чиновники	Другие	Всего
1873	15 (53,57 %)	14 (50 %)	1 (3,57 %)	—	28
1877	7 (56,6 %)	9 (30 %)	4 (13,3 %)	—	30
1881	15 (51,72 %)	10 (34,48 %)	3 (10,34 %)	1 (3,44 %)	29
1885	16 (55,17 %)	10 (34,48 %)	2 (6,89 %)	1 (3,44 %)	29
1893	10 (66,6 %)	4 (26,6 %)	1 (6,66 %)	—	15
1898	10 (66,6 %)	4 (26,6 %)	1 (6,66 %)	—	15
1902	10 (66,6 %)	4 (26,6 %)	1 (6,66 %)	—	15
1906	10 (66,6 %)	2 (13,3 %)	2 (13,3 %)	1 (6,66 %)	15
1910	9 (60 %)	5 (33,33 %)	—	1 (6,66 %)	15

Следует отметить, что введение новых форм городского самоуправления время от времени вызывало у общественных деятелей Мышкина весьма значительные трудности. Одним из примеров неумения и неспособности городских деятелей справиться с задачами управления городом может служить составление избирательных списков, в которых обычно обнаруживалось большое количество ошибок. Например, на выборах 1893 г. в избирательных списках, составленных мышкинской городской управой, были обнаружены лица женского пола, совладельцы общих имуществ без указания на то, сколько приходится на долю каждого, малолетние и несовершеннолетние лица [РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2627. Л. 88 об.]. Другим примером могут служить проблемы, возникавшие перед мышкинской городской управой при составлении сметы. В губернском присутствии 24 августа 1878 г. было отменено постановление мышкинской думы о раскладке налога на недвижимые имущества [ГАЯО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 77. Л. 1—4]. Возникали трудности и с избранием на общественные должности. В заседании присутствия 4 октября 1873 г. выяснилось, что выборы председателя и членов сиротского суда прошли в общем собрании купцов и мещан. По «Городовому положению» 1870 г. они должны проводиться общим собранием сословий только выбрав число членов суда. Затем выбор конкретных членов должен был проводиться в частных собраниях сословий [ГАЯО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 47. Л. 2—2 об.]. В сентябре—декабре 1878 г. в присутствии по городским делам решался другой спорный вопрос, связанный с тем, что городской голова не сложил с себя права председателя в городской думе при рассмотрении финансового отчета. Голова пояснил, что отчет составлен во время полномочий прежнего головы Замяткина и новый голова не видел оснований «отводить себя

от председательства, с чем было согласно и собрание». Присутствие же отклонило эти доводы, заметив, что «не может быть допущено иного толкования ст. 52 «Городового положения», кроме буквального» [ГАЯО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 82. Л. 2—3; Ф. 1521. Оп. 1. Д. 78. Л. 4—4 об.].

Главное место среди доходов городского самоуправления Мышкина занимали сборы с промышленности и косвенные налоги с актов, а также оброчные статьи, которые складывались от сдачи в аренду городских земель и имущества. Хотя в некоторые из отмеченных в таблице годов указанные статьи доходной сметы теснили по значимости поступления с частных капиталов и возврат из казначейства произведенных городом расходов на общегосударственные нужды. Неплохой доход в процентном отношении давал оценочный сбор с недвижимых имуществ. В 1907 г. городской управой была проведена переоценка земли, находящейся в собственности города, а в 1910 г. — переоценка недвижимых имуществ. По всей видимости, именно это привело к увеличению оценочного сбора с 12,6 % доходной сметы в 1906 г. до 17,64 % в 1912 году [Города России...: 334]. В 1912 г. мышkinская городская дума постановила при расчете оценочного сбора принимать во внимание не ценность имущества, а его доходность. В результате вместо 1231 руб. планировалось получить 2323 рубля. «Такое увеличение дохода города дало возможность без затруднений составить смету на 1912 год», — отмечали в «Голосе» [Голос. 1912. 13 января].

Среди расходов в среднем 20—30 % сметы отнимало содержание городского общественного управления и сиротского суда. Весьма значительными, в среднем 15—20 % сметы, были расходы городского самоуправления, связанные с воинским постом, содержанием полиции и т. п. Неплохо обстояло дело с финансированием народного образования, в отличие от здравоохранения и общественного призрения. Расходы на общественное призрение до начала XX в. не производились вовсе, на медицину тратилось 3—4 % бюджета. По расходам на одного жителя (5,7 рублей в 1910 г.). Мышкин находился на 7 месте среди 11 городов Ярославской губернии, в то время как по численности населения по переписи 1897 г. Мышкин был предпоследним по этому показателю [Города России...: 334]. В таблице ниже представлены данные о доходах городского самоуправления Мышкина в 1883—1912 гг. [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1979. Л. 78 об. — 79; Д. 3986. Л. 1; Труды Ярославского...: 72—73; Ярославский календарь...].

Доходы городского самоуправления Мышкина в 1883—1912 гг.

	1883 г.	1890 г.	1902 г.	1912 г.
Оценочный сбор	1277 (12,51 %)	854 (8,78 %)	1219,85 (12,6 %)	2322,14 (17,64 %)
Сбор с промышленности и актов	3507 (34,36 %)	2413 (24,81 %)	1111,48 (11,48 %)	3366,4 (25,58 %)
Оброчные статьи	4594 (45,02 %)	4006 (41,19 %)	2424,18 (25,05 %)	5790,59 (44 %)
С городских предприятий	—	—	100,8 (1,04 %)	—
С частных капиталов	—	110 (1,13 %)	1826,54 (18,87 %)	—
Возврат расходов	430 (4,21 %)	—	501 (5,17 %)	1378,62 (10,47 %)
Итого	10204	9725	9674,57	13157,75

Также представлена информация о расходах городского самоуправления в 1883—1912 гг. [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1979. Л. 80 об. — 81; Д. 3986. Л. 1; Труды Ярославского...: 75—76. Ярославский календарь...] (см. таблицу ниже).

Расходы городского самоуправления Мышина в 1883—1912 гг.

	1883 г.	1890 г.	1902 г.	1912 г.
Содержание правительственныех учреждений	—	—	93,12 (0,95 %)	63,48 (0,48 %)
Содержание городского самоуправления и сиротского суда	2386 (32,85 %)	3438 (29,74 %)	2813,98 (28,72 %)	3176 (24,13 %)
Воинский постый	320 (4,4 %)	512 (4,42 %)	932,83 (9,52 %)	662 (5,03 %)
Содержание местной полиции	— (6,95 %)	804 (10,55 %)	1034 (10,55 %)	1163 (8,83 %)
Содержание пожарной команды	— (7,75 %)	1209 (16,67 %)	1633,8 (16,67 %)	1841 (13,99 %)
Благоустройство города	151 (2,07 %)	532 (4,6 %)	296,67 (3,02 %)	1083 (8,23 %)
Образование	1285 (17,69 %)	1124 (9,72 %)	777,75 (7,93 %)	1510 (11,47 %)
Призрение бедных	—	—	25 (0,25 %)	622,12 (4,72 %)
Медицина и санитарное дело	— (4,4 %)	509 (4,4 %)	322,45 (3,29 %)	514,5 (3,91 %)
Содержание недвижимых имуществ города	554 (7,62 %)	728 (6,29 %)	—	32,11 (0,24 %)
Уплата по займам	—	—	269,97 (2,75 %)	50 (0,38 %)
Итого	7263	11559	9797,7	13157,75

Сами органы городского самоуправления Мышина считали свои бюджеты более чем скромными, но в правительственныех сферах представляли ситуацию по-другому. «Доходы города едва покрывают нужные для города расходы» — уведомляла мышинская городская управа ярославского губернатора еще 15 июня 1882 года [Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1882. 6 августа]. В ответе Министерства внутренних дел на ходатайство городского старосты, поданное ярославскому губернатору 28 ноября 1901 г., об освобождении города от расходов на содержание полиции отмечалось «довольно благоприятное состояние бюджета Мышина», который располагает запасным капиталом, не имеет долгов, «в случае надобности средств может увеличить доходы путем переоценки недвижимых имуществ» [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1518. Л. 1—4]. Однако уже в марте—июне 1903 г. городскому самоуправлению Мышина пришлось заимствовать 400 руб. из запасного капитала «по неимении в наличности городских средств на удовлетворение необходимых текущих расходов» с обязательством пополнить запасный капитал в декабре, когда было поступление доходов [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1971. Л. 1—5 об.]. Такой же заем в размере 500 руб. на усиление текущих средств пришлось брать и в 1908 году [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3199. Л. 1—3]. Но из долгосрочных займов к 1912 г. на балансе городского самоуправления Мышина значился лишь один

заем на сумму 500 руб. у вольно-пожарного общества по постройку пожарного депо [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4014. Л. 70 об. — 71].

Об относительно неплохом состоянии бюджета г. Мышкина по сравнению с другими городами Ярославской губернии свидетельствует также уровень недоимок по налоговым платежам в кассу городской управы, который в целом был небольшим. Например, в 1901 г. в г. Мышкине значилось недоимок на сумму 144,71 руб., в то время как у сравнимых по размерам с Мышкиным других уездных городов Ярославской губернии были гораздо более значительные недоимки: у г. Любима — 13575,28 руб., у г. Данилова — 2070,64 руб., у г. Пошехонья — 4777,90 руб. [Обзор Ярославской...: 15]. Кроме того, при анализе городского бюджета самоуправления г. Мышкина нужно учитывать, что ограниченность в финансовых поступлениях в городской бюджет в рамках изучаемого нами периода была общероссийской проблемой [Нардова 1994: 49; Тюрин: 71].

Далее рассмотрим основные направления деятельности органов городского самоуправления г. Мышкин. В сфере благоустройства города важное место занимала борьба с пожарами. Поддерживать работников пожарной команды городская управа имела возможность лишь в меру имеющихся в ее распоряжении средств. Так, 15 марта 1885 г. ходатайство пожарных служителей о прибавке жалования было отклонено. В то же время решено было выдать единовременную награду на Пасху по 2 руб. каждому служителю (на 10 человек) [Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1885. 25 июня]. Помощь в тушении пожаров общественной пожарной команде оказывало вольное пожарное общество [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1065. Л. 32—33]. В ведении управы состояло 4 собственно городских пожарных насоса и машины и 7 пожарных бочек (для сравнения, вольных — всего 5 насосов и 2 бочки) [Города России...: 210—211]. Но их работа не спасала жителей города от пожаров, которые иногда были весьма масштабными. Например, 30 апреля 1901 г. в Мышкине сгорело 10 домов со всеми холостыми постройками, из них 4 дома с лавками и товаром, убыток оценивался в 200000 рублей [Обзор Ярославской...: 32].

Некоторые мероприятия со стороны городского самоуправления были проведены в рассматриваемый нами период и в области наружного благоустройства. Мышкинская городская управа сообщала в отчете за 1881 г., что здания, мосты и мостовые «по мере надобности ремонтированы и находятся в исправности» [Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1882. 1 октября]. В 1910 г. в Мышкине 6 верст из 12,5 верст улиц были замощены. 5,5 верст улиц имели тротуары с одной стороны, а 7 верст улиц — с двух. В городе имелось три бульвара, было замощено 48 % улиц и 100 % тротуаров [Города России...: 200—201]. В городе имелось 50 керосиновых фонарей. Однако этого явно было недостаточно. На 1 фонарь в г. Мышкине приходилось 150 саженей улицы. Этот показатель освещенности городских улиц среди городов Ярославской губернии ниже был только у г. Любима — 187,5 саженей улицы на 1 фонарь [Там же: 210—211].

Безусловно, уровень благоустройства г. Мышкина в рассматриваемый нами период был невысоким. С другой стороны, необходимо учитывать, что даже в губернском городе вопросы благоустройства время от времени вызывали проблемы. Так, в 1883 г. ярославская водопроводная сеть составляла всего 5 верст, охватывая преимущественно «элитные кварталы». К 1910 г. водопровод обслуживал менее 20 % домов [Ярославль и ярославцы ...: 213—214]. В целом, по надежно обоснованному источниками суждению В.А. Нардовой, большинство

российских городов к середине XIX в. отличались «крайне низким уровнем благоустройства» [Нардова 2014: 11].

Другим направлением деятельности для городского самоуправления Мышкина стало медицинское и санитарное дело, борьба с эпидемиями. Одной из главных проблем в этой сфере являлось отсутствие в городе собственной больницы. 15 ноября 1893 г. в мышкинской городской думе обсуждался вопрос об учреждении в городе общественной больницы и об оформлении отношения города к земской больнице. По итогам заседания «в виду крайней ограниченности городских доходов» эти вопросы были оставлены открытыми [Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1894. 8 февраля]. О результатах рассмотрения этого дела источники не сообщают. По всей видимости, общественной больницы в городе так и не появилось.

В целом расходы города на медицинские цели не были значительными. В 1905 г. возник вопрос о займе из средств губернского земства 2000 рублей на борьбу с холерой. На тот момент, по сведениям городского старосты, у городского самоуправления Мышкина существовал долг в размере 400 руб., полученный из казначейства на нужды вольного пожарного общества [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2541. Л. 21]. В 1911 г. кредит на борьбу с холерой в размере 50 руб. так остался неисполненным (согласно циркуляру городской управы в присутствие от 3 февраля 1911 года) [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3910. Л. 11]. Ко времени начала Первой мировой войны в этом плане мало что изменилось. По сведениям, приведенным П. Новиковым, расходы на городскую медицину в 1911—1913 гг. составляли 2850 рублей. Общественное управление расходовало средства только на фельдшера, который приглашался в случае надобности для оспопрививания и дезинфекции. Расходы на здравоохранение за указанный выше период составил лишь 3,6 % расходной сметы [Новиков: 5].

По сравнению с другими статьями расходной сметы в Мышкине на нужды развития народного образования выделялось довольно много. Тем не менее, в финансировании народного образования определенную роль играли и казначайские средства, что подчас приводило к конфликтными ситуациям. Так, в 1903 г. мышкинскую городскую управу пришлось вынуждать к выплате пособия в казну на содержание учительского помощника. Дело в том, что 2 сентября 1902 г. по журнальному постановлению городской думы Мышкина были закрыты два младших отделения при училище, для которых содержался учительский помощник, между тем в Министерстве народного просвещения разрешили упразднить должность учительского помощника только 1 января 1903 года. Поэтому казенная палата просила внести недостающие 187,5 руб. за 1902 г. с учетом пени 0,5 % в месяц. Между тем расходы на учительского помощника, согласно постановлению городской думы, уже были перенаправлены на нужды помещения приходского училища [ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2132. Л. 1—1 об.]. Отметим также интересную систему скидок на оплату обучения для тех жителей города, которые уплачивали налоги в городскую кассу, установленную органами городского самоуправления. Так, плата за обучение в училище детей, родители которых не отбывали никаких повинностей в городской доход, составляла 4 рубля. Для тех, кто уплачивал городские сборы, плата за обучение составляла 2 рубля. Дети бедных городских жителей учились бесплатно [Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1879. 8 марта].

Таким образом, городское самоуправление Мышкина в 1870—1914 гг. развивалось достаточно активно. В сословном составе городской думы и управы доминировало купечество, но определенное влияние постепенно начинали

играть крестьяне, мещане, чиновники. Финансовые средства общественного управления были ограничены, но даже они позволяли проводить практические мероприятия в различных сферах, объективно способствовавшие повышению социально-экономического потенциала города. Все перечисленное позволяет говорить о существовании в г. Мышкине в 1870—1914 гг. вполне работоспособной системы органов городского самоуправления.

Список источников

- Газета «Голос».
- Государственный архив Ярославской области (ГАЯО).
- Города России в 1910 году. СПб.: типо-лит. Ныркина, 1914. 1200 с.
- Календарь Ярославской губернии на 1873 год. Ярославль: изд-во Ярославского губернского статистического комитета, 1873. 161 с.
- Обзор Ярославской губернии за 1901 год. Ярославль: Ярославское губернское правление, 1902. 49 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 2. Население городов по переписи 28-го января 1897 года. СПб.: Центр. стат. комитет Министерства внутренних дел, 1897. 42 с.
- Российский государственный исторический архив (РГИА).
- Труды Ярославского губернского статистического комитета. Вып. 9: Статистические сведения по Ярославской губернии за 1883 г. М.: тип. М.Г. Волчанинова, 1885. 357 с.
- Угличский филиал Государственного архива Ярославской области (УГФ ГАЯО).
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрон: Том XX (39). Московский университет — Наказания исправительные. СПб.: Семеновская типография (И.А. Ефрон), 1898. 502 с.
- Ярославский календарь на 1892 год. Ярославль: изд-во Ярославского губернского статистического комитета, 1892. 184 с.
- Ярославские губернские ведомости.

Список литературы / References

- Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Учпедгиз, 1960. 395 с.
(Eroshkin N.P. Essays on the History of State Institutions in Pre-Revolutionary Russia, Moscow, 1960, 395 p. — in Russ.)
- Лаптева Л.Е., Шутов А.Ю. Из истории земского городского и сословного управления в России. М.: изд-во Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 1999. 320 с.
(Lapteva L.E., Shutov A.Iu. From the History of Zemstvo, City, and Estate Administration in Russia, Moscow, 1999, 320 p. — in Russ.)
- Марасанова В.М. Городское общественное управление и губернская администрация Верхнего Поволжья после реформ 1870 и 1892 годов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 3 (203). С. 90—98.
(Marasanova V.M. Urban Public Administration and the Provincial Administration of the Upper Volga Region after the Reforms of 1870 and 1892, *Scientific and Technical Bulletin of SPbSPU. Humanities and Social Sciences*, 2014, no. 3 (203), pp. 90—98. — in Russ.)
- Меньшиков В.В. Власть и самоуправление. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1991. 151 с.
(Men'shikov V.V. Power and Self-Government, Rostov-on-Don, 1991, 151 p. — in Russ.)
- Нардова В.А. Органы городского самоуправления в системе самодержавного аппарата власти в конце XIX — начала XX в. // Реформы или революция? Россия 1861—1917. Материалы международного коллоквиума историков, 4—7 июня 1990 г. СПб.: Наука, 1992. С. 55—66.
(Nardova V.A. City self-government bodies in the system of the autocratic state apparatus in the late 19th — early 20th centuries, *Reforms or revolution? Russia 1861—1917. Proceedings of the International Colloquium of Historians, June 4—7, 1990*, St. Petersburg, 1992, pp. 55—66. — in Russ.)

- Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX — начале XX в. М.: Наука, 1994. 157 с.
(Nardova V.A. Autocracy and City Councils in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries, Moscow, 1994, 157 p. — in Russ.)
- Нардова В.А. Городское самоуправление в России во второй половине XIX — начале XX века: власть и общество. СПб.: Лики России, 2014. 564 с.
(Nardova V.A. Urban Self-Government in Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Power and Society, St. Petersburg, 2014, 564 p. — in Russ.)
- Новиков П. О городской медицине в Ярославской губернии в 1911—1913 году. Доклад 6 Ярослав. губ. съезду врачей и представителей земств. Ярославль: типо-лит. губернской земской управы, 1914. 13 с.
(Novikov P. On urban medicine in the Yaroslavl province in 1911—1913. Report to the 6th Yaroslavl provincial congress of doctors and representatives of the zemstvos, Yaroslavl, 1914, 13 p. — in Russ.)
- Свирилова Н.Б., Паликова Т.В. Городское общественное управление Забайкальской области в последней трети XIX — начале XX в.: монография. Улан-Удэ: БГУ, 2022, 186 с.
(Sviridova N.B., Palikova T.V. Urban Public Administration in the Trans-Baikal Region in the Last Third of the 19th and Early 20th Centuries: monograph, Ulan-Ude, 2022, 186 p. — in Russ.)
- Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX—XX веков. Самара: Самарский университет, 2007. 202 с.
(Tiurin V.A. Power and Urban Self-Government in the Middle Volga Region: Experience of Interaction at the Turn of the 19th and 20th Centuries, Samara, 2007, 202 p. — in Russ.)
- Федорова Е.А. Местное самоуправление в системе взаимосвязи государственной власти и гражданского общества // Местное самоуправление в России: история и современность. Ставрополь: Мир данных, 1996. С. 196—209.
(Fedorova E.A. Local Self-Government in the System of Relations between State Power and Civil Society, *Local Self-Government in Russia: History and Modernity*, Stavropol, 1996, pp. 196—209. — in Russ.)
- Александрова М.В., Бородкин А.В., Дутов Н.В. Ярославль и ярославцы: сюжеты повседневной жизни губернского города: коллективная монография. Ярославль: ЯГПУ, 2013. 276 с.
(Alexandrova M.V., Borodkin A.V., Dutov N.V. Yaroslavl and the Yaroslavl people: stories of everyday life in a provincial city: collective monograph, Yaroslavl, 2013, 276 p. — in Russ.)

SELF-GOVERNMENT OF THE DISTRICT TOWN OF MYSHKIN, YAROSLAVL PROVINCE, IN 1870—1914

Yaroslav V. Puneovsky

MIREA — Russian Technological University,
Moscow, Russian Federation, moskva221090an@gmail.com

Abstract. The article examines the main aspects of the city self-government bodies functioning in Myshkin, Yaroslavl Province, in the years 1870—1914. The main sources are unpublished business records from the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Yaroslavl Region, and its branch in Uglich, as well as local periodicals from the relevant period and statistics. The article identifies the social composition of the city self-government bodies in Myshkin, the structure of the local budget's revenue and expenditure, and the main activities of the city self-government in the areas of urban improvement, education, healthcare. The undertaken research made it possible to establish the time of introducing the "City Regulations" of 1870 in Myshkin. Alongside with that the share of the city's population that received voting rights was determined, as well as the course of the city elections was revealed. The author identified the main items of the city government's revenue budget, including industrial taxes and indirect taxes on acts, as well as rent items, and examined

the amount of arrears in city budget contributions compared to other district cities in the Yaroslavl province. In addition, the author determined the level of illumination and pavement of Myshkin's streets, the amount of money spent by the city government on combating epidemics, funding for primary education in the city, and so on. In conclusion, the article concludes that during the period of the City Regulations of 1870 and 1892, Myshkin had a fairly efficient system of city self-government.

Keywords: city self-government, city council, city administration, voters, income, expenses, activities

For citation: Punevsky Y.V. Self-Government of the district town of Myshkin, Yaroslavl province, in 1870—1914, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 104—114.

Статья поступила в редакцию 04.07.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 19.09.2025.

The article was submitted to the editorial office 04.07.2024; approved after review 29.08.2025; accepted for publication 19.09.2025

Информация об авторе / Information about the author

Пуневский Ярослав Викторович — ассистент кафедры гуманитарных и социальных наук, Институт технологий управления, МИРЭА — Российский технологический университет, г. Москва, Россия, moskva221090an@gmail.com, SPIN-код: 3802-1481

Punevsky Yaroslav Viktorovich — assistant at the Department of Humanities and Social Sciences, Institute of Management Technologies, MIREA — Russian Technological University, Moscow, Russian Federation, moskva221090an@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 115—124.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 115—124.

Научная статья

УДК 930.2

EDN <https://elibrary.ru/nnhvvo>

DOI: 10.46726/H.2025.4.13

«ЭСТОНСКИЙ СЛЕД» В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР И АНАЛИЗ (КОНЕЦ XIX — 40-Е ГГ. XX В.)

Андрей Дмитриевич Заварин

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Россия, Zavarin776@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет комплексное исследование источников по миграционным процессам эстонских крестьян в Ярославскую губернию в конце XIX — 40-е гг. XX в., выполненное на стыке источниковедения, исторической антропологии и микроистории. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения малоисследованных аспектов региональной истории Верхневолжья, а также важностью сохранения памяти о локальных этнических группах в контексте формирования гражданской идентичности. В основе исследования лежит системный анализ неопубликованных архивных материалов (ГАРФ, фонды ГАЯО и его филиалов, ГАРФ, Национального архива Эстонии); законодательных актов и нормативных документов периода столыпинских реформ; устных свидетельств (серия биографических интервью с потомками переселенцев 2016—2022 гг.). В работе сочетаются методы полевых исследований и архивного поиска. Практическая значимость исследования заключается во введении в научный оборот уникальных источников по истории национальных меньшинств Центральной России. Работа вносит существенный вклад в изучение миграционных процессов Российской империи и СССР, демонстрируя, как микроисторический подход позволяет выявить сложное взаимодействие общегосударственных тенденций и локальной специфики. Полученные результаты открывают перспективы для сравнительных исследований с другими регионами Верхневолжья (Тверская, Ивановская, Костромская области). Установлено, что миграция носила волнообразный характер, с начальной фазой в конце XIX века и интенсификацией в период столыпинской аграрной реформы. Автор уделяет внимание механизмам адаптации эстонских переселенцев, выраженным в особенностях землепользования.

Ключевые слова: миграция, эстонцы, идентичность, устная история, архивы, Ярославская губерния

Для цитирования: Заварин А.Д. «Эстонский след» в Ярославской области: источниковедческий обзор и анализ (конец XIX — 40-е гг. XX в.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 115—124.

Тенденции развития гуманитарного знания всё чаще поднимают междисциплинарные вопросы исторической памяти. Это основа культурной преемственности поколений и национально-гражданской идентичности. Одной из задач исторической памяти является сохранение локальных сюжетов регионального прошлого. Интерес к региональной истории виден и со стороны федеральных органов; так, в российских школах с 2025 года вводится курс «История родного края» [Приказ Минпросвещения России]. Следовательно, стимулируется

подготовка к работе над материалами и методами для эффективного преподавания дисциплины.

С точки зрения содержательного компонента, возникает проблема подбора источников для изучения локальных сюжетов. Современные исторические концепции и методы позволяют сохранить уникальные эпизоды региональной истории, которые дают возможность подробнее рассмотреть всероссийский контекст. Одним из таких событий является миграция (и её составляющие) эстонцев на территорию Центральной России, Верхнего Поволжья, Сибири в конце XIX — XX в. Исследования малой этнической группы позволяют сохранить историю процесса формирования этнической и культурной мозаичности. В настоящей работе внимание будет сосредоточено в пределах Ярославской области.

Источниковедческий анализ миграционных процессов прибалтийских этнических групп был в фокусе внимания современного учёного Д.Г. Коровушкина [Коровушкин]. Исследование историка посвящено изучению латышских и эстонских диаспор в Западной Сибири, в нем устанавливаются различия проживания этих этнических групп на территории региона (компактные латышские и дисперсные эстонские поселения). Сибирские материалы показывают быстрое сокращение эстонской диаспоры к 1930-м гг. Верхневолжские источники (например, метрические книги) позволяют проследить более длительное сохранение идентичности благодаря близости к европейской России.

Аналогичные работы для Центральной России и Верхневолжья до сих пор отсутствуют. Изучение настоящей тематики в Ярославской, Тверской, Ивановской и Костромской областях подчеркивает научную новизну. Исследование Коровушкина задает методологическую основу для новых изысканий по Верхневолжью, где отсутствие подобных работ делает изучение прибалтийских диаспор особенно актуальным.

Научная проблема статьи заключается в недостаточной изученности миграционных процессов эстонских крестьян в Ярославскую губернию в конце XIX — 40-е гг. XX в. и отсутствии комплексного анализа источников, позволяющего реконструировать их адаптацию, хозяйственную деятельность и трансформацию идентичности в новом регионе.

В рамках работы вводятся в научный оборот ранее неопубликованные архивные материалы и устные свидетельства. Это позволяет систематизировать материал для последующего анализа мотивов и определения хронологии переселения; отслеживания динамики экономической и культурной интеграции; оценки влияния государственной политики (оптация 1920-х, репрессии 1930-х, военные события 1940-х) на судьбы эстонцев, трансформацию идентичности их потомков.

Целью статьи является выявление и обзор источников по миграции (и её составляющих) эстонских крестьян в Ярославскую губернию в конце XIX — 40-е гг. XX в.

Введение в научный оборот неопубликованных источников способствует сохранению памяти о локальной этнической группе. Практическая значимость определяется возможностью включения материалов в образовательное поле в рамках проектной и исследовательской деятельности учеников и студентов. Также автором ведётся работа по накоплению материалов (аудиоинтервью, фото, предметы быта) для музейных экспозиций, продолжения выставки «Эстонцы Юхотского края». Важно и осмысление опыта мирного сосуществования

эстонцев и местного населения, что полезно для современных программ по гармонизации миграционных процессов.

Работа имеет не только академическую ценность, но и прямое прикладное значение — от образования до культурных инициатив. Сбор и анализ источников помогает «оживить» историю малых групп, показав их роль в формировании региона, и предлагает инструменты для аналогичных изысканий в других областях России.

Методология. Работа базируется на результатах полевых исследований на территории Большесельского района Ярославской области, г. Рыбинска, г. Санкт-Петербурга. Частным инструментом конструирования источников является использование подходов устной истории, в частности, биографических интервью. В исследовании осуществляется поиск информации с помощью методов социологии: запись интервью, фиксирование воспоминаний, фото- и видеосъёмка. Также в основе работы лежат конкретно-исторические методы: источниковедческий анализ, подходы архивоведения.

Источником для написания работы послужил широкий спектр материалов, включающий в себя архивные данные, опубликованные документы и документы личного происхождения. Письменные документы хранятся в четырёх архивах Ярославской области: Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО) и его филиалах в Ростове (РсФ), Рыбинске (РбФ), Угличе (УгФ ГАЯО), большинство из них впервые вводится в научный оборот. Выявленные источники систематизированы по категориям: законодательные акты, делопроизводственные документы, статистика, эго-документы, вещественные свидетельства. Особое внимание уделено вопросам адаптации эстонцев, их роли в хозяйственной жизни региона, процессам оптации гражданства после 1920 года, коллективизации и репрессиям.

Результаты. Исследование по выявлению и обзору источников по миграции (и её составляющих) эстонских крестьян в Ярославскую губернию включало 2 направления: полевое и архивное.

В рамках полевой работы был определён район с большой концентрацией потомков эстонцев (по прибалтийским фамилиям) — Большесельский район Ярославской области. В период 2016—2022 гг. проведена серия интервью: в Большесельском районе Ярославской области (13 информантов) и Санкт-Петербурге (1 информант), Рыбинске (1 информант). Информантами стали жители Ярославской области в возрасте от 59 до 93 лет. Найден корневой информант — «уроженец хутора Кордон (современного Большесельского района Ярославской области)» [Заварин 2023а: 33].

Интервьюирование проходило в несколько этапов (подготовка, непосредственно интервью, расшифровка). С каждым респондентом было проведено от 2 до 4 встреч, чтобы выявить наиболее «твёрдые» и значимые воспоминания, и те, которые не звучат в ряде бесед и к которым мы относимся с большим скепсисом.

Все информанты подтвердили свою эстонскую ветвь родословной. В нарративах мы можем отметить разграничение хронологических периодов истории России через жизнь эстонцев в Ярославской губернии. Так, самые ранние воспоминания (по рассказам предков) соотносятся с периодом Российской Империи. Общими тезисами являются следующие: начало переселения предков, относящееся ко времени Столыпинской реформы; проживание на хуторах; зажиточное хозяйство; сохранение эстонской культуры на новом месте. Чаще всего отмечается добрососедский характер взаимоотношений с местными крестьянами.

Сведений об отношении эстонцев к революционным событиям не сохранилось ни у одного информанта.

Советский период начинается с воспоминаний о коллективизации, лишении хозяйства. У большинства информантов тема репрессий присутствует в ракурсе травматичного воспоминания своих родственников [Заварин 2023b]. Часть информантов особо отмечают участие своих предков в Великой Отечественной войне [Там же: 127].

Послевоенный период описывается больше с личной стороны. Большинство информантов — рождённые в это время. В воспоминаниях о 2-ой половине XX века больше присутствует рефлексия: о детстве, взрослении, работе. Эпизоды, касающиеся эстонцев, наличествуют лишь отрывочно. Так, чаще всего упоминается о сохранении традиции у женщин собираться и прядь на ткацких станках, при этом распевая национальные песни, приговаривая эстонские наречия, связанные с религией [Там же: 126].

Таким образом, история страны рассматривается через личное восприятие, отношение к тому или иному событию. В настоящее время признаётся существование исторической индивидуальной памяти и коллективной памяти, и внутренний мир обычных людей рассматривается в качестве движущей силы исторического развития.

Параллельно шла поисковая работа в архивах. В Государственном архиве Российской Федерации были найдены документы, касающиеся оптации гражданства и вопросов обратной миграции: журналы регистрации лиц, оптировавших эстонское подданство [ГАРФ. Ф. 393. Оп. 91. Д. 28а; Д. 38в.]; заявления иностранных подданных о выдаче им видов на жительство с приложением личных документов [Там же. Д. 164]; заявление об оптации и личные документы разных лиц, оптировавших эстонское подданство (фамилии Ус — Ушаков) [Там же. Д. 233]; извещения контрольно-оптационной комиссии Министерства иностранных дел Эстонской республики о признании разных лиц эстонскими подданными [Там же. Д. 272]; оптационные удостоверения эстонских оптантов [Там же. Д. 291]; списки лиц, оптировавших эстонское подданство (по губерниям) [Там же. Д. 289].

Эти документы содержат личные данные, сведения о составе семей, о территории проживания, о миграции из Лифляндии в Ярославскую губернию в начале XX века; отражают включенность микрогруппы в макропроцесс — реализацию права на гражданство, согласно 4 статье Тартуского мирного договора. В этой связи необходимо отметить *нормативно-правовые акты*. Основной — *Тартуский мирный договор между Россией и Эстонией (1920 г.)*, закрепляющий условия возвращения на свою историческую родину переселенцев.

В Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО) и его филиалах в Ростове (РсФ), Рыбинске (РбФ), Угличе (УгФ ГАЯО) был обнаружен ряд письменных документов, отражающих миграцию и жизнь эстонцев на Ярославской земле.

В Государственном архиве Ярославской области были обработаны источники, которые характеризуют нормативно-правовую базу переселения эстонских крестьян. В фонде ярославского отделения крестьянского поземельного банка хранится большой перечень дел о выдаче ссуд и покупках земель эстонцами в конце XIX — начале XX века, что говорит о начавшейся миграции до проведения аграрной реформы 1906 года. В Любимском уезде — крестьянам Лифляндской губернии Веррского уезда в 1901 году [ГАЯО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 175. Л. 25—26], причём эстонские крестьяне покупали землю, объединившись

с крестьянами местной деревни Абрамово. В этом же уезде, но другой волости — Халдинскому товариществу крестьян Лифляндской губернии Верровского уезда Ланемецкой волости в 1902 году [Там же. Д. 205]; в Пошехонском уезде — первому Эстонскому товариществу в марте 1905 года [Там же. Д. 306]; в августе 1905 ссуда выдана второму Эстонскому товариществу [Там же. Д. 307] в Романов-Борисоглебском уезде — в 1906 году [Там же. Д. 362] и др.

Анализ этих источников показывает, что переселение эстонцев действительно началось уже в конце XIX века, чему способствовала политика российского правительства, направленная на наделение крестьян землей. Эстонцы активно покупали земли через Крестьянский поземельный банк, создавая хуторские хозяйства.

Выявлены арендные условия (за 1912 год), сведения об устройстве хуторов, материалы об условиях продажи леса, позволяющие реконструировать сложную процедуру аренды земельных участков [Там же. Д. 1232]. Например, наличие российского подданства (для эстонских переселенцев требовалось подтверждение легальности проживания), подтверждение платежеспособности. Существовала специфика подачи прошения в уездное отделение банка с указанием желаемого местоположения участка, целевого использования земли, планируемых работ (постройка и расчистка пашни). Безусловно, были и контрольные механизмы проверки целевого использования, запрет на субаренду без разрешения банка, санкции за нарушение договора.

Эти нормативы показывают, как государство через банковскую систему пыталось регулировать земельные отношения, сочетая экономические рычаги с административным контролем. Столыпинская реформа усилила процесс миграции, предоставив дополнительные экономические стимулы и юридические механизмы для переселенцев. Она стала не началом, а логичным продолжением и интенсификацией миграции, сложившейся ранее.

Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года в виде подворных карточек обследования крестьянских хозяйств [ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Т. 4. Д. 11274; Д. 11300; Д. 11320; Д. 11321] отражают состояние хозяйства у эстонцев в преформенный период. Мы имеем возможность сравнить количество земли и хозяйственные практики у переселенцев и местных жителей и на основании этого сделать вывод о характере адаптации к внешним условиям. Так, у эстонцев имелись свиньи, нетипичные для местных крестьян, было больше лошадей [Там же]. Топонимические данные также свидетельствуют об особенностях расселения нерусских крестьян: хутор «Братский», где компактно проживали родственные эстонские семьи; хозяйство у местечка Кордон (от слова «граница» — маркирующий пограничный характер поселения); а также обособленные группы хуторов у деревень Панино и Баскачи.

Анализ документов *Угличского филиала ГАЯО*, в частности, *книги регистрации браков за 1919 год*, выявил наличие эстонских фамилий [Филиал ГАЯО в г. Угличе. Ф. 59. Оп. 1. Д. 35], что свидетельствует о сохранении этнической идентичности через эндогамные брачные практики. Параллельное изучение *дел Большесельского волисполкома по военному учету 1919 года* [Филиал ГАЯО в г. Угличе. Ф. 5. Оп. 1. Д. 53], включающих списки военнообязанных и призывные документы, позволило проследить степень вовлеченности эстонского населения в военно-мобилизационные процессы периода Гражданской войны. Повторяемость идентичных антропонимов в различных типах источников дает основания для анализа как механизмов сохранения этнической самоидентификации,

так и уровня интеграции эстонской диаспоры в социально-политические структуры Ярославского региона в условиях революционных трансформаций.

Период 1920—1923 годов представлен рядом документов, связанных с выбором гражданства. Например, инструкциями о рассмотрении заявлений лиц эстонского происхождения, желающих оптировать эстонское гражданство и проживающих в Ярославской губернии [Филиал ГАЯО в г. Угличе. Ф.Р-75. Оп. 1. Д. 63], перепиской с уездными учреждениями и волисполкомами о регистрации иностранцев [Филиал ГАЯО в г. Угличе. Ф.Р-3. Оп. 1. Д. 287] и делами о принятии советского гражданства иностранцами (значительная часть диаспоры осознанно выбрала советское гражданство, о чем свидетельствуют дела о натурализации) [Там же. Д. 339]. Содержание документов показывает, как происходил процесс оптации, выбора гражданства, позволяет судить о специфике идентичности эстонцев, которые приняли решение вернуться, и тех, кто остался на территории Ярославского края, выбрав советское подданство.

Фонды Рыбинского филиала ГАЯО также содержат обширные сведения об оптации эстонского гражданства. Материалы о продлении срока выезда оптантов за пределы РСФСР [Филиал ГАЯО в г. Рыбинске. Ф.Р-4. Оп. 1. Д. 85]; удостоверения, выданные оптантам, на право вывоза имущества за границу [Там же. Д. 118]. Описи имущества, протокол межведомственного совещания о ликвидации имущества уезжающих на родину эстонцев [Филиал ГАЯО в г. Рыбинске. Ф.Р-612. Оп. 1. Д. 171]. В протоколах фиксируются не только бюрократические процедуры оптации, но и экономические стратегии. Документы о работе с иностранными гражданами, подлежащими оптации (выписки из протоколов, справки, сведения апорты, переписка, списки, удостоверения) [Филиал ГАЯО в г. Рыбинске. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 90]. Документы о регистрации и отправке на родину беженцев, оптантов, зарегистрированных в Пощекино-Володарском уезде (циркуляры, инструкции, приказы, списки, переписка) [Филиал ГАЯО в г. Рыбинске. Ф. Р-1284. Оп. 1. Д. 9]. Настоящие источники показывают не только номенклатурную сторону проведения оптационной кампании, но и позволяют судить об имущественном положении эстонцев до периода коллективизации и репрессий.

В Фондах Ростовского филиала ГАЯО сохранилась переписка об оптации иностранных граждан, в которой представлены эстонцы, а конкретно — переписка эстонского подданного Нирка [Филиал ГАЯО в г. Ростове. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 446]. Важными являются порядок перехода в советское гражданство, формы отчетности местных органов власти (ВИКов), сжатые сроки рассмотрения заявлений. В другой переписке об отчетности имеются уже обратные сведения о переходе в гражданство СССР эстонского подданного [Филиал ГАЯО в г. Ростове. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 361]. Мы можем реконструировать индивидуальные стратегии и механизмы взаимодействия мигрантов с местными органами власти.

Таким образом, мы исследуем специфику выбора гражданства и хозяйственное обустройство к 1920-м годам. Важными аспектами для остающихся в регионе эстонцев были существенная хозяйственная привязанность к освоенным землям, семейные связи, сформировавшиеся за период проживания в регионе, и, очевидно, прагматичные соображения в условиях послереволюционной реальности. Этот выбор отражает трансформацию идентичности эстонских переселенцев — от временных мигрантов до постоянных жителей региона, интегрированных в его социально-экономическую структуру. Материалы особенно ценные для понимания механизмов адаптации этнических меньшинств в условиях смены политических режимов.

Материалы закрытого фонда ГАЯО о репрессированных (анкета (допроса) репрессированного — дело С-9268 [ГАЯО. Ф.3698. Оп. 2. Д. С-9141. Л. 1—6] и анкета (допроса) репрессированного — дело С-9141 [Там же. Д. С-9198. Л. 1—2, 4.]) показывают, как проводилась процедура допроса, какие обвинения предъявлялись эстонцам. Типичными обвинениями были: шпионаж в пользу Эстонии, участие в «контрреволюционных организациях» и кулацкое происхождение (для бывших хуторян). Материалы подтверждают системный характер репрессий, выраженный в шаблонности следственных процедур и конфискации имущества.

Период исчезновения этнических колхозов представлен в *материалах местных архивов*. Данные из архива Большесельского муниципального района: *протоколы заседаний президиума Райисполкома 1939 «О мероприятиях по селению хуторских хозяйств, учёте единоличных хуторских хозяйств, организации селения и перевозке хуторских домов в колхозные центры, представление кредитов в размере 500 р.»* [МУ «Архив Большесельского муниципального района». Ф. 97. Оп. 1. Д. 6] и протокол № 31 Заседания президиума Большесельского Райисполкома от 6 и 12 октября 1939 года [Там же].

Мы делаем вывод о системе принудительного селения хуторских хозяйств с выделением определенной суммы целевых кредитов (500 рублей на хозяйство). Кроме финансовых данных, документы показывают причины внутренней миграции эстонцев и бюрократическую форму обращения (вписано русское имя или национальное, паспортное — «двойная идентификация» колхозников).

В источниках демонстрируется адаптация общесоюзной политики колханизации к местным условиям, и раскрываются механизмы административного воздействия на этнические группы. Процесс, с одной стороны, сопровождался нарушением традиционных этнических хозяйственных связей, а с другой, частичным сохранением этнической идентичности.

Работа по выявлению источников эстонской миграции проводилась и в Национальном архиве Эстонии. В базе оцифрованных документов были найдены необходимые сведения о местах жительства мигрировавших эстонцев, составе их семей. Благодаря спискам эмигрантов из Лифляндской губернии [ERA. 36.2.20449] мы видим полные антропонимические данные (фамилии, имена, отчества) в конце XIX века, которые будут встречаться далее в других источниках. Ведомость учёта «едаков» в семье волости Хаанья Выруского уезда Лифляндской губернии [ERA. 36.2.20451] и ревизские сказки волости Хаанья Выруского уезда Лифляндской губернии [ERA. 36.2.20446] позволяют судить о составах семей переселенцев на территории Лифляндской губернии до переезда, о месте пребывания, имущественном положении, формах землепользования, рода занятий.

По результатам полевой и архивной работы возможно классифицировать найденные источники на нормативно-правовые, источники личного происхождения, документы, устные интервью, вещественные источники. Совокупность материалов позволяет проанализировать историю конкретных людей и локальную этническую группу в целом.

Выводы. Проведенное комплексное исследование источников различного характера позволило реконструировать многомерную картину миграционных процессов и адаптационных стратегий эстонского населения в Ярославском регионе. Устные свидетельства дополняют официальные документы, раскрывая субъективное восприятие исторических событий.

Установлено, что миграционный поток имел волнообразный характер, начавшись в дореформенный период (конец XIX века) и интенсифицировавшись в ходе Столыпинской аграрной реформы. Выявлена преемственность между различными этапами переселения, что подтверждается как архивными документами, так и антропонимическими данными. Прослежена трансформация статуса мигрантов от временных переселенцев до постоянных жителей региона.

В ходе полевой работы разработана трехпоколенческая модель эстонской общины. Таким образом, эстонских переселенцев мы можем классифицировать по поколениям:

переселенцы «1-го поколения» — родившиеся в Лифляндской/Эстляндской губернии;

переселенцы «2-го поколения» — родившиеся не на этнической родине;

переселенцы «3-го поколения» — (потомки эстонцев — эстонцы), родившиеся в конце 1940-х — 1950-х.

Выделены ключевые нарративные сюжеты, отражающие коллективную память группы. У информантов четко прослеживаются ключевые сюжеты в повествовании: миграция; первые годы жизни, адаптация к новым условиям; коллективизация и репрессии; военное время; личные истории (детство, карьера, повседневность).

Благодаря личным контактам удалось собрать коллекцию аудио, фото, документов, предметов быта (деревянное здание бывшей эстонской школы, станок для дранки, стулья, лютеранская грамота о рождении и крещении). В рамках научных чтений была создана и представлена экспозиция «Эстонцы Юхотского края».

Комплексное изучение источников (от архивных документов до устных свидетельств) позволило выявить ключевые этапы интеграции эстонцев в Ярославском регионе:

1) начальное хозяйственное освоение земель (конец XIX — начало XX в.);

2) испытания изменениями советской политики (коллективизация, репрессии);

3) постепенная ассимиляция при сохранении элементов культурной идентичности.

Таким образом, полевая и архивная работа позволяет провести системное исследование миграции и жизни эстонцев в Ярославской губернии как одном из регионов Верхней Волги. Через выявление и подбор источников по изучению миграции и жизни эстонцев в Ярославской губернии происходит накопление знаний и воспоминаний о событиях, процессах, персонажах, прошедших эпохах. Исследование не только восполняет лакуны в изучении этнической истории региона, но и предлагает продуктивную методологическую модель для аналогичных изысканий, демонстрируя эффективность комплексного подхода к изучению миграционных процессов и этнокультурной адаптации.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Государственный архив Ярославской области (ГАЯО)

МУ «Архив Большесельского муниципального района». Ф. 97. Оп. 1.Д. 6.

Приказ Минпросвещения России от 19.02.2024 № 110 «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства образования и науки Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных государственных образовательных стандартов основного общего образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.02.2024 № 77331).

Филиал ГАЯО в г. Ростове.

Филиал ГАЯО в г. Рыбинске

Филиал ГАЯО в г. Угличе.

Eesti Rahvaluule Arhiiv (ERA)

Список литературы / References

Заварин А.Д. «Амнистия, служба и гонка вооружений»: ценностные ориентации послевоенного периода в воспоминаниях представителя малой этнической группы Ярославского края // Право, общество, государство: проблемы истории, теории и практики: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции. 14 апреля 2023 года. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2023а. С. 32—34.

(Zavarin A.D. “Amnesty, service and the arms race”: value orientations of the post-war period in the memoirs of a representative of a small ethnic group of the Yaroslavl region, *Law, society, state: problems of history, theory and practice: collection of materials of the All-Russian scientific and theoretical conference, April 14, 2023, Moscow, 2023a*, pp. 32—34. — In Russ.)

Заварин А.Д. Страх как фактор формирования гибридной идентичности: на примере эстонцев Юхотского края в 1930—1990-е гг. // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, философии, образования: материалы научно-практической конференции. 20 апреля 2023 года. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2023б. С. 122—128.

(Zavarin A.D. Fear as a factor in the formation of hybrid identity: on the example of Estonians of the Jukhotsk region in the 1930s—1990s, *Issues of domestic and foreign history, political science, sociology, philosophy, education: materials of the scientific and practical conference, April 20, 2023, Yaroslavl, 2023b*, pp. 122—128. — In Russ.)

Коровушкин Д.Г. История и источники изучения количественных и качественных изменений расселения и численности сельских переселенческих диаспор Западной Сибири в конце XIX — XX веке (на примере латышей и эстонцев) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. №5. pp. 36—51.

(Korovushkin D.G. History and sources of studying quantitative and qualitative changes in the settlement and number of rural migrant diasporas in Western Siberia in the late 19th—20th centuries (using Latvians and Estonians as an example), *NSU Bulletin. Series: History, Philology*, 2009, no. 5. pp. 36—51. — In Russ.)

“ESTONIAN TRACE” IN THE YAROSLAVL REGION: SOURCE STUDY REVIEW AND ANALYSIS (LATE XIX — 40-IES OF THE XX CENTURY)

Andrey D. Zavarin

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russian Federation, Zavarin776@yandex.ru

Abstract. The article presents a comprehensive study of sources on the migration processes of Estonian peasants to the Yaroslavl province in the late 19th — 20th centuries, carried out at the intersection of source studies, historical anthropology and microhistory. The relevance of the work is due to the need to research little-studied aspects of the regional history of the Upper Volga region, as well as the importance of preserving the memory of local ethnic groups in the context of the formation of civil identity. The study is based on a systematic analysis of unpublished archival materials (GARF, funds of the GAAO and its branches, GARF, the National Archives of Estonia); legislative acts and regulatory documents of Stolypin reforms period; oral testimonies (a series of biographical interviews with descendants of settlers from 2016 to 2022). The work combines the methods of field research and archival search. The practical significance of the study lies in the introduction of unique sources on the history of national minorities of Central Russia into scientific circulation. The work makes a significant contribution to the study of migration processes in the Russian Empire and the USSR, demonstrating how a microhistorical approach allows us to identify the complex interaction of national trends and local specifics. The results obtained open up prospects for comparative studies with other regions of the Upper Volga (Tver, Ivanovo, Kostroma regions). It has been established that migration was wave-like, with an initial phase at the end of the 19th century and intensification

during the Stolypin agrarian reform. The author pays attention to the mechanisms of adaptation of Estonian settlers, expressed in the peculiarities of land use.

Keywords: migration, Estonians, identity, oral history, archives, Yaroslavl province

For citation: Zavarin A.D. "Estonian trace" in the Yaroslavl region: source study review and analysis (late XIX — 40-ies of the XX century), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 115—124.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 19.09.2025.

The article was submitted to the editorial office 17.06.2024; approved after review 29.08.2025; accepted for publication 19.09.2025

Информация об авторе / Information about the author

Заварин Андрей Дмитриевич — старший преподаватель кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, Zavarin776@yandex.ru, SPIN-код: 3722-1705

Zavarin Andrey Dmitrievich — Senior Lecturer, Department of Political Science and Sociology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, Zavarin776@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 125—133.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 125—133.

Научная статья

УДК 930.2:821.161.1.09

EDN <https://elibrary.ru/iqgbnk>

DOI: 10.46726/H.2025.4.14

ГОРОД ИВАНОВО В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НИКОЛАЯ ЛОБКО: ЧЕРТЫ ЭПОХИ И ОСОБЕННОСТИ БЫТА

Владимир Вячеславович Комиссаров

Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет,
г. Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается творчество ивановского писателя 1940—1970-х гг. Николая Прокофьевича Лобко. Прежде всего, анализируется историческая достоверность его художественных произведений. Главная цель статьи — изучение повестей Н.П. Лобко как исторических источников. Был привлечен широкий круг опубликованных материалов и документов, находящихся на архивном хранении. Разбирались различные произведения автора. Основное внимание уделено приключенческой повести «Вторая встреча», опубликованной в 1957 г. Были изучены общественно-политические условия ее написания. Показано влияние атмосферы хрущевской оттепели на издательскую практику в СССР. Выявлены разнообразные штампы и клише, характерные для советских детективов и присутствующие в повести Н.П. Лобко. Проанализированы рецензия и отзыв издательства на это произведение. С точки зрения содержания повесть лишена документальной и топографической точности. Тем не менее, она содержит определенные сведения о жизни Иванова середины 1950-х гг., описание повседневно-бытовой жизни города, тех ее аспектов, которые минимально отражаются в традиционных источниках. Также в повести есть и другие бытовые зарисовки: описание предметов одежды или обстановки жилищ.

Ключевые слова: повседневная жизнь, исторический источник, художественная литература, приключенческая повесть

Благодарности: статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025 — 03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России».

Для цитирования: Комиссаров В.В. Город Иваново в художественных произведениях Николая Лобко: черты эпохи и особенности быта // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 125—133.

Постановка проблемы. В настоящее время имя Николая Прокофьевича Лобко (1908—1979 гг.) мало что скажет даже профессиональным краеведам текстильного края, хотя в былые времена он занимал не последнее место на литературном небосклоне Ивановской области. И тем более оказались забытыми его произведения. Уроженец Тамани, он свою жизнь связал с Ивановским регионом. Здесь он был директором Ивановского театра музыкальной комедии, начальником областной конторы книжной торговли, возглавлял Ивановское общество любителей книги и поэтический клуб. Здесь же, в Ивановском книжном издательстве, в 1952 году Николай Лобко опубликовал свою первую крупную вещь —

повесть «В логове». Это яркий образец литературы раннего периода холодной войны. Мы видим достаточно утрированное изображение Америки и американских нравов, где сам автор никогда не был и поэтому обыгрывал существовавшие пропагандистские штампы, которые к тому же сочетались с обязательными в то время элементами культа личности. В 1960-е гг. Н.П. Лобко была написана и опубликована повесть «Варенька». В ней говорилось о непростом детстве и юности девочки, которая, фактически, оказалась лишена родительского присмотра. Но, как обычно развивался сюжет в подобных произведениях советской литературы, на помощь пришли хорошие люди, а затем и трудовой коллектив, который «спас» главную героиню, сделав ее полезным членом общества. «Вареньку» можно было бы считать удачей автора, если бы не неприкрытое пафосное морализаторство. 1972 год ознаменовался выходом в свет новой приключенческой книги Н.П. Лобко под красноречивым названием «Паутина», которая на деле оказалась легким ререйтингом старой повести «В логове». Вероятно, без творчества Н.П. Лобко основные параметры советской послевоенной литературы совершенно не изменились бы. Но именно из работы множества таких провинциальных литераторов формировался общий культурный фон эпохи со всеми его достоинствами и недостатками.

Степень изучения и формулировка цели и задач. Творчество и биография Н.П. Лобко так и не стали объектом пристального внимания исследователей. Можно вести речь только о единичных газетных публикациях к памятным датам [Ивановский край: 6]. Только сравнительно недавно вышла в свет по небольшая по объему работа с анализом некоторых произведений писателя [Иткулов, Комиссаров: 212—214]. Уже это обстоятельство придает актуальность проблеме изучения наследия Н.П. Лобко. Но анализ творчества и биографии писателя является, скорее, предметом литературно-биографического исследования. С точки зрения исторической науки представляет интерес рассмотрение произведений Николая Прокофьевича с позиций их источниковедческой значимости. Писатель много десятилетий жил в Иванове, публиковался в местном издаельстве. Все это позволяет предположить, что его повести в определенной степени отражают как черты эпохи, так и особенности повседневной жизни и быта столицы текстильного края. Это дает возможность сформулировать основную цель исследования — изучение произведений Н.П. Лобко как исторических источников. Вытекающие из этого исследовательские задачи предполагают внешнюю и внутреннюю критику текстов, анализ общественно-политических условий написания и публикации данных произведений. Для этого привлекался широкий круг **источников**, начиная от художественных произведений самого Николая Прокофьевича до материалов Государственного архива Ивановской области (ГАИО) Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Следует отметить, что некоторые материалы, например рецензии на повести писателя, вовлекаются в научный оборот впервые. При этом первостепенное внимание будет уделено детективно-приключенческой повести «Вторая встреча» как наиболее информативной с точки зрения истории повседневности.

Общественно-исторические условия появления повести «Вторая встреча». С началом оттепели изменилась и литературная конъюнктура, в особенности в провинции. Местные издаельства активно стали печатать литературу, пользовавшуюся спросом у читателей. Причины этого явления многообразны. Во-первых, с началом оттепели имели место определенные послабления в работе издаельств областного, краевого и республиканского уровней. Это проявилось в том, что незначительно снизился цензурный контроль, в случае

публикации в местном издательстве было достаточно разрешительной визы соответствующего цензурного органа: обл-, крайлита или главлита автономной или союзной республики. Кроме этого, издательства получили некоторую свободу в распоряжении хозрасчетными средствами, которые можно было выручить за продажу своей продукции. И, соответственно, они были заинтересованы в выпуске таких книг, которые пользовались бы несомненным спросом у населения.

Во-вторых, население тоже «изголодалось» по отдельным видам книжной продукции. Как показали последующие события, большим спросом стали пользоваться пособия по ведению домашнего хозяйства. Во второй половине 1950-х книжный рынок был заполнен различного рода «Полезными советами», «Практическими советами», «Домоводствами». Следует отметить, что в предшествующий период такие пособия или не выходили, или были представлены изданиями очень высокой ценовой категории, как, например, знаменитая «Книга о вкусной и здоровой пище», ориентированная преимущественно на состоятельных покупателей. Другим способом насыщения книжного рынка стало издание оригинальных произведений местных авторов, как правило, представленных детективными произведениями. Тиражи таких произведений были огромны, но художественный уровень у них был крайне низок, что вызвало озабоченность идеологического руководства.

Данную обеспокоенность очень эмоционально выразил главный редактор «Комсомольской правды» и секретарь ЦК ВЛКСМ А.И. Аджубей (по совместительству зять Н.С. Хрущева) на Всероссийском совещании по приключенческой и научно-фантастической литературе в июле 1958 г. Он говорил о том, что литература такого сорта заполнила страницы молодежных газет. Но более опасным он считал, что она так захватывает молодежь, что та начинает «взламывать магазины, устраивать грабежи и т. д.» [РГАЛИ. Ф. 2464. Оп. 2. Д. 9. Л. 13]. Но, несмотря на низкое качество, эти литературные поделки пользовались читательским спросом. Об этой проблеме на семинаре молодых фантастов в 1961 г. говорил и другой комсомольский лидер секретарь ЦК ВЛКСМ Л.В. Карпинский [РГАЛИ. Ф. 2464. Оп. 3. Д. 777. Л. 10—11].

В этих условиях Н.П. Лобко тоже заявил о себе. В 1957 году он опубликовал в Ивановском издательстве шпионский детектив «Вторая встреча». Путь повести к читателю был непростым. Первый вариант рукописи Николай Прокопьевич представил в Ивановское книжное издательство еще в 1955 г., но его отклонили. Тем не менее, в 1956 г. произведение было включено в тематический план издательства на будущий год и аннотировано как «приключенческая повесть из жизни советских разведчиков» [ГАИО. Р-456. Оп. 1. Д. 70. Л. 403]. Но только 5 апреля 1957 г. издательство получило второй вариант рукописи, добросовестно исправленный в соответствии с замечаниями [ГАИО. Р-456. Оп. 1. Д. 61. Л. 50].

Произведение содержит оригинальную для того времени и неожиданно актуальную для современности идею биотерроризма. Иностранный агент стремится заразить племенной скот в одном из советских животноводческих совхозов, но отечественные спецслужбы доблестно срывают планы врагов. При этом повесть наполнена разнообразными штампами и клише. По традиции, идущей от советских шпионских романов и фильмов 1930—1940-х гг., в ней действует пара детективов — молодой чекист лейтенант Рудницкий и его более опытный коллега и наставник майор Кочетов. Это те самые хрестоматийные «товарищ майор и товарищ лейтенант», которые «шагали» по страницам множества советских детективов. Но Н. Лобко усложнил эту конструкцию, добавив к ним еще и полковника Чумака, который выступает многолетним наставником

для Кочетова. Другой избитый штамп — вражеский диверсант оказался «бывшим», т. е. сыном белогвардейского генерала, да не простого, а генерал-адъютанта, доверенного лица Николая II [Лобко 1957: 111]. Так и хочется вспомнить И. Ильфа и Е. Петрова с их «особой, приближенной к императору». Удивительным образом «Вторая встречка» перекликается с «Двенадцатью стульями» дважды: в одном из эпизодов шпион, подобно Ипполиту Матвеевичу, меняет внешность, перекрашивая волосы в тазике на частной квартире. Но в отличие от «Кисы» Воробьянинова у него эта процедура завершилась успешно [Там же: 94]. Стандартным для литературы и кино является способ проникновения в СССР: агент приехал в составе профсоюзной делегации под чужим именем. Подобную стереотипность отметил один из рецензентов рукописи Карпов¹: «Читая повесть, трудно отделаться от чувства, что эту вещь уже когда-то читал. Тема повести явно не новая. Сюжет также не оригинален» [ГАИО. Р-456. Оп. 1. Д. 61. Л. 53].

Большинство шпионских романов и фильмов того времени содержали в себе логическое и этическое противоречие. С одной стороны, авторы пытались подчеркнуть особую моральную стойкость советских людей, с другой, с развитием сюжета у иностранных шпионов всегда оказывалось много помощников из числа местного населения. Еще одно распространенное клише — вражеский агент с помощью изощренных ядов убивает своих связных, причем в некоторых случаях совершенно немотивированно, т. к. эти люди его даже не видели. Он как будто намеренно оставляет за собой «кровавый след», по которому его ищут и находят. Сошедшим с киноэкрана выглядит шпионский набор агента: перстень с ядом и более современная отправленная авторучка. Это противоречие отметил и упоминавшийся рецензент Карпов: «Низкий идеально-художественный уровень повести вряд ли можно исправить доработкой или переработкой. Во “Второй встрече” нет, на мой взгляд, главного — участия советских людей в разоблачении и поимке диверсанта: отдельные личности из наших граждан, пытавшихся помочь органам госбезопасности, кончали плохо, оказывались жертвами матерого врага» [ГАИО. Р-456. Оп. 1. Д. 61. Л. 55].

Несмотря на эти стереотипы, роман испытал и оттепельные веяния. Майор Кочетов регулярно одергивал своего молодого коллегу Рудницкого в его подозрениях и учил доверять советским людям.

Карпов дал на повесть полностью отрицательный отзыв. «Если из рукописи и получится книга, то ее воспитательное значение будет незначительным, — писал рецензент и продолжал, — трудно даже сказать, какая категория читателей заинтересуется этой вещью» [ГАИО. Р-456. Оп. 1. Д. 61. Л. 55]. Но редактор художественной литературы Г. Горбунов рекомендовал повесть в печать, правда, посоветовал, чтобы с ней ознакомился секретарь областной писательской организации М.Д. Шошин [ГАИО. Р-456. Оп. 1. Д. 61. Л. 51]. В архивных материалах нет данных о том, читал ли Михаил Дмитриевич рукопись Н.П. Лобко. В итоге «Вторая встречка» увидела свет, в условиях дефицита приключенческой и детективной литературы легко нашла читателя, а в настоящее время является библиографической редкостью. Таким образом, руководство Ивановского книжного издательства, вопреки негативному мнению рецензента, фактически «протолкнуло» это произведение в тираж, видимо, ориентируясь на ожидаемый коммерческий успех детективной повести.

Историческая топография областного центра в повестях Н.П. Лобко. В некоторых произведениях Николая Лобко события происходят в неназываемых

¹ В документе нет инициалов и должности рецензента.

населенных пунктах, в отличительных чертах которых, впрочем, без особого труда угадывается Иваново. Например, в повести «Варенька» есть зарисовки текстильного города: «Город с его фабриками и заводами всегда представлялся ей беспокойным, заботливым и неутомимым тружеником, который, усердно проработав днем, не затихал и на ночь. Гулко дышали цехи и словно тысячи дружных сердец неугомонно стучали станки. С каждым годом город молодел, хорошел и непрерывно строился. Устарели и навсегда забылись мрачные названия отдельных районов: Ямы, Голодаихи, Рылиха, Графская земля... Из края в край пролегли широкие, прямые магистрали... В строй многоэтажных домов уверенно ставились новые здания. Одни из них стояли еще окруженные строительными лесами, а к другим уже спешили радостные новоселы» [Лобко 1975: 161—162]. Большая часть действия книги «Вторая встречка» также протекает на улицах безымянного областного города. Некоторые его объекты вполне узнаваемы и однозначно указывают на Иваново. Следует заметить, что в повести нет топографической точности. Многие наименования намеренно искажены. Так улицы Калинина и Суворова превратились в Калининскую и Суворовскую. Меланжевый комбинат назван Камвольным, т. к. в реальности такое предприятие в Иванове было построено спустя несколько лет после выхода книги. Кроме того, одному из персонажей для поездки на комбинат рекомендуют 1-й трамвай [Лобко 1957: 79], маршрут которого был проложен именно на «Меланжку».

Как показывают архивные материалы, отсутствие топографической точности не авторская позиция, а требование издательства. Редактор художественной литературы Г. Горбунов писал: «На мой взгляд, не следует повести придавать местный колорит (ул. Боевиков, Меланжевый комбинат, 1-й рабочий поселок и т. п.). Это звучит несколько наивно и легко может быть устранино при рецензировании» [ГАИО. Р-456. Оп. 1. Д. 61. Л. 50].

Но многие места действия можно идентифицировать достаточно точно. Например, одна из сюжетных линий завязывается в городской гостинице, где остановилась иностранная профсоюзная делегация, в составе которой шпион проник в СССР. И хотя описание гостиницы чрезвычайно лапидарно, можно сделать вывод, что речь идет о «Центральной». В настоящее время это административное здание на углу Шереметевского проспекта и улицы 10-го августа. Во-первых, в книге отмечается, что гостиница находилась в районе ответственности третьего отделения милиции [Лобко 1957: 41]. Номерные милицейские отделения существовали в советских городах до конца 1950-х гг. Во второй половине 1950-х гг. «Центральная» располагалась на улице Ленина (сейчас это участок Шереметевского проспекта от улицы 10 августа до Соковского моста). Согласно указателю ивановских улиц того периода, этот участок как раз относился к 3-му милицейскому отделению [Указатель...: 51]. Во-вторых, в описании гостиничного холла присутствует «прилавок, за которым пожилая женщина с гладко зачесанными седыми волосами продавала газеты, журналы, открытки, брошюры» [Лобко 1957: 40]. Существование в гостинице «Центральная» киоска «Союзпечати» отмечается в путеводителе 1972 года. В нем же говорится, что «по давней традиции отель принимает зарубежных гостей» [Приходько, Глебов: 177].

Вполне узнаваема Садовая улица, чье наименование передано автором без искажений. В книге эта улица идет прямо к парку. Видимо, здесь имеется в виду парк культуры и отдыха имени 1 мая. Достоверно описание самой улицы: «Жильцы, населявшие Садовую, приложили все старания для того, чтобы оправдать название улицы. Над тротуарами с обеих сторон нависли лохматые шапки кленов. Местами они сомкнулись, образовав сплошной навес. Проезжая часть

дороги отделялась кустами — живой изгородью, прерываемой только у ворот и на перекрестках» [Лобко 1957: 65].

Достаточно точно описана улица Калинина (в повести Калининская). «Офицеры вышли на Калининскую … раньше … она была кривой и горбатой, с деревянными, дырявыми тротуарами, — пишет Н.П. Лобко и продолжает, — по обеим сторонам, врываешься в землю почти до самых окон, теснились крохотные, жалкие избушки. Над ними возвышались два кирпичных здания. В одном, построенном в 1897 году, после того как рабочие города организованно провели свою первую всеобщую забастовку, размещалась тюрьма» [Лобко 1957: 76—77]. Речь идет о т. н. «ямской тюрьме». Это здание в 1950-е гг. располагалось по адресу: улица Калинина, 25 и сохранялось как памятник революционных событий. Именно здесь в ноябре 1905 г. сидел под арестом М.В. Фрунзе [Глебов: 23]. На здании даже находилась соответствующая мемориальная доска. Однако в конце 1950-х в связи с застройкой улицы «ямскую тюрьму» все же снесли.

Николай Лобко в своей повести подробно описывает прошлое этого участка: «Всюду было так много оврагов, канав, ухабин, что целый район города, прилегавший к этой улице, получил одно общее название — Большие Ямы … Сейчас все это трудно себе представить. Улица расширилась, выровнялась, покрылась асфальтом, выросли новые многоэтажные дома. Забылось даже старое название» [Лобко 1957: 77].

Первый рабочий поселок в книге фигурирует как «Заречный поселок». «Эта часть города возникла совсем недавно, в годы первых пятилеток, — пишет Н.П. Лобко. — До этого тут все окрестные места считались довольно далекой от центра окраиной, чуть ли не отдельным населенным пунктом, путь к которому лежал мимо свалок, пустырей и огородов, через ветхий мосток на толстых сваях. Прошло немногих лет, и окраина, незаметно для горожан, преобразилась. Она превратилась в один из новых благоустроенных районов города, с асфальтированными тротуарами, стройными рядами электрических фонарей, трамваем, многоэтажными зданиями» [Там же: 86].

Логика сюжета привела главных героев к наиболее узнаваемому объекту Первого рабочего поселка — 400-квартирному дому или «Дому коллектива». Правда, Н.П. Лобко остался верен себе (и требованию издательства) и назвал его «трехсотквартирным», что, впрочем, не мешает идентификации. «Среди них особенно выделялся своими размерами громаднейший дом, получивший название “трехсотквартирного”, — пишет автор. — Жильцам показалось удобным назвать дом, в котором они обитали, по числу имевшихся в нем квартир. И это название привилось, возможно, потому, что в нем звучала гордость, любовь к родному городу, в котором строились не хибарки и лачуги, как в старину, а большие, с удобными квартирами дома!» [Там же]. Также это здание можно опознать по «магазину “Гастроном”, занимавшему часть первого этажа этого дома» [Там же]. Во второй половине 1950-х гг. в «Доме коллектива» располагался продовольственный магазин № 3 [Город Иваново: 54].

Не все объекты, упоминаемые в повести Н.П. Лобко, легко определяются. В одной из глав контрразведчики посещают домоуправление, находящееся «в двух шагах» от Садовой в подвале краснокирпичного дома на Советской улице [Лобко 1957: 71]. Но в то время в Иванове не было Советской улицы. Прежняя улица, носившая это наименование в 1951 г., влилась в проспект Сталина, сейчас это участок проспекта Ленина в районе станции скорой помощи. А современная Советская улица до 1960 г. называлась Негорелой [Имена улиц: 61, 87, 92]. Согласно старым справочникам, в непосредственной близости от Садовой было

только домоуправление № 12 на улице Крутицкой [Город Иваново: 62]. Здесь находится старое здание, соседствующее с домом Фролова в составе т. н. усадьбы Мужжухина. Оно подходит под скучное описание из повести: стены из красного кирпича, пол из метлахской плитки, каменная лестница в подвал [Лобко 1957: 71].

Информационная ценность произведений Н. Лобко. Отсутствие топографической точности резко снижает информационную ценность как повести «Вторая встреча», так и других произведений автора. С источниковедческой точки зрения они могут рассматриваться только как вторичные материалы. Тем не менее, совсем отрицать значимость этих изданий нельзя. В них присутствует описание повседневно-бытовой жизни города, тех ее аспектов, которые minimally отражаются в традиционных источниках.

Например, в повести «Вторая встреча» есть описание магазина детских товаров, расположенного на Садовой улице. «Магазин “Детский мир” помещался в первом этаже четырехэтажного жилого дома, — пишет Николай Прокофьевич и продолжает, — в освещенных солнцем витринах удобно расположились куклы, медвежата, зайцы. Красная Шапочка спешила к неуклюжему слону, Арлекин простирая свои руки к попугаю, а ледокол “Ермак” уткнулся в широкое платье Матрёшки» [Там же: 65—66]. Изыскания в опубликованных источниках и в архивных материалах не выявили детских магазинов, которые когда-либо размещались в Иванове на Садовой улице. До первой половины 1950-х гг. в областном центре вообще не было специализированного магазина детских товаров. Только 18 декабря 1953 г. принято постановление Областного комитета КПСС и Ивановского облисполкома об организации подобного торгового учреждения. Этим же постановлением было выделено помещение для его размещения в доме ИвТЭЦ-2 на проспекте Сталина [ГАИО. Ф. Р-2155. Оп. 3. Д. 3. Л. 49]. Сейчас это жилой дом № 47 на проспекте Ленина, известный как «дом энергетиков». Однако организация магазина затянулась. В итоге первым в 1954 г. появился детский магазин Ивгорпромторга № 5 на улице Нечаева (нынешняя улица Варенцовой). По крайней мере, в архивных документах на 1 января 1955 г. значится эта торговая точка [ГАИО. Ф. Р-2155. Оп. 2. Д. 67. Л. 6]. И только затем открылся магазин детских товаров Ивгорпромторга № 9 в «доме энергетиков» [ГАИО. Ф. Р-1284. Оп. 15. Д. 167. Л. 212]. Таким образом, при отсутствии документальной точности в данном эпизоде присутствует крайне любопытная бытовая зарисовка из повседневной жизни, включая ассортимент и обстановку в магазине игрушек.

В повести Н. Лобко в одном абзаце отразилась и другая примета Иванова 1950-х — масштабная кампания по озеленению города, которая проводилась под руководством ученого-агронома А.К. Малиновского. «Выходя из машины Кочетов и Рудницкий направились в парк, прошлись по аллеям и остановились возле седоусого садовника в широкополой соломенной шляпе, который, присев на корточки, пересаживал рассаду из ящика в клумбу, — рассказывает писатель. — Маленькой лопаточкой он выкапывал в грунте неглубокую луночку, рыхлил почву. Поддев затем растеньице под корешок, извлекал его из ящика и вместе с комочком земли бережно опускал в ямку. Старик двигался неторопливо, но работа спорилась» [Лобко 1957: 64].

Неожиданную достоверность приобретает еще один эпизод текста. Насколько в своем служебном кабинете, полковник Чумак наблюдает группу школьников: «Распевая “Нас утро встречает прохладой”, прошел мимо отряд пионеров. От белых рубашек, красных галстуков и веселых детских лиц на залитой солнцем улице точно посветлело еще больше... “Наверное, в лагерь направляются,

проводя взглядом ребят, подумал полковник...”» [Там же: 149—150]. Если предположить, что кабинет полковника находился в административном здании, известном ивановцам под названием «серого дома» или «дома—пули», то появление под его окнами пионеров вполне объяснимо. Из рассказов «старожилов» Иванова во второй половине 1950-х и в начале 1960-х гг. отправка школьников в пионерлагеря осуществлялась с площади Ленина, от здания Областного совета профсоюзов. Косвенным подтверждением этого факта может служить фотоснимок, помещенный в 1965 г. в учебном пособии по краеведению [Люби и изучай...: 26—27]. На нем запечатлены автобусы, стоящие за памятником Ленину в окружении взрослых и детей (рис. 1).

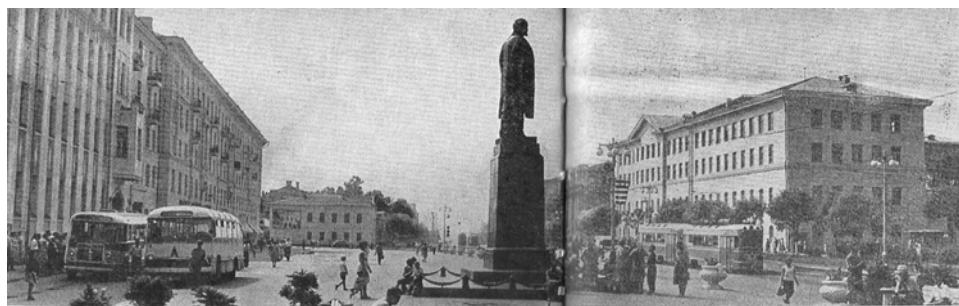

Рис. 1. Фотоснимок из учебного пособия «Люби и изучай свой край», на котором, предположительно, автобусы, забирающие детей в пионерские лагеря, 1965. Сканирование автора

В повести есть и другие бытовые зарисовки: описание предметов одежды или обстановки жилищ. Как не сложно заметить даже из процитированных выше отрывков, автор постоянно педалировал тему «успехов социалистического строительства», сравнивал то, что было прежде с тем, что появилось в городе теперь. Впрочем, не обходил Н.П. Лобко и отдельные проблемы советского общества, например, пьянство. Из текста следует, что данный порок был не единичным явлением у некоторых персонажей, а носил, в некоторой степени, системный характер. «Верите, как поселился тут, покой потеряли, — жаловалась соседка одного из героев повести. — Ходит к нему сюда шпаны со всего города. Нет такого пьяницы, чтоб здесь не побывал!» [Лобко 1957: 87].

Все, изложенное выше, позволяет считать повесть «Вторая встреча», как, впрочем, и некоторые другие произведения Н.П. Лобко источниками быта и нравов. Конечно, следует учитывать как ограниченность применения такого рода материалов в исторических исследованиях, так и определенную условность приводимых в них сведений.

Список источников

- Российский государственный архив литературы и искусства (Далее РГАЛИ).
 Государственный архив Ивановской области (Далее ГАИО).
 Город Иваново. Адресно-справочная книга. Иваново: Ивановское книжное издательство, 1959. 216 с.
 Ивановский край: энциклопедический словарь. Лобко Н.П. / сост. В. Зимин // Ивановская газета. 18 апреля 2001 г. С. 6.
 Имена улиц города Иванова. Иваново: Упрполиграфиздат, 1981. 136 с.
 Лобко Н.П. Вторая встреча. Иваново: Ивановское книжное издательство, 1957. 168 с.
 Лобко Н.П. Варенька. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1975. 224 с.
 Приходько А.Ф., Глебов Ю.Ф. Иваново. Путеводитель. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1972. 192 с.
 Указатель наименований улиц города Иванова. Иваново: Ивановское областное государственное издательство, 1951. 132 с.

Список литературы / References

- Глебов Ю.Ф., Зайцева Г.Ф., Зверков И.П. По Ивановской области: путеводитель. Иваново: Ивановское книжное издательство, 1958. 204 с.
 (Glebov Yu.F., Zayceva G.F., Zverkov I.P. Around Ivanovo Region. Travel Guide. Ivanovo, 1958, 204 p. — In Russ.)
- Иткулов С.З., Комиссаров В.В. Николай Лобко — «литературный солдат холодной войны» // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых. XVI Международная научная конференция. Москва—Иваново—Шуя, 19—20 октября 2023 г. Иваново: Ивановский государственный университет, 2023. С. 212—214.
 (Itkulov S.Z., Komissarov V.V. Nikolai Lobko — a “Literary Soldier of the Cold War”. *Shuya Session of Students, Postgraduate Students, Teachers, and Young Scientists. XVI International Scientific Conference. Moscow—Ivanovo—Shuya, October 19—20, 2023*, Ivanovo, 2023, pp. 212—214. — In Russ.)
- Люби и изучай свой край. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1965. 100 с.
 (Love and explore your region, Yaroslavl, 1965, 100 p. — In Russ.)

**THE CITY OF IVANOVO IN NIKOLAI LOBKO'S ARTISTIC WORKS:
 FEATURES OF THE ERA
 AND CHARACTERISTICS OF EVERYDAY LIFE**

Vladimir V. Komissarov

Upper Volga State Agrobiotechnological University,
 Ivanovo, Russian Federation, cosh-kin@mail.ru

Abstract. The article examines the creative work of an Ivanovo writer of the 1940's and 1970's Nikolai Prokofievich Lobko. First of all, the historical authenticity of his artistic works is analyzed. The main purpose of the article is to study the novels of N.P. Lobko as historical sources. A wide range of published materials and archived documents were involved. Various works of the author were analyzed. The main attention is paid to the adventure story “The Second Meeting”, published in 1957. The socio-political conditions of its writing were studied. The influence of the atmosphere of the Khrushchev thaw on publishing practice in the USSR is shown. Various clichés typical of Soviet detective stories and present in N.P. Lobko's story are revealed. The review of the publishing house on this work is analyzed. In terms of content, the story lacks documentary and topographic accuracy. Nevertheless, it contains certain information about Ivanovo's life in the mid-1950's, a description of the daily life of the city, those aspects of it that are minimally reflected in traditional sources. The book also contains some other everyday city life details that might present a certain interest: descriptions of clothing items or home furnishings.

Keywords: everyday life, historical source, fiction, adventure story

Acknowledgments: This article was prepared as part of the technical assignment for research work commissioned by Ivanovo State University No. 2025-03, “The intelligentsia and intellectuals, the diversity of the modern world, and the future of Russia.”

For citation: Komissarov V.V. The city of Ivanovo in Nikolai Lobko's artistic works: features of the era and characteristics of everyday life, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 125—133.

Статья поступила в редакцию 12.08.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 19.09.2025.

The article was submitted to the editorial office 12.08.2025; approved after review 29.08.2025; accepted for publication 19.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Комиссаров Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор Верхневолжского государственного агробиотехнологического университета, г. Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru, SPIN-код: 4674-4432

Komissarov Vladimir Vyacheslavovich — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor at the Upper Volga State Agrobiotechnological University, Ivanovo, Russian Federation, cosh-kin@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 134—141.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 134—141.

Научная статья

УДК 165.12:111

EDN <https://elibrary.ru/dwlctc>

DOI: 10.46726/H.2025.4.15

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Владимир Леонидович Васюков

Институт философии РАН, г. Москва, Россия, vasyukov4@gmail.com

Аннотация. То, как философы и ученые рассуждают о сознании, диктует ответ на вопрос о том, какие конкретные состояния сознания являются сознательными. Теоретики сознания, как правило, не поднимаются до уровня метафизического обоснования природы сознания или того, что оно собой представляет. Эти вопросы тем более проблематичны, что обычный, наиболее распространенный взгляд на мышление имеет форму утверждения, но не о том, что есть сознание, а скорее о том, при каких условиях актуальное состояние человеческого мышления является сознательным состоянием. Для того чтобы преодолеть возникающие здесь трудности в понимании сознания, желательно исходить из описания природы сознания посредством выяснения определенных метафизических аспектов сознания. В качестве исходного пункта такого описания предлагаются воспользоваться моделью сознания, предложенной мной в работе «Логики сознания», которая основывается на комбинировании «нейронной» логики, описывающей каузальные связи состояний нейронов, и «ментальной» логики, описывающей различные виды связей ментальных состояний.

Ключевые слова: сознание, состояние сознания, логика, логическая модель сознания, метафизика сознания

Для цитирования: Васюков В.Л. Метафизические аспекты философии сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 134—141.

Современные исследователи — теоретики сознания, как правило, не используют метафизическое обоснование в объяснении природы сознания или того, что собой представляет сознание как когнитивный мыслительный процесс. Это можно объяснить тем, что обычная точка зрения относительно мышления и сознания имеет форму некоторого утверждения. Но не о том, что есть сознание, а скорее о том, при каких условиях актуальное состояние человеческого мышления является его сознательным состоянием. Ответ же на вопрос о том, какие когнитивные мыслительные состояния являются сознательными, по-видимому, как раз и диктует нам то, как мы можем рассуждать о сознании или как его характеризовать. Однако для того, чтобы преодолеть возникающие при этом трудности, например, эпистемологического характера, желательно опираться на какое-то метафизическое объяснение в понимании

природы сознания, и такое объяснение должно быть независимо от специфики его конкретных проявлений.

В работах последних лет по исследованию мозга и его структуры был поставлен вопрос о возможности использования сетевого подхода в изучении мышления. Некоторые ученые даже выдвинули гипотезу, согласно которой о мышлении следует говорить как о сетевом феномене. В этой связи было отмечено, что поскольку любое логическое исчисление можно рассматривать как сеть, а точнее говоря, как граф, где вершины — формулы, а ребра — логические выводы, то может представлять интерес использование именно этой аналогии для моделирования мышления.

Так, в работе «Логики сознания» [Васюков 2022а] мною была предложена модель сознания, основывающаяся на комбинировании «нейронной» логики, описывающей каузальные связи состояний нейронов, и «ментальной» логики, описывающей различные виды связей ментальных состояний. Что касается ответа на вопрос, обращенный к логике нейронов, то обычно под логикой нейронов подразумевается, что это не что иное как классическая двузначная логика.

Однако существуют иные подходы и иные концепции, например, предложенная Д.Н. Юрьевым [Юрьев] трехзначная логика нейронов. В ней в качестве значений истинности фигурируют значения постсинаптического потенциала реального биологического нейрона, когда 1 (истина) соответствует возбуждающему постсинаптическому потенциалу, $\frac{1}{2}$ (неопределенность) — потенциалу покоя, а 0 (ложь) — тормозному постсинаптическому потенциалу. В рамках рассматриваемой логики можно получить и классические двузначные операции, пополняя язык за счет новой однозначной логической операции, подразумевающей перевод сигналов от других нейронов только в «двузначные», что приводит к существованию подобласти с классической, а не трехзначной логикой. Этот подход можно понимать, как описание некоей психофизической супервентности, когда сознание зависит от мозга и никакое изменение в ментальных свойствах невозможно без изменения в его физических свойствах. Что касается участия трехзначной логики в описании специфики сознания, то, к сожалению, отсутствие аксиоматической формулировки трехзначной логики нейрона не позволяет логически описать свойства требуемой логической операции мышления.

Комбинирование логических систем в рамках данной модели призвано передать (логически описать) механизм взаимодействия между психическими и нейрофизиологическими процессами (психофизическая проблема сознания), учитывая при этом, что в логике, как было доказано ранее, существует лишь четыре разновидности базовых комбинаций [Vasyukov]. Дело в том, что для пары логик всегда можно найти так называемую объединенную логическую систему, представляющую собой результат подобных комбинаций. Возникающая в этом случае перспектива описания сознания непосредственно связана с возможностью использования полученной комбинации ментальной и нейронной логик, которая используется для дальнейшего продолжения комбинирования либо с ментальной, либо с нейронной логикой. В обоих случаях результатом будет появление комбинированной «логики самосознания», когда сознание как раз и становится необходимым условием самосознания [Васюков 2024].

Дуальность определимости состояний самосознания (как проявление зависимости от использования либо ментальной, либо нейронной логик) приводит к тому, что состояние высшего порядка рассматривается как мысль или

убеждение, либо как сенсорное состояние, как восприятие своих же нейронных процессов. Как следствие, рассматриваемые состояния более высокого порядка являются либо воспринимаемыми, либо мыслимыми.

Если же считать, что ни одна форма восприятий более высокого порядка вообще не имеет ресурсов для объяснения сознания, то в этом случае вместо исходных ментальных и нейронных логик можно использовать другую логическую систему, не совпадающую ни с нейронной, ни с ментальной логикой. Она будет представлять собой чистую логику «самосознания», несводимую к логикам сознания и не сконструированную из них, ввиду чего она и не имеет ресурсов для объяснения сознания.

Отдельно стоит остановиться на онтологических допущениях или онтологических обязательствах (предпосылках, гипотезах), возникающих в силу использования логических языков для формулировки в модели сознания востребованных логических систем. Эти логические языки навязывают нам свои картины видения мира, что неизбежно приводит к тому, что в этом случае мы, по сути дела, имеем дело с двумя онтологиями — теорией предметной области, объекты которой мы исследуем (наше видение), и принимаемой рамочной картиной мира в целом (видение языка).

В случае использования конструкции произведения логических систем, внутренняя онтология языка описания сознания в нашей модели детерминируется парами формул из двух используемых логических языков (ментальной и нейронной логики). Первичные объекты подразумеваемой онтологии представляют собой пары <состояние нейронов, ментальное состояние>, некоторые квази-квалиа, когда феноменальные характеристики опыта непосредственно связаны с нейронными структурами, а ментальное состояние, связанное с ними, продиктовано «внутренним» переживанием субъекта. По сути дела, произведению логических систем соответствует произведение внутренних онтологий.

С учетом того, что ментальный уровень сознания описывается комбинациями сложных формул ментальной логики, где ментальная каузальность понимается как ментальное следование. Более того, ментальные формулы могут быть представлены как интенциональные состояния в виде пары (пропозициональное содержание, психологическая модальность), и эти состояния могут либо соответствовать реальности, либо не соответствовать ей. Психологическая же модальность как раз и определяет их соответствие реальности.

Онтологию нейронного уровня сознания современные исследователи описывают с помощью понятия «функциональных мозговых органов, представляющих собой прижизненно образующиеся ансамбли корковых зон и подкорковых структур», которые, как представляется, «могут рассматриваться в качестве психобиологического субстрата высших психических функций» [Калинин, Портнов: 32]. Комбинации «формул» и выводов нейронной логики отвечают этим ансамблям, учитывая при этом, что семантика нейронной логики задается с помощью сопоставления формулам и выводам нейронной логики соответствующих элементов (психобиологических моделей) функциональных мозговых органов и элементов процесса их (психобиологического) функционирования.

Связь ментальной и нейронной каузальности хорошо иллюстрирует конструкция так называемых комбинационных экспоненциалов логических систем. Система-экспоненциал двух логических систем использует два взаимно обратных перевода из одной логики в другую, когда результаты всех переводов из системы ментальной логики в нейронную логику и обратно навязывают свою связь-следование формулам исходной системы.

Дело в том, что формулы ментальной логики будут следовать друг из друга, когда результаты композиции их переводов будут связаны между собой отношением следования системы ментальной логики. Такое описание соответствует ситуации, когда каузальное следование влияет на ментальной следование, а ментальная выводимость определяется именно взаимообратным сопоставлением каузальных и ментальных свойств с помощью композиции переводов. В результате получается, что в этом случае наши мысли детерминируются нейронными процессами.

Описанный подход в понимании сознания носит явно метафизический характер хотя бы потому, что большинство конкретных вопросов, связанных с нейрофизиологической природой сознания, остаются при этом за рамками данного подхода. Но, конечно же, не только по этой причине.

Так, вопросы сразу же вызывает сама природа предложенной модели, точнее говоря, ее чисто логический характер описания. Прежде чем ответить на них, напомню, что, согласно Канту, логика может быть рассматриваема «в двух отношениях: как логика общего или как логика частного применения рассудка. Первая содержит абсолютно (schlechthin) необходимые правила мышления, без которых невозможно никакое применение рассудка», в то время как логика частного применения рассудка «содержит правила мышления о различных видах (übereine gewisse Art) предметов» [Кант 1999: 102]. Первую из них философ называет элементарной логикой, а вторую — органом той или другой науки.

Что касается логики общего применения рассудка, то она может быть либо чистой, либо прикладной. Чистая логика общего применения рассудка отвлекается от всех эмпирических условий, при которых действует наш рассудок, так как для знания этих условий необходим опыт. Прикладная же логика частного применения рассудка исследует правила применения рассудка при субъективных эмпирических условиях. Общая логика имеет дело исключительно с априорными принципами и представляет собой канон рассудка и разума, однако только в отношении формального применения его, тогда как содержание может быть каким угодно (эмпирическим или трансцендентальным).

Прикладная логика исследует правила применения рассудка при субъективных эмпирических условиях, и, следовательно, она излагает эмпирические принципы, хотя и имеет общий характер в том смысле, что исследует применение рассудка без различия предметов. Общая же логика отвлекается от всякого содержания знания рассудка и от различий в его предметах, имея дело только с чистой формой мышления. Она не заключает в себе никаких эмпирических принципов, она есть доказательная наука, и все в ней должно быть достоверным вполне *a priori*.

Если смотреть под этим углом зрения на логику, то, очевидно, следует также говорить об общей логике как чисто логической абстрактной теории и прикладной логике как прикладной науке. Но хотя логика в первом случае точно так же хорошо определяется аксиоматикой или теоретико-модельной структурой, вопрос о диапазоне определимости прикладной логики более сложен. Такая логика снабжает нас теориями логических отношений (отнюдь не категориальных), и корректность каждой системы прикладной логики тоже гипотетически может определяться как для всякой науки чисто научным критерием фальсифицируемости. В то же время непонятно, что означает неаприорный и неокончательный характер прикладной логики? В случае понимания прикладной логики как логики только одной конкретной предметной области и ее специфики как

пригодности именно для этой области, неизбежно возникает вопрос о критериях интерпретируемости подобной логики.

Использование в логической модели сознания систем ментальной и нейронной логики можно было бы рассматривать как следствие кантовского деления на общую и прикладную логику. Но по поводу нейронной логики сразу возникает вопрос: какова природа и специфика логики, описывающей функционирование нейронов?

Как известно, в логике существует понятие постовских систем, или иначе — индуктивных определений или дедуктивных систем, которое было введено в 1943 году американским логиком польского происхождения Эмилем Постом. Он указал, что в процессе наших рассуждений нам иногда интересен не конкретный вид используемых высказываний, а интересны лишь правила вывода одних высказываний из других. Мы рассматриваем правила вывода просто как некие правила получения одних абстрактных объектов из других в рамках абстрактной «квазилогической» системы. Природа таких объектов в этом случае уже не столь существенна для «квазилогических» операций, осуществляемых над ними в рамках принимаемых систем.

Такие системы не обязательно совпадать с существующими системами чисто логических рассуждений, они могут жить собственной жизнью, движимые своими внутренними потребностями. Сам общий класс таких дедуктивных систем можно изучать, абстрагируясь от конкретного типа формальных систем. Современные системы неклассической логики во многих случаях представляют собой именно подобные системы (например, квантовая логика, в которой высказывания представляют собой проективные операторы в бесконечномерном гильбертовом пространстве). Во всяком случае, мы вполне можем использовать подобные дедуктивные системы не только для описания функционирования нейронов, но и каузального уровня модели сознания.

По сути дела, предметная область комбинаций логических и постовских систем модели сознания не связана с материей причинно-следственными связями только в том смысле, что нематериальны в этом случае ментальные состояния, тогда как нейронные процессы полностью материальны. Мы можем говорить о каждой предметной подобласти по-отдельности. Но это не будет описанием сознания и его функционирования, поскольку их описывают только пары формул и пары выводов, описывающих как психофизическую связь, так и ее сохранение в процессе функционирования.

В силу того, что предложенная модель по своей конструкции и природе является логической моделью, основанной на комбинации логических систем, это означает, что сознание рассматривается как феномен комбинирования логических исчислений. Более того, все то, что справедливо в такой модели сознания, может быть априорным; и для него справедлива некоторая совокупность истин.

Саму идею логического характера модели сознания можно связать с предложением П.Е. Калинина и А.Н. Портнова, которые писали: «Имеет смысл представить сознание как некую структуру и аксиоматически постулировать его основные свойства, а уже затем, на основе этих свойств, попытаться объяснить существующие феномены умственной, эмоциональной и смыслообразующей деятельности человека» [Калинин, Портнов: 9]. Эта структура и постулированные ее свойства очевидным образом не должны быть привязаны к какой-то одной логической системе, учитывая, что в настоящее время доминирует парадигма логического (и математического) плюрализма. Такая структура, скорее,

должна представлять собой некую *мета*-логическую конструкцию, предписывающую определенный механизм комбинирования логических систем, сконцентрированный на передаче специфики сознательных состояний.

Характер и необходимость подобной плюралистической металогичности вполне объясним с позиции современного кантианского структурализма [Васюков 2022b]. Дело в том, что доступ к «данным разума», в отличие от «данных опыта», нам дает интуиция, под которой, следуя Дж. Билеру, мы подразумеваем «не магическую силу или внутренний голос, таинственную “способность” или что-то в этом роде. Для вас интуиция *A* означает, что вам кажется, что *A*. Здесь “кажется” понимается не как предупредительный или “подстраховывающий” термин, а как термин для осознанного действительного события. Например, когда вы впервые рассматриваете один из законов де Моргана, часто он не представляется ни истинным, ни ложным; однако, после минутного размышления происходит нечто новое: внезапно это просто кажется правдой» [Bealer: 30].

Подобная «кажимость» явно интеллектуальна по своей природе, не являясь чувственной или навеянной воображением. Рационализм говорит нам о том, что подлинное априорное знание возможно ввиду когнитивной человеческой способности к рациональной интуиции, и рациональная интуиция всегда снабжает нас абсолютно непогрешимой информацией о факторах истинности необходимых предложений. Современный рационализм, или неорационализм, напротив, утверждает, что рациональная интуиция далеко не всегда дает достоверную, тем более абсолютно непогрешимую информацию об этих факторах.

Что касается кантианского структурализма, то он сохраняет кантовскую абстрактность и каузальную нейтральность факторов истинности, но абстрактные объекты ментальных рассуждений не интерпретируются как независимо существующие сущности, а всего лишь как различные роли, позиции или функции в абстрактной формальной реляционной системе, в когерентном наборе взаимосвязанных шаблонов или конфигураций. Отсюда, в частности, каждая логическая система представляет собой абстрактную формальную реляционную совокупность, состоящую из целостного набора логических шаблонов или конфигураций. При этом ментальные объекты являются не чем иным, как различными ролями, позициями или функциями в некоторой такой системе.

Отсюда становится ясным, что предложенная логическая модель сознания метафизична в том смысле, что допускает абсолютно независимое многообразие своих применений. И поэтому можно, например, говорить о гипотетическом сознании искусственного интеллекта, когда вместо нейронной логики мы рассматриваем и описываем логику цифровых схем, или о гипотетическом сознании кремневых существ, когда вместо нейронной логики рассматривается логика кремневых «нейронов» и т.д. Априорность и аналитичность применяемой модели в этом случае служит метафизическими основанием феномена подобного сознания, что вполне соответствует тому, о чем говорил еще Кант: «Всякую философию, поскольку она опирается на основания опыта, можно назвать эмпирической, а ту, которая излагает свое учение исключительно из априорных принципов, — чистой философией. Последняя, если она только формальна, называется логикой; если же она занимается лишь определенными предметами рассудка, то она называется метафизикой» [Кант 1965: 222]. Использование же в логической модели систем модальных логик (деонтических, доксастических, эпистемических и др.) позволит говорить о включении в диапазон рассмотрения рассматриваемой модели вопросов, относящихся уже к сфере практического разума и нравственности, практической этики.

Таким образом, представленная логическая модель сознания в силу своей абстрактности дает нам критерий сознательности актуального состояния человеческого мышления, позволяя судить о том, какие когнитивные мыслительные состояния являются сознательными, а какие нет. Это как раз и диктует нам то, каким образом мы можем рассуждать о сознании или как его характеризовать, не выходя за пределы области сознательного и при этом находясь в границах философского уровня рассуждения. Дальнейшие направления исследований в области философии сознания, несомненно, потребуют учета и понимания как метафизических, так и иных философских аспектов данного направления.

Список литературы / References

- Васюков В.Л. Логика сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022а. Вып. 3. С. 151—158.
(Vasyukov V.L. Logics of consciousness, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022a, iss. 3, pp. 151—158. — In Russ.)
- Васюков В.Л. Кантовский априоризм и современный неорационализм // Трансцендентальный поворот в современной философии — 7. Эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект: сб. материалов междунар. науч. конф. Москва, 21—23 апреля 2022 года. М.: РГГУ, 2022б. С. 128—130.
(Vasyukov V.L. Kant's Apriorism and Modern Neorationalism, *Transcendental Turn in Contemporary Philosophy — 7. Epistemology, Cognitive Science and Artificial Intelligence*, Moscow, 2022b, pp. 128—130. — In Russ.)
- Васюков В.Л. Логики самосознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 134—142.
(Vasyukov V.L. Logics of self-consciousness, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 134—142. — In Russ.)
- Калинин П.Е., Портнов А.Н. Проблемы языка описания сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Вып. 2. С. 8—36.
(Kalinin P.E., Portnov A.N. Problems of the language of description of consciousness, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2009, iss. 2, pp. 8—36. — In Russ.)
- Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 4, ч.1. М.: Мысль, 1965. С. 219—310.
(Kant I. Groundwork of the Metaphysics of Morals, *Kant I. Works: in 6 vols.*, ed. by V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oyzerman, vol. 4, pt. 1, Moscow, 1965, pp. 219—310. — In Russ.)
- Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Наука, 1999. 655 с.
(Kant I. Critique of Pure Reason, Moscow, 1999, 655 p. — In Russ.)
- Юрьев Д.Н. Новая трехзначная логика // Труды научно-исследовательского семинара по логике. Вып. XV. М., 2001. С. 120—125.
(Yuriev D.N. A new three-valued logic, *Proceedings of the Research Seminar on Logic*, Moscow, 2001, iss. XV, pp. 120—125. — In Russ.)
- Bealer G. A Theory of the A Priori. *Philosophical Perspectives*, Epistemology, 1999, no. 13, pp. 29—55.
- Vasyukov V.L. Structuring the Universe of Universal Logic, *Logica Universalis*, 2007, no. 1, pp. 277—294.

METAPHYSICAL ASPECTS OF THE PHILOSOPHY OF MIND

Vladimir L. Vasyukov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
vasyukov4@gmail.com

Abstract. The way we talk about consciousness dictates the answer to the questions about which states of consciousness are conscious. Theorists of consciousness generally do

not provide a metaphysical justification for the nature of consciousness or what it is, especially since the usual view of thought is not in the form of asserting what consciousness is, but rather of the conditions under which the actual state is a conscious one. In order to overcome the difficulties that arise here, it is desirable to rely on a description of the nature of consciousness by elucidating certain metaphysical aspects of consciousness. As a starting point for such a description, it is proposed to use the model of consciousness proposed by the author in the work "The Logic of Consciousness", based on a combination of "neural" logic, which describes the causal connections of neuronal states, and "mental" logic, which describes various types of connections of mental states.

Keywords: memory-continuity, Cratylus's world, Parmenides's world, Laplace's world, Bergson's world, immortality

For citation: Vasyukov V.L. Metaphysical aspects of the philosophy of mind, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 134—141.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Васюков Владимир Леонидович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, заведующий кафедрой истории и философии науки, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, vasyukov4@gmail.com, SPIN-код: 4015-8525

Vasyukov Vladimir Leonidovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow, Head of the Chair of the History and Philosophy of Science, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, vasyukov4@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 142—154.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 142—154.

Научная статья

УДК 165.12

EDN <https://elibrary.ru/fggatc>

DOI: 10.46726/H.2025.4.16

СОЗНАНИЕ СУЩЕСТВУЕТ И НЕ СУЩЕСТВУЕТ, ВЫРАЖАЕТСЯ И НЕ ВЫРАЖАЕТСЯ В ЯЗЫКЕ

Эмилия Анваровна Тайсина

Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Татарстан, Россия, emily_tajsin@inbox.ru

Аннотация. Постановка данной проблемы не нова — это размышление о взаимоотношении идеального и материального — как не являются абсолютной новостью существующие в истории философии варианты решений. В онто-гносеологическом ключе решается, во-первых, вопрос о генезисе; во-вторых, реверсивно, о способах воплощения идеального в материальном. В сущности, философских направлений мысли (исключая богословские), эксплицирующих указанную диаду, всего шесть: материализм, два вида идеализма, дуализм, гилозионизм и особняком стоящий вульгарный материализм («сознание материально»), «сводящие» их обратно в некое единство. Но содержательно этих моделей намного больше. Часто соотношение языка и сознания, с разными нюансами, понимается как связь чувственно воспринимаемой формы и идеального содержания. Однако развитых языков едва 8 000, сознание же фактически безразмерно, и проблема остается. Своеобразный «кварт-квинтовый круг», в который можно выстроить основные решения, был бы неполным без дальнейшей разработки семиотического подхода к бытию, познанию и культуре в целом. Предлагается учесть опыт семиотики экзистенциального материализма, в котором принято, что сознание есть презентация, а язык — ре-презентация бытия, оптимальное место «встречи» идеального и материального, посредник природы и сознания.

Ключевые слова: сознание, язык, онтологический и гносеологический аспекты, семиотика

Для цитирования: Тайсина Э.А. Сознание существует и не существует, выражается и не выражается в языке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 142—154.

...Richtige Anschauung von der Welt
ist ... zuerst klar ausgesprochen von Heraklit:
Alles ist und ist auch nicht, denn alles *fließt*,
ist in steter Veränderung, in stetem Werden
und Vergehn begriffen.

Введение. Первым отечественным философом, в новейшее время целенаправленно очертившим проблему взаимоотношения сознания и языка и начавшим изучать по преимуществу именно это нераздельно-неслиянное единство, был Александр Николаевич Портнов.

Несмотря на обширную историю — совпадающую с историей человечества — самого этого онто-гносео-социо-психо-физио-логического феномена и на достаточно долгий, исчисляемый тысячелетиями, период эпистемологического его исследования, начиная с диалога «Кратил» по меньшей мере или, по

свидетельству Платона, с творчества фиванского поэта Пиндара, — проблема остается открытой для заинтересованного внимания все новых философов, в силу неизмеримой сложности предмета и неизбывной потребности человека к самопознанию.

Начну с немецкой философской классики, которую Александр Николаевич прекрасно знал, а именно, с проблемы движения вообще, принимая это вступление, как и эти координаты, единственно подходящим форматом для рассмотрения сознания и языка в онтологическом ключе. Сакраментальное «[Материя]... выступает... в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык также древен, как и сознание; язык есть практическое... действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [Маркс, Энгельс: 27] — эмблематическое это разъяснение, казалось бы, не нуждается ни в развертывании, ни в экспликации, ни в обновлении.

Однако новизна состоит не только в новой идее. Структура доказательства включает, кроме тезиса, доводы и демонстрацию; и в этих двух сферах новизна не только возможна, но и желательна.

Онтологический аспект. Один из первых натурфилософов, Гераклит, возвестил: πάντα ῥεῖ καὶ οὐδὲν μένει (всё течет и ничто не пребывает), εἰμέν τε καὶ οὐκ εἰμέν — «есть и не есть» (фрагмент 49 а) [Кессиди]. Эпиграф из «Анти-Дюринга» («...правильный взгляд на мир был... впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как все *текет*, все постоянно изменяется» и т. д. [Энгельс: 16]) хорошо объясняет неуловимо-плывущий, скользящий, летящий, пульсирующий, пружинящий, динамический характер сознания как самой сложной формы движения, отнесеной Энгельсом к «социальной» без специального выделения. Это не только натурфилософская, но подлинно онтологическая основа материалистического подхода к сознанию.

Известнейшее место из гл. XII «Анти-Дюринга»: «Движение само есть противоречие... тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно — в другом, ... находится в одном и том же месте и не находится в нем» [Там же: 119]¹. Кстати сказать, во всем «Анти-Дюринге» слово «язык» в связи с нашей темой употребляется лишь однажды — и именно в том смысле, что «абстрактное, отвлеченное, подлинное мышление» невозможно вне языка. Формы мышления с формами языка осознанно объединила еще логика Лейбница и Фреге. Но это также классическая формула материализма — и она разворачивается в следующие постулаты.

Материален источник сознания — объективный мир, материально свойство отражения, возникающее во взаимодействии природных систем, когда они обмениваются веществом, энергией и информацией таким образом, что одна из систем приобретает сходство с другой. Генезис свойства отражения через такие стадии как раздражимость, чувствительность, таксис, инстинкт, рефлекс, мимесис, кинесика, проксемика etc., изучают естественные науки; философия вырабатывает общие подходы в них и для них.

Сознание манифестирует себя во всех формах культуры, материальной и духовной; оно порождается и воплощается в нейрофизиологических операциях мозга, электрических сигналах, будучи его продуктом, его «работой»; сознание

¹ В оригинале: “Die Bewegung selbst ist ein Widerspruch; ... ein Körper in einem und demselben Zeitmoment an einem Ort und zugleich an einem andern Ort, an einem und demselben Ort und nicht an ihm ist” [Engels: 112].

реифицируется, «оседает», оцепеняясь, в разнообразных текстах, в том числе в программах ИИ; сознание «прочитывается» в «языке» тела² (поза, постановка, мимика, жесты, «комплекс оживления» у ребенка); однако *оптимальным образом* сознание выражается в естественном разговорном человеческом языке (плюс в его более-менее богатых аналогах в виде искусственных кодов).

Основных философских направлений мысли (не рассматривая богословие), решающих проблему взаимосвязи идеального и материального, не так много. В вопросе генезиса обычно выделяют материализм и идеализм, противоположные в смысле наделения статусом порождающего начала (помещая их на воображаемой «вертикали») либо материю, либо сознание. Два логически выделяемых вида идеализма рассматривают сознание либо как человеческое, либо как вне-человеческое, некий вселенский дух. Далее, можно поместить эту диаду на «горизонтали», не поднимая вопрос о первичности. В этом случае возможно максимальное «разведение» материи и сознания как не имеющих общих предикатов; это дуализм, рассматривающий материю и дух как параллели, или психофизиологический параллелизм. Наблюдается и обратное движение, то есть «сведение» этих двух начал в некое единство. Объединение возможно опять-таки двумя способами: первая картина — натурфилософский гилозоизм, полагающей всю природу живой и одушевленной; вторая картина написана в XIX веке под влиянием и средствами быстро развивающейся психофизиологии («сознание материально», «мозг выделяет мысль так же, как печень выделяет желчь»). Позже сознание предлагалось, например, считать разновидностью электрических волн, поскольку сигналы в нервной системе — это электрические токи, передающиеся при посредстве металлов: ионов калия и кальция.

Как движение, сознание лучше всего сопоставимо с бытием и временем, и не только в смысле Хайдеггера — как принцип герменевтической интерпретации. Хайдеггер, еще в своей докторской диссертации, полагал время и язык в качестве горизонта понимания *Sein* и *Dasein*. Но надо подчеркнуть, что сознание — это не имеющая горизонтов сила, равновеликая силе всего универсума, и это не просто метафора: количество нервных связей в мозгу сравнимо с количеством протонов во вселенной.

В каком смысле сознание существует и не существует в языке? В прямом и абсолютном.

Неразрывная связь языка и мышления не нуждается в доказательствах. В языке происходит встреча и интерференция субъективного и объективного. Сознание, однако, шире и объемнее, чем мышление: например, криптофазия у ребенка (первые месяцы жизни, когда понимание и коммуникация уже сформированы, а владения речью еще нет), — да и вся чувственная сфера, начиная с ощущений, существует до поры до времени вне языка (как и воля, и вера, инстинкт etc.). Если же ощущение получает языковое воплощение, оно становится понятием, первичной формой мысли.

А.Н. Портновым разработана новаторская концепция сложной «системы сознания», в принципе не-структурируемого или очень плохо структурируемого, если рассматривать язык и сознание интерналистски, в качестве «океана бытия», в который мы погружены, не различая «верх» и «низ». Однако анализ становится возможным в формате экстернализма, рефлексивно-критически. В таком случае в

² Маркс на полях «Немецкой идеологии» делает пометку: «Люди... должны производить свою жизнь... определенным образом. Это обусловлено их физической организацией, так же, как и их сознание» [Маркс, Энгельс: 27].

сознании различаются несколько слоев, или уровней, половина из которых не предполагает или даже воспрещает использование языка как такового: 1) протосемиотический уровень (нейрофизиологические коды); 2) палеосемиотический уровень, включающий три под-уровня: а) некодифицированная, б) слабокодифицированная и в) полностью кодифицированная невербальная коммуникация.

Лишь затем над этими фундаментальными «этажами» надстраиваются собственно языковой уровень, а также уровень многочисленных знаковых систем как средств познания, коммуникации и выработки форм культуры. В формате теории понимания (в своей сущности кантианской) язык описывается как способ, или форма, жизни. Язык предстал как предельное онтологическое основание сознательной деятельности. Это приняли и марксисты, и позитивисты, и аналитики, и экзистенциалисты. Философия сознания, изначально творение немецкого гения, превратилась ныне в философию языка.

Интересный вопрос: как возможно, что всего несколько тысяч развитых языков, 90% из которых при этом бесписьменные, справляются с задачей структурной организации текущего, неизменно-изменчивого, континуального, в принципе «бесформенного», — и притом нематериального — сознания как своего содержания? Сложно уяснить, каким физико-физиологическим образом материальная система знаков может «обуздить» в обоих смыслах идеальную аморфную стихию и управлять ею. Вспомним примеры Фреге и Хайдеггера об абсурдной попытке совместить золотую монету и банкноту одного и того же номинала! Лингвистам приходилось, например, изыскивать «внутреннюю форму слова», чтобы поместить знак и образ сознания в однородную (идеальную) среду...

Очевидно, что сами эти примерно 8 000 языков и «язык» как таковой строго иерархичны. В них различаются отдельные уровни «знаковизации»: конвенции, суппозиции, субалтерации и т. д. Средневековые логики, например, Уильям Оккам, различали в языке имеющие лексическое значение термины первичной интенции (обозначающие объекты) и термины вторичной интенции (обозначающие понятия), а также первой импозиции (обозначающие и объекты, и понятия) и второй импозиции (синкатегорематические знаки, имеющие лишь грамматическое значение: имя, прилагательное, существительное, склонение, и т. д.).

Грамматическая структура языка и его вокабуларий, как и определенный фонетический строй, прекрасно упорядочены, чего никак нельзя сказать о сознании: практически все рассуждения о его «компонентах» являются абстракциями, идеализациями, схематизациями, упрощениями. Упорядоченными предстают лишь высшие уровни сознания — умозаключения и более крупные «блоки» форм научного познания, от идеи и принципа до гипотезы и теории.

А.Н. Портнов привлекал для объяснения и разрешения указанного дуализма идеи Арнольда Гелена, одного из создателей философской антропологии, который разработал учение о языке как способе *самоорганизации сознания*. Действительно, с точки зрения диалектики, форма — это совсем не только *внешнее*. Это способ связи элементов содержания, любого содержания. А содержание — это всё в объекте, включая форму, а не только «внутреннее».

А. Гелен предложил кардинальное решение проблемы³, основываясь на концепции психофизического нейтралитета. В его учении центральным элементом является понятие действия, которое представляет собой интеграцию

³ Однако в философской антропологии А. Гелена остаются открытыми гносеологические вопросы о движущих импульсах перехода от чувственности к мышлению и режимах символизации («знаковизации», «языковизации»).

внешнего и внутреннего, физического и психического, телесного и душевного. Гелен определял человека как «действующее существо», физиологически устроенное таким образом, что его выживание возможно исключительно посредством активного действия. Это очень напоминает марксистскую концепцию практики (за исключением того, что у Гелена преобладает биологизаторский настрой). Самое главное, на что обратил внимание А.Н. Портнов, — это эвристический потенциал идеи о языке как средстве преодоления отчетливо ощущаемой границы между чувственной, практически аморфной сферой сознания и его высшим достижением, мышлением, с его развитыми формами, начиная с понятия. Именно благодаря этому качеству, как представляется, язык стал посредником и в универсальном смысле — между бытием вообще и социальным бытием, культурой в целом «как совокупностью знаков, управляющих поведением человека». Анализируя феноменологию, А.Н. Портнов указывал на некий ключ к распознаванию «семиотической отмеченности»: это чувство уверенности, что перед нами нечто, имеющее смысл.

С другой стороны, думается, что есть необходимость объяснить, как соотносятся соответствующие программы (подходы, направления, парадигмы) исследования взаимосвязи языка и сознания.

Гносеологический аспект. Гносеология рассматривает поставленную проблему взаимоотношения природы и сознания реверсивно, не с точки зрения генезиса или возможности традуктивного перехода, но с точки зрения способов воплощения идеального в материальном («как относятся наши мысли о мире к самому этому миру»). В этом ключе мы будем рассматривать уже не диаду (материальное — идеальное, объективное — субъективное, природа — дух и т. п.), но триаду, в которой язык помещен на почетное центральное место: либо в качестве посредника, либо в качестве универсальной среды.

Единство сознания и языка не является тождеством, как не являются тождественными исследовательские подходы к этому единству и его оценки. А.Н. Портнов полагал, что исследование взаимоотношений языка и сознания необходимо включает анализ, с одной стороны, экзистенциальных программ («философия жизни»), и с другой, рефлексивно-концептуальных уровней («философия науки»).

Рассматривая проблему в эпистемологическом ключе, А.Н. Портнов писал о различиях в трактовке того, что в принципе можно рассматривать в качестве языка⁴. Полагаемые в разные эпохи развития философской мысли границы и варианты трактовки «языковости» (и «знаковости»), во-первых, определяют различия в понимании природы сознания, а во-вторых, задают определенную дистанцию от языка: 1) сознательное растворение в языке, понимание его как «дома бытия»; 2) строгое и отстраненное рассмотрение языка, «игра с означающими», декомпозиция текста и т. п.⁵

Мысля примерно в том же ключе, М. Фуко в трактате «Слова и вещи» указывал: «В современном мышлении методы интерпретации противостоят приемам формализации: первые — с претензией заставить язык говорить из собственных

⁴ В оригинале: “Die Bewegung selbst ist ein Widerspruch; ... ein Körper in einem und demselben Zeitmoment an einem Ort und zugleich an einem andern Ort, an einem und demselben Ort und nicht an ihm ist” [Engels: 112; Портнов: 14].

⁵ Собственная позиция А.Н. Портнова сказывается в следующем замечании: нарочитое разрушение текста есть тем самым, *разумеется*, и разрушение сознания (*Курсив мой*. — Э.Т.)

его глубин, приблизиться к тому, что говорится в нем, но без его участия; вторые — с претензией контролировать всякий возможный язык, обуздывая его посредством закона...» [Фуко: 323].

Эпистемическое богатство подходов к сознанию и языку как его орудию, разумеется, не исчерпывается указанными выше, самыми общими и самыми существенными. Содержательно их намного больше: по меньшей мере, вдвое. Всегда существует исследовательский интерес, побуждающий от бинарных оппозиций перейти к более сложным, «объемным» моделям в силу предельной содержательности проблемы. У А.Н. Портнова это «аспектикация»: дифференциация программ в зависимости от того, как понимаются сознание (форма психической деятельности, экзистенциальный центр, интеллектуальное орудие или «фоновое», периферийное знание) и язык (дефинитивный признак человека, отдельные семитические системы вида национальных языков, — или семиотическая деятельность). Выстраиваясь своеобразным порядком, концепции сознания и языка придают исследованиям некую геометрию эллипса или даже окружности, а не прямого отрезка. Для этого А.Н. Портнов применяет методологический регулятивный принцип дополнительности, что позволяет рассматривать разные программы исследования языка и сознания как «взаимодополнительные».

Следуя этим путем, здесь мы проведем опыт аранжировки и основных, и дополнительных подходов в продуктивную модель своеобразного хроматического круга, созданного еще в 1679 году под названием «колеса квинт» русско-украинским композитором Николаем Дилецким в книге «Идея грамматики музыкийской»⁶. На это нас вдохновляет также Гераклит, говоривший: ξυνὸν γὰρ ἀρχὴ καὶ πέρας ἐπὶ κύκλου περιφερείας (совпадают (ξυνόν) начало и конец у окружности) [Кессиди].

Темперация, то есть сужение или расширение интервалов музыкального строя по сравнению с акустически чистыми, «натуральными» интервалами, приводя к выравниванию квинт, позволяет пианисту играть во всех возможных 24-х классических тональностях. Можно начинать рассмотрение взаимного соседства гносеологических «тональностей» с любой «гаммы», но для нас естественнее отдать предпочтение материализму, а в его парадигматике изначально сознание понималось в соответствии с принципом отражения. В дальнейшем пришлось много раз уточнять, что идеальный образ имеет специфику по сравнению с, например, отпечатком на земле или следом волны на песке. И это не только (плохо определяемая) идеальность; это сугубая подвижность, «бидоминантность и бимодальность» сознания (термины Д.И. Дубровского), то есть присутствие в нем координаций «Я — не-Я» и «Я — Ты») и т. д.

Внешний круг на модели — мажорный. Минорный (подходы вида пессимизма Шопенгауэра) мы не рассматриваем.

Через «квинту» от материализма, идя по часовой стрелке круга, помещается объективный идеализм в его лучшем выражении — диалектика Гегеля. Апроксимация между этими «тональностями» возможна потому, что, во-первых, онто-гносеологический объект изначально берется в гегелевской философии как реально существующий, а во-вторых, как познаваемый: «само собой понятно, что мышление может познать то содержание, которое уже заранее является содержанием мысли» (по выражению Энгельса).

⁶ Гораздо лучше мы знаем кварт-квинтовый круг из «Хорошо темперированного клавира» «бога музыки» И.С. Баха. Характерно, что у Н. Дилецкого под квинтовым кругом стояла подпись: «Образъ колесо пришелце наземли».

Еще один «квинтовый шаг» по кругу дает нам дуализм — прежде всего, картезианский. Сближение с предыдущей «тональностью» происходит на основе того, что у Декарта *res extensa* существует независимо, как в материализме, а *res cogitans* — свободна как абсолютная идея Гегеля.

Следуя далее, через «квинту» мы приходим к спекулятивному реализму (К. Мейясу, Г. Харман, Й. Регев), который, критикуя корреляционизм, стремится к реабилитации независимости и самостоятельности объекта как такового. «Помимо алмазов, веревки и нейтронов, объекты могут включать в себя армии, чудовищ, квадратные круги... драконы... феи... парусные шлюпки и атомы» [Харман: 16]. «Под «корреляцией» мы понимаем идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [Мейясу: 11]. Парадоксальным образом анти-кантианцы, с их критикой релятивизма=«корреляционизма», порицают мэтра за произведенный «надрыв»⁷ (терминология Грэма Хармана), элиминирующий объект(ы).

Это постнеклассическая интерпретация Канта. Термин *overmining* объяснен как редукция объекта к «пучку качеств», как это было у Беркли; в них объект исчезает. Противоположная операция — *undermining* — это эсценциализм. В материализме принят термин «отрыв» (от вещи-в-себе).

Идя *против* часовой стрелки по законам хорошей темперации — через квинту, следующее место можно отвести открыто «склеивающему» материю и сознание гилозиозму и даже натурфилософии в целом. Апроксимация основана на соседстве с таким направлением, как вульгарный материализм.

Далее стоит, несколько нарушая логику квинтового круга, выделить отдельной тональностью гносеологию кантианства с его вариантом отношения к материи как к некоему *X* («Вне нас, конечно, может существовать нечто такое, чему соответствует это явление, называемое нами материи»)⁸. Элиминация «материи» у Канта значительно смягчена; несомненно, под влиянием его занятий естествознанием в первый период творчества.

Следуя далее по кругу, через «квинту» мы приходим к чистому субъективному идеализму вида Беркли, Юма и впоследствии Фихте.

Дальнейшая череда сменяющих друг друга «квина» — это феноменология — экзистенциализм — герменевтика (что, скорее, метода), связанные отношениями порождения, буквально преемственностью наставников. Продвигаясь с разных сторон и где-то «сталкиваясь локтями», экзистенциализм («бемоли») и позитивизм («диезы») вместе устремляются к одному и тому же предмету заинтересованного внимания — языку.

В кварт-квинтовом круге, начиная с пяти знаков альтерации, «мажорные» полукружия с диезами и bemолями начинают сходиться. Гаммы с большим количеством знаков практически на исполняются, и соответствующие тональности не используются. Полное совпадение тональностей с диезами и bemолями происходит на шестом шаге, где гамма фа-диез мажор — та же в технике, что соль-бемоль мажор. Но в опыте построения гносеологического круга такое полное совпадение не наблюдается — хотя мы действительно можем ныне говорить о когнитивном (достаточно парадоксальном) сближении экзистенциализма как

⁷ «Отрицающие то обстоятельство, что объекты являются структурным элементом философии, ... могут говорить, что объекты — это только поверхностный эффект некоей более глубокой силы, и в итоге объект оказывается подорван (*undermined*)» [Харман: 17].

⁸ Продолжение цитаты: «... материя означает не особый вид субстанции..., а только неоднородность явлений предметов (которые сами по себе нам неизвестны)...» [Кант: 684].

философии жизни и позитивизма как философии науки, в результате чего место классической гносеологии как философии сознания заняла философия языка («шестой шаг»). Объективной онтологической основой указанного сближения является то, что жизнь человека совпадает с познанием; гносеологической — общая философская их основа, кантианство.

Классика или не классика, постклассика или постнеклассика, последний европейский метафизик Хайдеггер очень помог «перекличке» парадигм. Для феноменологии — экзистенциализма — герменевтики главным в исследовании человеческого существования стал контекст культуры и, прежде всего, язык. Позитивизм же, со своей стороны, переходит от аналитической философии (логической стадии) к лингвистической. Утверждалось положение, что естественный разговорный человеческий язык является универсальным интерпретатором — как для науки, так и для (научной) философии.

Позитивизм, позиция гносеологического оптимизма, имеет нечто общее даже с психофизическим параллелизмом в плане агглютинации: в рамках обеих программ исследователи стремится избежать метафизических спекуляций и опираться на факты наблюдения и опыта, претендуя на «третью» линию в философии. (В эмпириокритицизме, как известно, как и у Гелена, не делалось различия в статусе «физических и психических элементов»).

Есть много примеров если не совпадения, то сближения разных позиций. Так, А.Н. Портнов в своих трудах всегда подчеркивал важность коммуникативного свойства сознания. Эта тема глубоко прорабатывается и сегодня [Mitias: 19; 38; 67]. А феноменология, отказавшись от признания диалогического характера сознания, поставила акцент на таком его свойстве, как интенциональность. Это свойство изучается не только в феноменологии; оно присутствует и в телеологическом истолковании развития вселенной — варианте антропного принципа, сближающего современный гилязоизм с герменевтикой на основе возможности построения модели живого и одушевленного космоса, напоминающего опять-таки Космос-Логос Гераклита.

Итак. «Мажорный полукруг с диезами»: материализм (без подробного выделения исторических форм) — объективный идеализм — дуализм — спекулятивный реализм — позитивизм (без подробного выделения фаз).

«Мажорный полукруг с бемолями»: натурфилософия (гилязоизм) — (выделенное) кантианство — субъективный идеализм — феноменология с ее «эпохэ» — экзистенциализм с его онтологией без гносеологии — герменевтика с ее методологией — и опять позитивизм, сближенный с экзистенциализмом на культурном фоне постмодерна, отказавшегося от объективности в пользу интерсубъективности.

Вводимые дополнительные знаки альтерации (дубль-диезы и дубль-бемоли) позволяют, в случае необходимости, различить более дифференцированно и другие философские подходы к познанию: по отношению к истинному знанию — догматизм и релятивизм, по отношению к абстрактному знанию — номинализм и реализм, по отношению к движущей силе познания — волюнтаризм и фатализм, по отношению к диалектике — эклектику и софистику, в формате философии науки — четыре формы позитивизма и т. д. Можно поместить особняком творчество Витгенштейна, что зачастую и делается, или выделить аналитическую философию среди остальных форм позитивизма как современный мейнстрим философии языка⁹. Это будет более «тонкая подстройка», чем

⁹ А.Н. Портнов указывал, что в широком контексте идеи феноменологов Щюца, Лукманна, Бергера, Вальденфельса совпадают с некоторыми идеями, сформулированными в рамках аналитической философии Ю. Миттельштрасс.

темперация круга, но обогащенное содержание не изменит опорного эпистемического «каркаса», пригодного для изучения истории идей в их взаимозависимости и развитии.

Нельзя не заметить, что расстояние между спекулятивным реализмом и позитивизмом довольно велико и не равно условной «квинте», оно «далыше». Мы предлагаем необходимое дополнение, двенадцатый сегмент квинтового круга. Это *экзистенциальный материализм*, развиваемый автором на основе иной классификации форм материализма, нежели историческая, — выделенный *логически*, наряду с натурфилософским материализмом. Этот материализм признает объективное существование материи — и учитывает субъективный аспект познания и общения, с этой целью используя семиотику. В нем принят взгляд, согласно которому начало сознания и познания — состояние “*Dabewußtsein*” (“*Da-bewußt-tsein*”, здесь-и-теперь-бытие-сознание).

Обратимся к идее А.Н. Портнова о том, что проблема взаимосвязи языка и сознания есть проблема *семиотическая*. С этим можно полностью согласиться. Для семиотики лингвистический поворот стал переходом к разработке pragmatики, в которой (в отличие от высоко-теоретической семантики) язык рассматривается как особое поведение: вслед за Витгенштейном, это может быть игра, вслед за Ричардом Рорти — инструмент «регулярного употребления метки или шума» [Рорти: 243], а в рамках современной психолингвистики — «относительно упорядоченная совокупность разнообразных дискурсов» и т. д.

Для Рорти и ему подобных постмодернистов язык — это «люди, использующие шумы для исполнения желаний». Надо заметить, что современной психолингвистике также «открылось», что носителем значения является не знак, но ... человек. «Предполагается, что человек осваивает слова не как единицы абстрактной системы языка, к которым «прикреплены» определенные значения, а как одно из материальных, возможно, и самых удобных, но лишь средств реализации коммуникативных актов, возникших в ходе исторического развития различных форм и способов коммуникативной деятельности и используемых для актуализации значений, имеющихся у партнера по коммуникации, обеспечивая ... успешность совместной деятельности» [Нечаев]. Однако, как не может постпозитивист потрясти диалектического материалиста удивительным сообщением о существовании революций в развитии научного знания или о том, что мыслит не сознание, а человек так этого не может и современный номиналист. В «Материализме и эмпириокритицизме» есть замечательное место: мыслит не мозг, а человек при помощи мозга. А философия, допускающая мысль без мозга — безмозгая философия.

В каком смысле сознание выражается и не выражается в языке? В прямом и абсолютном.

Оставляя в стороне индийскую традицию, утверждающую возможность существования мысли вне слова, мистику византийского исихазма и тютчево «мысль изреченная есть ложь», обратимся к философской концепции А.Н. Портнова еще раз. В его трудах вскрывается диалектика соотношения вербализованных (или в принципе вербализуемых) и невербализованных (в принципе невербализуемых) слов динамично функционирующего сознания и подчеркнуто, что, по крайней мере, в феноменологии основополагающей идеей является первичность прототипического, невербализованного опыта, континуального и недискретного.

Основные функции языка — коммуникативная, когнитивная и модальная. Поэтому языковые знаки могут рассматриваться в семиотике, вслед за Ф. де Соссюром, как элементы системы — или как самостоятельные сущности, согласно Ч.С. Пирсу. Следуя идеям А.Н. Портнова, “*das Selbst*”, личностная

самость, «коммуникативна по своей природе», это язык «для других» (функция общения), позволяющий идентифицировать себя, путем разъяснения [чего-то] другим людям осознать себя самого; а язык «для себя» не просто «органон», орудие мысли, а «интегральный компонент саморазвития духа» (когнитивная функция). «Мысль есть единство общения и обобщения» — приводил формулу Л.С. Выготского А.Н. Портнов. Философ также с большим уважением отзывался о прозрениях Гегеля относительно того, что язык — это «язык совести», то есть интерсубъективно признанные и концептуализированные, направляющие поступок, нормы, ценности и идеалы (модальная функция).

Частью нашей теории познания является то, что именно семиотика позволяет, путем всестороннего исследования идеальной стороны знака — его значения, достоверно объяснить соотношение сознания и языка как *презентацию* и *репрезентацию*. Если в семиотическом треугольнике признать обозначаемый (объективно-реальный) предмет, с точки зрения материализма, *источником* образов сознания и в этом смысле *первичным*, а его представление (значение знака), соответственно, вторичным, то чувственно-воспринимаемый акустико-артикуляционный комплекс или графема, «материя языка», является *вторичным* по отношению к значению.

Представление, *Vorstellung* — центральный образ сознания; прочие образы располагаются либо «ниже», либо «выше» его, либо, в известном смысле, «рядом» с ним, если говорить об искусственных «языках». (В рамках данной статьи не анализируются сигналы животных, квази-языки типа сигнализации флагами и т. п.). Как об этом писал на своем изысканном языке Хайдеггер, «Пред-ставление, при исключении всех «психологических» и «теоретико-познавательных» предмений, означает здесь допущение противостояния [Entgegenstehenlassen] в качестве предмета. Противостоящее, как так поставленное, должно измерить открытую навстречность [offenes Entgegen] и при этом все же оставаться как вещь в себе и показать себя как нечто постоянное» [Хайдеггер: 95]. Эта диада познаваемого фрагмента действительности и познающего его сознания первична, и представление, *cor cordium* идеального, первично по отношению к подбираемому или заимствованному знаку в языковой ситуации, призванному репрезентировать, то есть ре-представить познаваемый объект. Так возникает триада объект — язык — субъект, она же субъект — язык — субъект. Это и есть семиотический треугольник: знак-значение-объект; бытие-понятие-имя.

«Самость» самосознания, или понятность его другим и себе, предполагает использование знаковых средств, считал А.Н. Портнов. Смысл коммуникативного акта возникает и проявляется в процессе совместной практической деятельности. Для того чтобы этот смысл стал понятен коммуниканту, необходимо найти способ его материализации. В некоторых случаях сам преобразованный объект становится носителем значения, и тогда язык не нужен; в других случаях используются звук, графема, мимика, кинесика и проч. Эти средства становятся знаками только после того, как они уже приобрели значение. Именно значения, образы сознания, презентаты, а не их материальные носители, репрезентаты, являются коммуникативными средствами. Вектор совпадения зависит от роли субъекта в акте семиозиса (вырабатывает он знаки, передает или усваивает); важен также трек, по которому направляется информация¹⁰.

¹⁰ Исключительно эффективным, надолго запоминающимся является следующий пример: «Когда Золушка идет в магазин купить себе пару новых туфель, размер своей ноги она считаетенным и подбирает под него туфли. Однако когда принц ищет обладательницу хрустального башмачка, он исходит из его размеров и подбирает ногу под башмачок» (Дж. Серл).

Direction of fit, направление соответствия/совпадения значения — прямо на объект-референт, как бы его не называли в зависимости от типа семиотической ситуации: денотат, десигнат, сигнификат, интерпретант, etc. Знак же является материальной, т. е. чувственно-воспринимаемой ре-презентацией объекта-референта; направление соответствия/совпадения может быть изображено ломаной линией: сознание устремляется сначала к предъявляемому знаку и через его восприятие — на объект. Надо отметить еще многочисленные случаи «ухода» знака целиком в сознание: когда и объект является нематериальным (например, научная теория), и его значение идеально, и знак или сет знаков также помещается в памяти или изначально представляет собой «символический» образ (например, математические абстракции).

В действительности значение — идеальная презентация объекта — имеет сложную структуру, в которой представление или понятие являются центральным компонентом; плюс к нему различаются еще два, модальный и криптокомпонент. Это, однако, тема специального исследования. Мы здесь не рассматриваем большинство теорий значения, полагая его идеальной сущностью *sui generis*, презентатором из рода гносеологических образов, а не отношением, употреблением, использованием, игрой и прочим.

Заключение. Семиотика экзистенциального материализма основана на следующих постулятах.

Язык — не только «инструмент» употребления в действие ради предметной, практически-производительной активности, но и самостоятельный объект изучения; это внепространственная местность, или место, встречи со-бытия и сознания, область определения универсалий, выражающих мировую схематику и синтагматику.

Отношение обозначения не является естественным, «природным» для vehicle, «транспортного средства», — вещи, призванной послужить знаком. Оно, так сказать, темперировано: сужено или расширено по сравнению с «натуральным» отношением сознания и объективно-реального бытия. Оно формируется под влиянием социальных и культурных факторов. Образ сознания связан со своим объектом генетической связью — и вообще всеми возможными связями, — главной из которых, с точки зрения семиотики, надо признать представление, презентацию; язык же генетически не порождается бытием непосредственно. «Ничто в предметной действительности не заставляет ребенка заговорить» [Лисина, цит. по: Нечаев]. Отношение языка к референту оптимально выражается термином «ре-презентация», двойная презентация, обусловленная социальным механизмом коммуникации.

Акустико-артикуляционные качества составляют материальную сторону языка. Фрагмент действительности составляет объект, воспроизведимый в сознании в идеальной форме; это «двойное вхождение», эта интерференция материальности в сознание совершается в языковом знаке. И если сознание, чьим предикатом, а точнее *propria*, является идеальность, так или иначе не воплощается в языке, не только коммуникация, но и познание невозможны.

Список литературы / References

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2012. 736 с.
(Kant I. Critique of Pure Reason, Moscow, 2012, 736 p. — In Russ.)

Кессиди Ф.Х. Гераклит. СПб.: Алетейя, 2004. 217 с.
(Kessidi Ph.X. Heraklites, St. Petersburg, 2004, 217 p. — In Russ.)

- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1988. XVI, 574 с.
(Marx K., Engels F. German Ideology, Moscow, 1988, XVI, 574 p. — In Russ.)
- Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
(Meillassoux Q. After the Finitude: an Essay on the Necessity of Contingency, Ekaterinburg; Moscow, 2015, 196 p. — In Russ.)
- Нечаев Н.Н. О новом подходе к языку и речевой деятельности в условиях цифровизации // Психологическая газета. 25.11.2020.
(Nechayev N.N. On a new approach to language and speech activity in the context of digitalization, *Psychological Bulletin*, 25.11.2020. — In Russ.)
- Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. Иваново, 1994. 367 с.
(Portnov A.N. Language and consciousness: the main paradigms of research of the problem in philosophy of the XIX—XX centuries, Ivanovo, 1994, 367 p. — In Russ.)
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-кад, 1994. 406 с.
(Foucault M. Words and things. Archeology of the humanities, St. Petersburg, 1994, 406 p. — In Russ.)
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1983. 483 с.
(Engels F. Anti-Dühring: The Revolution in Science Wrought by Mr. Eugen Dühring, Moscow, 1983, 483 p. — In Russ.)
- Хайдеггер М. О сущности истины // Философские науки. 1989. № 4. С. 96—104.
(Heidegger M. On the essence of truth, *Philosophical Studies*, 1989, no. 4, pp. 96—104. — In Russ.)
- Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкин. Пермь: HylePress, 2015. 152 с.
(Harman G. The Quadruple Object: The Metaphysics of Things after Heidegger, Perm', 2015, 152 p. — In Russ.)
- Mitias M. Human Dialogue, Berlin: Peter Lang GmbH. Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2023, 202 p.
- Rorty R. Is Derrida a Transcendental Philosopher?, *Derrida: a Critical Reader*, ed. by Wood D., Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 1996, 297 p.

CONSCIOUSNESS DOES EXIST AND DOES NOT EXIST, IT IS EXPRESSED AND IS NOT EXPRESSED IN LANGUAGE

Emilia A. Tajsina

Kazan State University of Power Engineering,
Kazan, Tatarstan, Russian Federation; emily_tajsin@inbox.ru

Abstract. The formulation of this problem is not new; it is a reflection on the relationship between the ideal and the material, — similarly, the variants of solutions existing in the history of philosophy are not absolutely new. In the onto-gnoseological key, as is known, firstly, the question of genesis is solved, and secondly, reversibly, the question about the ways of embodying the ideal in the material is discussed. At the core, there are only six philosophical trends of thought (excluding theology) explaining the said dyad: materialism, two types of idealism, dualism which considers matter and consciousness as parallels, hylozoism and the separately standing vulgar materialism, reducing them back into some kind of unity. However, in terms of content, these models are much more numerous. A sort of a “quarto-quint circle” in which the main approaches can be arranged would be incomplete without further development of the semiotic approach to being, cognition and culture as a whole. The author suggests taking into account the semiotics of existential materialism, which accepts that consciousness is presentation, and language is representation of being, the optimal meeting location for the ideal and the material, mediating nature and consciousness.

Keywords: cognition, consciousness, understanding, dreams, images, traditional beliefs, interpretation

For citation: Tajsina E.A. Consciousness does exist and does not exist, it is expressed and is not expressed in language, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 142—154.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Тайсина Эмилия Анваровна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций, Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия, emily_tajsin@inbox.ru, SPIN-код: 6974-2745

Tajsina Emilia Anvarovna — Doctor of Science (Philosophy), Distinguished Professor, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation, emily_tajsin@inbox.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 155—164.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 155—164.

Научная статья

УДК 159.9

EDN <https://elibrary.ru/epdcri>

DOI: 10.46726/H.2025.4.17

ДИНАМИКА ОБРАЗА МИРА КУРСАНТА ВОЕННОГО ВУЗА

Анатолий Степанович Турчин

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии,
г. Санкт-Петербург, Россия, ast55@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема динамики структур образа мира обучающихся, с учетом которой предлагается планировать систему психологического сопровождения процесса вхождения в образовательное пространство военного вуза. Основанием для проведения теоретико-эмпирического исследования выступает противоречие между ожиданиями молодых людей и реальным содержанием организационной культуры конкретной военной образовательной организации высшего образования. Цель статьи заключается в выяснении взаимосвязанных изменений, происходящих в адаптационный период к обучению вузовского типа. Отмечается, что значительная часть первокурсников сохраняют заниженную самооценку и испытывают сомнения в правильности своего первичного профессионального самоопределения. Последнее требует анализа изменений, происходящих не только в семантическом (знаниевом) слое образа мира личности, но и в периферическом слое, в котором первоначальные представления могут отрицаться или деформироваться под влиянием субъективных переживаний, связанных с процессами внутригрупповой стратификации. Особое значение придается выявлению содержания и иерархичности ценностных ориентаций, входящих в ядерный слой образа мира, отражающих динамику операциональных и личностных смыслов, связанных с первичным профессиональным самоопределением курсантов.

Ключевые слова: сознание, картина мира, образ мира, развитие, первичное профессиональное самоопределение, ценностные ориентации

Для цитирования: Турчин А.С. Динамика образа мира курсанта военного вуза // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 155—164.

Пролог. Как и в XVIII—XIX веках, значительная часть современных исследователей психологии сознания связывают его развитие с процессами биологического созревания мозга и накоплением знаний и умений. В то же время сам принцип развития не оспаривался, поскольку уже в середине XIX века Гегель сформулировал известные три закона диалектики, что позволило конституировать сам данный феномен на общефилософском уровне. Однако до настоящего времени не выяснены преимущества отечественных научных школ психологии в описании и объяснении системы условий и средств индивидуального развития. Организационно оформленный в последних десятилетиях XX века акмеологический подход внес значительный вклад в определение феноменологии развития. Однако в нем развитие в большинстве случаев рассматривается как линейно возвышающийся процесс, что, в русле идей А.Н. Портнова и наших исследований, противоречит самой возможности выживания человека в экологически-,

социально- и технологически нестабильной среде [Портнов, Турчин]. Тем самым идея ортогенеза как магистрального пути должна быть заменена идеей кладогенеза как вариативного, наиболее достоверного варианта истолкования роли развития в теории и практике общественного и индивидуального сознания.

Введение. Образ мира как одно из основных понятий отечественной психологической науки не противопоставляется картине мира как таковой, но обозначает ее субъективное отражение в сознании развивающейся личности. В этой связи одним из важных методологических оснований исследования характера взаимосвязи и взаимовлияния содержания этих категорий должен приниматься генетический принцип, согласно которому необходимо учитывать всю предысторию развития процесса или явления. Так, можно обнаружить явную недостоверность в рассказах о себе во всех слоях образа мира, чему способствуют психологические защиты личности и элементарная забывчивость в отношении тех событий, которые на предыдущих этапах возрастного развития казались недостаточно значимыми или были лишены серьезного негативного или позитивного эмоционального фона.

Признавая положение о целостности образа мира, так же нужно признавать правомерность неоднородности содержания его в целом, как и несинхронность динамики его основных слоев. В реальности он представляет собой субъективное отражение картины мира, типичной для соответствующего возраста. Так, если у дошкольника картину мира можно назвать наивно реалистической, в которой причинно-следственные связи обозначаются, но не всегда соответствуют логике науки, а смысловые связи в ядерном слое образа мира достаточно слабы, то у взрослого человека, в силу наличия или отсутствия соответствующего образования и жизненного опыта, во всех слоях образа мира могут наблюдаться частичные рассогласования, не мешающие, впрочем, ему считать свою точку зрения на происходящее вокруг него достаточно авторитетной, если не единственно верной.

Важным условием субъективного сохранения целостности картины мира и образа мира выступает «вписанность» первой, т. е. принятие личностью при уточнении своего собственного образа мира ключевых свойств и отношений, соответствующих модели А.Н. Леонтьева [Леонтьев], а именно: а) предзданности образа мира перцептивным актам (т. е. личность стремится избирательно выделить в новом образе или тексте то, что ей нужно); б) спонтанности перехода от сенсорных модальностей к амодальности (мы склонны этот процесс интерпретировать как своеобразный отбор значений); в) интеграции индивидуального и социального опыта (последнее мы считаем ведущей тенденцией в конструировании образа мира в период взрослости, когда уже проблема дифференциации знания достаточно уяснена).

Достаточно актуальным является вопрос о содержании еще одной категории — «модели мира». Если принять в качестве рабочего определения модели ее проявляемый структурно-функциональный аспект, т. е. предназначение, выражющееся в структурировании реальности и демонстрации возможности осуществления квазидеятельности, без угрозы для своего мировосприятия, то подобная модель позволяет планировать, более-менее адекватно распознавать, реагировать (и даже прогнозировать), рефлексировать изменения в содержании образа мира субъекта, не вторгаясь в его бытийное пространство и не меняя фатально по типу «бабочки Брэдбери» картину мира.

Цель статьи заключается в уточнении существующей динамики изменений во взаимосвязях основных слоев образа мира, с учетом которой может

строиться психолого-педагогическое сопровождение обучающихся на младших курсах, сохраняющих заниженную самооценку и испытывающих сомнения в правильности своего первичного профессионального самоопределения.

Методы (инструменты): для фиксации изменений самооценки первокурсников применена диагностические методики из сборника Н.П. Фетискина [Фетискин, Козлов, Мануйлов].

Результаты. При в целом благоприятной картине учебно-академической успеваемости, как показателе позитивных изменений семантического слоя образа мира первокурсников, целесообразно превентивно реагировать на формальные симптомы несовпадения первоначальной картины мира и выстраиваемой под влиянием образовательно-воспитательного пространства военной образовательной организации высшего образования (ВООВО). Недостаточная осознанность и обоснованность изменений внешнего и центрального слоев образа мира может породить иллюзию ошибочности первичного профессионального самоопределения и стойкую мотивацию к прекращению обучения. Для психологической службы это требует перестройки работы с сознанием обучающихся, а именно рассмотрения возрастного аспекта в оценивании образовательной среды вуза и обогащении содержания воспитательной работы мероприятиями, направленными на уяснение базовых положений организационной культуры. В результате должны быть улучшены показатели самооценки, а динамика ценностных ориентаций должна соответствовать цели воспитания профессионально важных качеств будущего офицера.

В отечественной психологии науке понятие «образ мира» в большинстве случаев используют в интерпретации, данной еще А.Н. Леонтьевым [Леонтьев]. Однако есть ряд рабочих определений [Петухов; Фроловская, Ханина], имеющих некоторое своеобразие. В таких случаях авторы приводят какое-то количество признаков, добавляя к их числу что-то, что может расширять его рамки или, напротив, обозначать границы применения в какой-либо реальности. Иногда, как у Роберта Редфильда [Redfield], понятия образ мира и картина мира используют рядоположено, хотя есть обоснованное сомнение в отношении такой типологии в отношении уже дошкольного возраста. В некоторых отраслях психологической науки, в частности, психологии труда, используют понятие «профессиональный образ мира», подчеркивая тем самым содержательно-специфический аспект [Климов; Серкин 2015; Шмелев]. Последнее, по нашему мнению, есть искусственное сужение субъективного хронотопа личности профессионала, самоактуализация которого должна соответствовать ортогенетическому пониманию траектории развития.

Еще одной слабостью теоретической позиции, формально выстраиваемой в русле системного подхода, по нашему мнению, является опора на постулат о том, что все приводимые характеристики есть компоненты образа мира, и поэтому он является системным образованием, обещающим его хозяину высокий общеразвивающий и адаптационный эффект. Трудно принимать подобные построения в качестве некоторой строгой системы, если нельзя выделить системообразующий компонент, при развертывании которого можно восстановить систему в целом. Так, по Д.Б. Эльконину, системообразующим компонентом игры выступает роль, распознавание и полноценная реализация которой позволяет восстановить все прочие структурные компоненты игровой деятельности [Эльконин].

Большинство существующих подходов к проблематике образа мира можно дифференцировать с учетом различия его трактовок как субъективного образа,

в котором внутреннее и внешнее состоят в пресловутом «единстве» (т. е. трудно определить, что является внешним заимствованием, а что есть субъективное открытие). Иным вариантом обоснования структуры и содержания образа мира может быть какая-то типология признаков, отбор которых осуществлен с учетом приоритетов научной школы. Более продуктивным представляется подход, опирающийся на компромиссный, усредненный вариант восприятия и понимания событийности мира на основе теоретической модели, созданной на основе конвенции в среде сторонников конкретной научной школы психологии. При этом сохраняется некоторый относительно стабильный перечень свойств, к которым можно добавлять что-то субъективно важное, что считают своим открытием (характеристики противоречий между слоями образа мира субъекта, возрастной аспект в развитии слоев образа мира, профессиональные требования к типологии структурных компонентов образа мира и др.) [Аксенова; Баранов, Малахова, Жученко; Мухина].

Сохраняется противоречие в соотнесении на теоретическом и эмпирическом уровнях таких понятий, как «модель мира» и «картина мира». Это явление отражено в ряде дискуссий, когда их могут в качестве одного из оснований для критики научной позиции представителей иной научной школы. Так, в дискуссии по поводу оснований периодизации возрастного развития, созданной Д.Б. Элькониным [Эльконин], из-за ее монооснования — ведущего вида деятельности — высказывалась возражения по поводу его определяющего статуса и влияния на специфическое содержание картины мира на разных возрастных этапах развития психики. В последние десятилетия в психологическом сообществе обсуждается теоретическое положение об удлинении периода детства, как такового, это не может не сказываться на инфантильно-агрессивной позиции достаточно великовозрастных, но обладающих признаками психологии подростка молодых людей [Турчин]¹.

Можно отметить некоторые значимые тенденции в интерпретации взаимодействия и взаимопроникновения слоев образа мира. Чаще всего, в том числе и в наших исследованиях [Терехин, Турчин 2025], особое внимание уделяется семантическому слою образа мира. Знаки и символы, как психологические орудия, позволяют «удваивать» реальность, создавая для субъекта искусственную среду, в которой можно заранее репетировать какие-то события, не опасаясь непоправимых последствий. Однако знаки не присваиваются в «готовом виде». Уже дошкольник, осваивая речевые знаки, не просто добивается снижения собственной аффективности. Главное, он посредством чувственной ткани персонифицирует получаемую информацию о взрослых субъектах, изменяя не только мир «вещей ребенка», но и мир «людей ребенка» [Обухова], закрепляя их в системе значений. В дальнейшем этот процесс трансформируется, но не отменяет необходимость учета чувственной ткани являясь важным условием развития познавательной сферы личности. Получается, что на каждом возрастном этапе требуется внимательно относиться к каждому из слоев образа мира, не умаляя значение эмоционального компонента в организации процесса восприятия информации, как условия обогащения образа мира. По нашему мнению, должно конкретизироваться с учетом возрастной специфики

¹ Относительно мало исследованы картина мира и образ мира одаренных детей. Как отмечалось выше, к ним подходят с меркой средней «нормы», что более соответствует психологии обыденного сознания [Обухова; Осорина; Ульбина]. Кстати, аналогичный подход был отмечен нами и при рассмотрении проблематики периода молодости [Турчин].

(задач возраста) не просто некое усредненное содержание образа мира, а то, что можно называть нормативным и сверхнормативным составом условий эффективного функционирования каждого из слоев в отдельности и их взаимопроникающие связи².

Из истории науки (психологии, в том числе) следует, что понятие нормативности не являлось догматом. Для большинства людей, живших в период Античности характерна мифологическая картина мира. Их образ мира, что отражено в источниках, существенно отличался от того, что является нормативным и приемлемым для картины мира представителей современной цивилизации. Это было рассмотрено в работах ученых, изучавших в XX веке традиционные культуры иной цивилизации, таких как Л. Леви-Брюль, Ф. Кликс, А.Р. Лурия, А.Ш. Тхостов. Типичным выступает то, что эта картина мира воспринимается субъектом как: а) не случайная; б) нормативная и поэтому привычная. В работе В.П. Серкина сделано по этому поводу важное замечание, — чтобы глубоко «понять другого», необходимо увидеть мир с его точки зрения, «войти» в его мир и понять (воспроизвести, а лучше — освоить) его образ жизни [Серкин]. Получается достаточно сложная и в то же время понятная объяснительная схема: образ жизни строится на основе некоей модели, позволяющей субъекту получать самоподтверждение правильности отбора средств построения адекватного ей «строительного материала» для индивидуального образа мира, не отрицающего ценность картины мира, открываемой ему, но и не становящимся «рабом лампы». Внутренняя свобода выбора и построение иерархии ценностей в ядерном слое конституируют субъектность как свойство, проявляемое в творческой преобразовательной деятельности личности.

Поскольку, согласно Улыбиной [Улыбина], в структуре коллективного и индивидуального сознания могут одновременно функционировать компоненты научного мировоззрения и феноменология обыденного сознания [Габрунер; Осорина; Mehlhorn H., Mehlhorn H.-G.], у абитуриентов и первокурсников вузов можно говорить скорее о наличии тенденции к построению научной картины мира, хотя проводимые журналистами и демонстрируемые с помощью СМИ результаты их опросов порождают серьезные сомнения в этом. Последнее представляет реальную угрозу для будущего современного общества, поскольку снижает шансы новых поколений на развитие (да и выживание) в быстро меняющихся условиях бытия.

В возрастной и педагогической психологии понятие картины мира используется достаточно широко [Аксенова; Осорина]. Ее специфика подчеркнута разработчиками дошкольной парциальной программы «Детская картина мира» [Габрунер]. На западе приоритет в этом плане сохраняют работы Жана Пиаже. В психологии высшего образования [Кликс; Серкин 2017; Ханина; Kruschel; Mehlhorn H., Mehlhorn H.-G.], выявлена актуальность учета реальной содержательной динамики образа мира под влиянием типа обучения. Почти фаталистически воспринимается факт возникновения нормативных трудностей адаптационного периода у значительной части первокурсников, успешно обучавшихся в школьный период. Это справедливо и в отношении курсантов,

² В этом случае можно ссылаться на идею Н.И. Чуприковой [Чуприкова] о закономерном чередовании процессов дифференциации и интеграции в развитии научного знания. В этом случае можно говорить о том, что единой, универсальной и единственной правильной картины мира не существует, так как она имеет своеобразие даже у гомозиготных близнецов.

обучающихся в ВООВО, тем более что им предстоит психологическая перестройка картины мира из-за в организационную культуру принципиально иного типа. Последнее необходимо учитывать и в отношении выпускников кадетских классов. Все-таки кадеты могут выбирать любой (не обязательно связанный с военной службой) образовательный маршрут. А переход в образовательную систему закрытого типа предполагает наличие соответствующей иерархии личностных смыслов в структуре образа мира, которой может и не быть. Развитие личности школьников осуществляется не в одном, а в ряде взаимно пересекающихся образовательных пространств, т. е. это есть внутренне противоречивый, гетерохронный процесс, развертывающийся в системе институциональных отношений.

Учитывая общие черты перехода к обучению вузовского типа, на первом курсе вуза Росгвардии нельзя рассчитывать на быстрое и спонтанное изменение картины мира бывшего школьника. Требуется соответствующая психолого-педагогическая поддержка первичного профессионального самоопределения. Более-менее определенно можно говорить об изменении всех слоев образа мира у курсанта после сдачи первой зачетно-экзаменацационной сессии, наблюдая за повседневным поведением.

Если принять за основу трехкомпонентную структуру образа мира [Серкин 2017], внешний перцептивный слой позволяет фиксировать изменения в поведенческом звене при помощи простого и включенного наблюдения. Срединный, семантический слой позволяет отмечать накопление новых знаний в ходе семинарских и практических занятий. Намного сложнее проникать в структуру ядерного слоя образа мира, динамика которой, в частности, иерархия ценностных ориентаций (операциональные и личностные смыслы) может не рефлексироваться самим субъектом обучения. Именно такая практическая задача должна решаться с первых дней пребывания в системе ВООВО.

В эмпирическом исследовании, выполненном в феврале 2023 года, нами проверялись изменения курсантов первого года обучения, а также структура ценностных ориентаций. Выборку составили 25 юношей в возрасте 18—25 лет. Диагностические методики отбирались таким образом, чтобы исключить возможность получения социально желательных ответов³.

Как ожидалось, у первокурсников показатели вербальной самооценки (при среднем значении 39 баллов) демонстрируют тенденцию к ее снижению. Это можно интерпретировать как следствие незавершенности периода адаптации к организационной культуре ВООВО, а также с последствиями учебно-академического стресса. С другой стороны, результаты диагностики ценностных ориентаций вполне соответствовали данным, которые отмечались в более ранних наших работах. Ценностная ориентация «приятное времяпровождение и отдых» заняла первое место. Кстати, достаточно близки показатели предпочтаемости ценности «материальное благосостояние» (выявлена слабая корреляционная связь, коэффициент корреляции равен 0,01). Это можно связывать со следствием: а) недостаточной профессиональной и финансовой грамотности; б) сохранением самоотношения, близкого к подростковому типу. Отмечен и нежелательный факт — слабая связь самооценки (коэффициент равен —0,38) с ценностной ориентацией «наслаждение прекрасным». Прогнозируемой была значимая корреляционная связь вербальной самооценки и ценности «стремление получать любовь окружающих и любви к себе (значение

³ В школьной практике обычно используют методики Будасси (на самооценку) и опросник М. Рокича (ценостные ориентации).

коэффициента равно 0,38), что можно связывать с особенностями возрастного развития молодых людей. Можно беспокоиться по поводу фиксируемой у первокурсников-психологов отрицательной корреляционной связи самооценки и познавательной активности⁴.

Если оценивать место ценности отношение «общение со сверстниками», то отмечается противоречие, когда будущие психологи демонстрируют выраженную потребность во внимании со стороны окружающих, однако сами не готовы к конструктивному его использованию. При коэффициенте корреляции равном -0,4, ценностная ориентация «здоровье» не занимает высокого места. Последнее характеризует иерархию ценностей пятикурсников, поскольку военнослужащие с зафиксированным в качестве адекватного типом профессионального самоопределения на базе собственного, личного опыта осознают важность заботы о соматическом и психическом здоровье на уровне, соответствующем задачам профессионализации.

Заключение. В результате теоретико-эмпирического исследования данные подтвердили предположение о значимости учета субъективных изменений во всех слоях образа мира курсанта в первоначальный период обучения в ВО-ОВО. Установлено, что наименее достоверным являются прогностические ожидания в отношении состояния чувственной ткани и ядерного, смыслового его компонентов. Следствием такой динамики может быть неправомерная оценка обучающимся типа своего первичного профессионального самоопределения, что может повлечь снижение показателей академической успешности и стать основанием к нарушению принципа сознательности обучения. В этой связи возрастает роль психолого-педагогического сопровождения и воспитательной функции офицерско-преподавательского коллектива вуза.

Список литературы / References

- Аксенова Ю.А. Символы мироустройства в сознании детей. М.: Деловая Книга, 2013. 738 с. (Aksanova Yu.A. Symbols of the world order in the minds of children, Moscow, 2013, 738 p. — In Russ.)
- Баранов А.А. Малахова О.Н., Жученко О.А. Самооценка академических достижений в экзаменационной ситуации и личностные особенности студентов возрастного периода молодости // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Т. 12. Вып. 2 (46). С. 102—113. (Baranov A.A., Malakhova O.N., Zhuchenko O.A. Self-assessment of academic achievements in an examination situation and personal characteristics of students of the age period of youth, Saratov University Bulletin. Series: Acmeology of education. Developmental psychology, 2023, vol. 12, iss. 2 (46), pp. 102—113. — In Russ.)
- Габрунер М.В., Соколовская В.В., Чурекова Т.М. Детская картина мира Образовательная программа для детей мл. дошк. возраста. Кемерово: Кемер. обл. ин-т усовершенствования учителей, 2000. 162 с. (Gabruner M.V., Sokolovskaya V.V., Churekova T.M. Children's picture of the world, Kemerovo, 2000, 162 p. — In Russ.)
- Климов Е.А. О феномене профессиональной относительности образа мира // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1995. № 1. С. 8—18. (Klimov E.A. On the phenomenon of professional relativity of the image of the world, Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology, 1995, no. 1, pp. 8—18. — In Russ.)
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.

⁴ Мы склонны это связывать с «наследием ЕГЭ».

- (Leontiev A.N. *Activity. Consciousness. Personality*, Moscow, 1977, 304 p. — In Russ.)
- Мухина В.С. Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. М.: Педагогика, 1981. 240 с.
- (Mukhina V.S. *Children's visual activity as a form of acquiring social experience*, Moscow, 1981, 240 p. — In Russ.)
- Обухова Л.Ф. Концепция Пиаже: за и против. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 191 с.
- (Obukhova L.F. *Piaget's concept: pro et contra*, Moscow, 1981, 191 p. — In Russ.)
- Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2000. 277 с.
- (Osorina M.V. *The secret world of children in the space of the adult world*, St. Petersburg, 2000, 277 p. — In Russ.)
- Петухов В.В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1984. № 4. С. 13—21.
- (Petukhov V.V. *The image of the world and the psychological study of thinking*, *Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology*, 1984, no. 4, pp. 13—21. — In Russ.)
- Портнов А.Н., Турчин А.С. Семиотическая функция: философские, социологические и психологические аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. Вып. 2. 2002. С. 62—74.
- (Portnov A.N., Turchin A.S. *Semiotic function: philosophical, sociological and psychological aspects*, *Ivanovo State University Bulletin*, 2002, iss. 2, pp. 62—74. — In Russ.)
- Серкин В.П. Специфика образа мира и образа жизни Шамана // *Звезды Шамана*. М.: ACT, 2017. С. 235—274.
- (Serkin V.P. *The specifics of the Shaman's worldview and lifestyle*, *Shaman's Stars*, Moscow, 2017, pp. 235—274. — In Russ.)
- Серкин В.П. Изменения образа мира, образа жизни и представлений о себе при переживании экстремальной ситуации: новые эмпирические данные и рекомендации // *Психологическая безопасность личности в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*: сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Р.В. Кадырова. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2015. С. 322—334.
- (Serkin V.P. *Changes in the image of the world, lifestyle and self-concept when experiencing an extreme situation: new empirical data and recommendations*, *Psychological safety of the individual in extreme conditions and crisis situations of life*, ed. by Kadyrov R.V., Vladivostok, 2015, pp. 322—334. — In Russ.)
- Терехин Р.А., Турчин А.С. Взаимосвязь интеллектуальных способностей, социального интеллекта и готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач // Вестник государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 23—39.
- (Terekhin R.A., Turchin A.S. *The relationship between intellectual abilities, social intelligence and the readiness of military personnel to perform combat missions*, *Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 3, pp. 23—39. — In Russ.)
- Турчин А.С. Психологический статус возрастного периода молодости // Научное мнение: научный журнал. 2025. № 4. С. 75—83.
- (Turchin A.S. *Psychological status of the age period of youth*, *Scientific opinion: scientific journal*, 2025, no. 4, pp. 75—83. — In Russ.)
- Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001. 263 с.
- (Ulybina E.V. *Psychology of everyday consciousness*, Moscow, 2001, 263 p. — In Russ.)
- Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 490 с.
- (Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. *Social and psychological diagnostics of personality and small group development*, Moscow, 2002, 490 p. — In Russ.)
- Фроловская М.Н. Профессиональный образ мира как универсалия педагогической

- культуры // Известия Алтайского университета. 2010. № 2 (2). С. 18—25.
(Frolovskaya M.N. Professional image of the world as a universal of pedagogical culture, *Bulletin of Altai University*, 2010, no. 2 (2), pp. 18—25. — In Russ.)
- Ханина И.Б. Образ мира и профессиональный мир // Мир психологии. 2009. № 4. С. 179—187.
(Xanina I.B. Image of the world and professional world, *The World of Psychology*, 2009, no. 4, pp. 179—187. — In Russ.)
- Чуприкова Н.И. Умственное развитие и обучение: к обоснованию системно-структурного подхода. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. 320 с.
(Chuprykova N.I. Mental development and training: to substantiate the systemic-structural approach, Moscow; Voronezh, 2003, 320 p. — In Russ.)
- Шмелев И.М. Образ мира субъекта как предмет психологического исследования // Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика. Пенза; Ереван; Колин: Социосфера, 2012. С. 14—20.
(Shmelev I.M. The image of the world of the subject as a subject of psychological research, in Humanization of training and education in the education system: theory and practice, Penza; Yerevan; Kolin, 2012, pp. 14—20. — In Russ.)
- Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах: избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. 416 с.
(Elkonin D.B. Mental development in childhood: selected psychological works, Moscow, Voronezh, 1997, 416 p. — In Russ.)
- Kruschel H. Zur didaktisch-methodischen Gestellung des theoretischen Erkentnes, *Wissenschaftliche Zeitschrift Der Pädagogischen Hochschule. "Liselotte Hermann"*, 1980, h. 2, s. 153—165.
- Mehlhorn H., Mehlhorn H.-G. Untersuchungen zur Schopferischen Denken bei Schülern, Lehrlingen und Studenten, *Beitrage zur Padagogik*, Berlin, 1982, bd. 27, 248 s.
- Redfield R. The social organization of tradition, in Redfield R. Peasant society and culture: An anthropological approach to civilization. Chicago: University of Chicago press, 1956, pp. 67—104.

DYNAMICS OF THE WORLDVIEW OF A MILITARY UNIVERSITY CADET

Anatoly S. Turchin

Military Order of Zhukov Academy of National Guard Troops,
Saint Petersburg, Russian Federation, ast55@mail.ru

Abstract. This article examines the dynamics of students' worldview structures. That dynamics is proposed to consider when planning a system of psychological support for the process of entering the educational environment of a military university. The basis for this theoretical and empirical study is the contradiction between young people's expectations and the actual organizational culture of a specific military higher education institution. The purpose of the article is to elucidate the interrelated changes occurring during the adaptation period to university-type education. It is noted that a significant proportion of first-year students retain low self-esteem and experience doubts about the validity of their initial professional identity. This requires an analysis of changes occurring not only in the semantic (knowledge) layer of an individual's worldview but also in the peripheral layer, where initial ideas can be negated or distorted under the influence of subjective experiences associated with intragroup stratification processes. Particular importance is attached to identifying the content and hierarchy of value orientations included in the core layer of the image of the world, reflecting the dynamics of operational and personal meanings associated with the primary professional self-determination of cadets.

Keywords: philosophy, non-academic philosophy, academic philosophy, socio-cultural phenomenon, typologization, representation

For citation: Turchin A.S. Dynamics of the worldview of a military university cadet, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 155—164.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Турчин Анатолий Степанович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и прикладной психологии Научно-исследовательский центр Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург, Россия, ast55@mail.ru, SPIN-код: 2366-1186

Turchin Anatoly Stepanovich — Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Professor of the Department of General and Applied Psychology, Research Center of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops, St. Petersburg, Russian Federation, ast55@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 165—170.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 165—170.

Научная статья

УДК 101.1:316

EDN <https://elibrary.ru/dehqva>

DOI: 10.46726/H.2025.4.18

ПРИНЦИП СЛОЖНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ЭДГАРА МОРЕНА

Слави Тодоров Кабаков

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия,
kabakov.st@dvfu.ru

Аннотация. В статье предложена сущностная реконструкция представления о «сложном (сложностном), комплексном мышлении» французского социального философа Эдгара Морена. Рассмотрен феномен патологии мышления, зафиксирована его связь с «эпистемологической рациональностью». Выявлена базовая характеристика сложностного мышления — синтетичность, которая предполагает соединение естествознания, социологии, психологии, философии по проблемному принципу. Предложена авторская трактовка семи принципов сложного мышления Э. Морена. Показано, что для философа в контексте исследования общества «первична» именно культурная подсистема (а не социальная подсистема): социум, прежде всего, характеризуется системой ценностей. Сделан вывод о холистическом (и диалектическом) пафосе концепции сложностного мышления Э. Морена, сочетающей в себе позиции голограмизма, кибернетизма, диалогизма, инвайроментализма, конструктивизма.

Ключевые слова: сложностное мышление, комплексность, диалогика, диалектика, критическое мышление, рекурсивная петля, обратная связь, авто-эко-организация, новый гуманизм

Для цитирования: Кабаков С.Т. Принцип сложности в социальной философии Эдгара Морена // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 165—170.

Нам нужен тип мышления, который воссоединяет то, что разъединено и разобщено, который уважает разнообразие, поскольку он признает единство, и который пытается различать взаимозависимости. Мы нуждаемся в радикальном мышлении (которое добирается до корня проблем), в многомерном мышлении и в организационном или системном мышлении

Эдгар Морен

Среди многих наименований, которые предлагаются для современного общества, одно из самых употребляемых — это общество знания. Это название фиксирует принципиальное повышение сложности в социальных процессах и системах. Хаотичность и хрупкость мира связаны с непониманием сути этой сложности и, как следствие, с невозможностью управлять этой сложностью¹. В статье предпринимается попытка авторского прочтения концепции «сложного / сложностного / комплексного мышления» французского социолога и философа Эдгара Морена².

© Кабаков С.Т., 2025

¹ Феномен сложного / сложностного мышления уже обратил на себя внимание исследователей-философов [Аршинов, Свирский; Свирский].

² Концепция сложности Э. Морена в комплементарном ключе рассмотрена в рамках ноосферного дискурса Д.Г. Смирновым [Смирнов 2014].

Он исходит из «идеальности» современного знания. Один из главных его недостатков состоит в том, что наука всегда сосредоточена на решении отдельной проблемы, рассматривая ее так, как будто она возникает в идеальном мире без связи с «окружающими» проблемами³. Э. Морен полагает, что каждую проблему надо рассматривать как по вертикали (погружаясь в ее глубину), так и по горизонтали (в сочетании с другими проблемами) в контексте представления о саморегуляции. Он постулирует необходимость перехода от радикального типа мышления к мышлению, которое добирается до корня проблемы. Огромное значение имеет и глубина собственно знания и мышления⁴. Еще один камень преткновения — этический — состоит в том, что человек не научен быть ответственным за свое мышление [Morin 1990].

Сверхзадача Э. Морена состоит в том, чтобы усилить осознание современной патологии мышления [Morin 1994]. Древняя патология дала независимую жизнь мифам и богам, а современная — сверхупрощенная — сделала человека слепым к сложности реальности. Патология идеи, патология теории, патология разума — это рационализация, замыкающая реальность в системе идей, которые являются согласованными, частными и односторонними, не учитывающими, что фрагмент реальности может быть нерационализируемым, и что миссия рациональности заключается как раз в диалоге с тем, что нерационализируемо.

Философ пишет: «Мы все еще слепы в проблеме сложности...» [Morin 2008: 66]. Эта слепота есть «часть» человеческого варварства. *Homo sapiens* все еще находится в предыстории человеческого разума. Только сложностное, содержательно трансдисциплинарное⁵, комплексное мышление способно «цивилизовать наше знание». В этом смысле сложностное мышление — это вызов, который нужно осмыслить и осознать.

Комплексное мышление позволяет рассматривать материальный мир и духовный мир человечества, равно как механизмы и алгоритмы осмысления / постижения природы и культуры. Это мышление ориентировано не столько на логические структуры, сколько на когнитивные паттерны (нейробиологическую организованность мозга человека). Базовая характеристика сложностного мышления — синтетичность, которая предполагает соединение естествознания, социологии, психологии, философии — в целом социо-гуманитарного знания по проблемному принципу. Подобное мышление снимает противоречие между разумом и интуицией: они оказываются полярностями, которые дополняют друг друга. Эвристический потенциал сложностного мышления оказывается востребован в решении значимых проблем актуального технологического уклада.

³ Сложностность предполагает системный подход, при котором любая система (объект) рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов, имеющая выход (цель), вход (ресурсы), связь с внешней средой, обратную связь. Методологическая специфика системного анализа Морена определяется тем, что он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и механизмов, обеспечивающих эту целостность, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину.

⁴ Э. Морен сознательно занимает междисциплинарную позицию, сочетая социологию с теорией систем, антропологией и политологией. Для него человек — носитель рациональности, научности, но в то же время человек — иррациональный, носитель сомнения, веры, мистицизма и религии.

⁵ Примечательно, что в своем журнале «Аргументы» («Argumentes») он структурировал статьи именно по проблемам, а не по дисциплинам.

«Метод Морена» [Морен] стремится охватить феномен (наблюдение), распознать силы внутри него (праксис), спровоцировать его в стратегических точках (вмешательство), проникнуть в него посредством индивидуального контакта (интервью), поставить под сомнение действие, речь и вещи. Это предполагает не просто субъект-объектные отношения. Оптимальные отношения требуют, с одной стороны, оторванности и объективности в связи с объектом как объектом, а с другой стороны, участия и симпатии в связи с объектом как субъектом. Поскольку эти объект и субъект суть одно, наш подход должен быть двойственным [Morin 2008: 259]. Комплексность нацелена на особый способ мышления и другой способ организации знаний. Она предполагает вызов дисциплинарной организации знаний и редуктивно-дизъюнктивному способу мышления, лежащему в основании «парадигмы простоты»⁶.

Вслед за Е.Н. Князевой [Князева], рассмотрим «методологическое измерение» сложностного мышления, остановившись на семи взаимосвязанных друг с другом принципах.

Системный (во много паскалевский) принцип «показывает» как соотносятся часть и целое в системе. Наиболее адекватная метафора здесь — лента Мебиуса, когда происходит не совсем челночный бег «от частей к целому и от целого к частям» [Там же: 105]. На самом деле, это сочетание системного (от целого к частям) и несистемного (от частей к целому) подходов. Все же думается, что целостность фундируется именно движением от системообразующего свойства к структуре и элементам. Именно так порядок «создает» беспорядок (как часть организационного порядка). Именно концепт рождает новые качества — эмерджентности, не присущие отдельным элементами системы.

Голографический принцип рядоположен, на наш взгляд, принципу подобия в древнеегипетском герметизме. Онтологический тезис «что вверху, то и внизу» разворачивается у Э. Морена в положение, согласно которому «во всяком сложном явлении не только часть входит в целое, но и целое встроено в каждую отдельную часть» [Там же: 106]. В социально-антропологической плоскости это напоминает и принцип актуализации Э. Геккеля — «онтогенез повторяет филогенез», когда «общество в его целостности встроено в каждого индивида» [Там же] через ценности и нормы — через культуру в целом.

Принцип обратной связи нацелен на уход от парадигмы линейной причинности (импликативности). Возникает своеобразный эффект «кибернетической эквивалентности», когда «причина воздействует на следствие, а следствие — на причину». Эта обратная связь двояка: отрицательная обратная связь отвечает за устойчивость системы, положительная обратная связь отвечает за динамику системы. (В результате в социально-политическом пространстве формируется дискурс устойчивого развития как сосуществования отрицательной и положительной обратных связей.)

Принцип рекурсивной петли схож по смыслу с дискурсами самореферентности и аутопоэзиса, которые также предполагают самовоспроизводство системы. Фактически запускается цепная реакция духовного (культурного, ну и конечно, социального) производства, когда продукт подобного производства оказывается одновременно и «причиной» этого производства. Индивиды порождают общество на уровне структуры, которое, в свою очередь, наделяет собой (языком и семиотическими программами) этих самых индивидов.

⁶ Интересно сопоставить этих размышления Э. Морена с позицией «расставания с простотой» академика Н.Н. Моисеева [Моисеев].

Принцип авто-эко-организации релевантен парадигме инвайронментализма, где «среда формирует разум в той же степени, в которой разум формирует среду» [Смирнов 2012: 118]. Автономия человеческой системы немыслима вне контекста зависимости от своего биосферного («гео-экологического») окружения. Здесь можно вспомнить концепции теллурократии (сухопутного могущества) и талассократии (морского могущества), найти параллели с теорией пассионарности Л.Н. Гумилева. Подобная двухфакторность задает неопределенность, имманентно вписанную в само представление о сложности мира⁷.

Диалогический принцип в основе своей имеет диалектический (гегелевский) посыл. Он комплементарен идее о единстве и борьбе противоположностей, предполагающей дополнительность противоречий не только в понятийной форме, но и в форме вещной. Контрадикторная напряженность в природе, обществе и мышлении ответственна за возникновение эмерджентности. (Интерес представляет пересечение этого принципа с представлением М.М. Бахтина о том, что естественные науки преимущественно монологические, а гуманитарные — диалогические.)

Принцип повторного введения познающего во всякий процесс познания отталкивается от субъект-субъектной парадигмы познания. Последняя предполагает, что субъект познания, познавая объект, познает тем самым и самого себя. «Познание есть всегда перевод и конструкция» [Князева: 108], а от себя добавим, и реконструкция. Человеческая реальность «реально-виртуальна», предполагающая задействование воображения.

Какой же «праксиологический вывод», следующий из мореновской проблематизации, оказывается значимым для современной социально-философской мысли?

Глобальное общество представляет собой соединение «социальной подсистемы» и «культурной подсистемы»⁸. Культурная подсистема «состоит» из ценностей, к которым необходимо добавить знания и идеологии, характерные для общества. По сути, это обширный набор символов, придающий смысл действиям индивидов. Одними из основных компонентов социальной подсистемы, регулирующей взаимодействие между людьми выступают нормы и роли. Эти «стандарты» — конкретное воплощение ценностей: они образуют «структуру», потому что обладают относительной постоянством и частично объясняют стабильность социального поведения. Для Э. Морена «первична» именно культурная подсистема: общество прежде всего характеризуется системой ценностей.

Сопоставив функционализм и культураллизм, структурализм и марксизм, Э. Морен пришел к выводу, что система общества «состоит» из культуры, сотрудничества, стабильности и целостности, с одной стороны, и экономики, конфликта и социальных противоречий — с другой. Следовательно, имеется насущная необходимость в точных описаниях / моделях поведения социальных акторов⁹. При этом важно помнить о том, что системы очень чувствительны к взаимодействию между «локальными случайностями» и «необходимыми относительностями».

⁷ Неопределенность означает незавершенность всякого процесса познавательной и практической деятельности, непредзаданность, открытость и нелинейность исхода этой деятельности.

⁸ Сходным образом представляет общество и Толкотт Парсонс: автор определяет нормы и роли как вытекающие из ценностей феномены [Парсонс 2018].

⁹ Здесь следует упомянуть новый гуманизм Э. Морена, основанный на трех качествах, преодолевающих несовершенство, «неполноту»: разум, воображение и чувство.

А фактором устойчивости в этом контексте оказывается социально-политическое разнообразие с уважением к каждому множеству, утверждающему свою собственную систему норм и ценностей, идей и мнений.

Эдгар Морен пытается создать холистическую парадигму современного общества, которая, будучи в основе своей пронизана диалектическим пафосом, совмещает в себе позиции голографизма, кибернетизма, диалогизма, инвайроментализма, конструктивизма. Концептом (системообразующим свойством) этой системы оказывается свойство сложности, получающее выражение в терминах «сложность», «комплексность». В качестве системообразующего отношения выступает новый гуманизм, понимаемый как реальное выражение планетарного сознания, ориентированного на экологию действия, земной идентичности, этики солидарности и понимания.

Список литературы / References

- Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель // Человек. 2019. Т. 30, № 2. С. 130—153.
(Arshinov V.I., Svirsky Ya.I. Complexity world and its observer, *Human*, 2019, vol. 30, no. 2, pp. 130—153. — In Russ.)
- Князева Е.Н. Идея эмерджентной эволюции в воззрениях Э. Морена, И. Стенгерс и Ж. де Роснэ // Философские науки. 2011. Вып. 9. С. 99—115.
(Knyazeva E.N. The idea of emergent evolution in the views of E. Morin, I. Stengers and J. de Rosnay, *Philosophical sciences*, 2011, iss. 9, pp. 99—115. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. 480 с.
(Moiseev N.N. Parting with simplicity, Moscow, 1998, 480 p. — In Russ.)
- Морен Э. Метод. Природа Природы / под ред. Е.Н. Князевой. М.: «Канон+»; «Реабилитация», 2013. 469 с.
(Morin E. Method. Nature of Nature, ed. by E.N. Knyazeva, Moscow, 2013, 469 p. — In Russ.)
- Парсонс Т. Социальная система. М.: Академический проект, 2018. 530 с.
(Parsons T. Social system, Moscow, 2018, 530 p. — In Russ.)
- Свирский Я.И. Концептуальные особенности «сложностного» видения мира // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 49—52.
(Svirsky Ya.I. Conceptual features of the “complexity” vision of the world, *Questions of Philosophy*, 2021, no. 10, pp. 49—52. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново: Иван. гос. унт, 2012. 250 с.
(Smirnov D.G. Noospheric idea and noospheric history: introduction to universal cliosophy. Ivanovo, 2012, 250 p. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. От ноологии к ноосфере: методология «сложного мышления» Э. Морена // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (14). С. 81—85.
(Smirnov D.G. From noology to noosphere: the methodology of “complex thinking” of E. Morin, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2014, no. 2 (14), pp. 81—85. — In Russ.)
- Morin E. Introduction a la pensee complex, Paris: Seuil, 1990, 192 p.
- Morin E. La complexite, Paris: Champs Flammarion, 1994, 370 p.
- Morin E. On Complexity. Advances in systems theory, complexity, and the human sciences, New Jersey: Hampton Press, 2008, 127 p.

THE PRINCIPLE OF COMPLEXITY IN SOCIAL PHILOSOPHY OF EDGAR MORIN

Slavi T. Kabakov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, kabakov.st@dvfu.ru.

Abstract. The article offers an essential reconstruction of the concept of "complex (personal), complex thinking" by the French social philosopher Edgar Morin. The phenomenon of pathology of thinking is considered, its connection with "epistemological rationality" is fixed. The basic characteristic of complex thinking is revealed — synthetics, which involves combining natural science, sociology, psychology, and philosophy according to a problematic principle. The author's interpretation of the seven principles of complex thinking by E. Morin is proposed. It is shown that for the philosopher, in the context of the study of society, it is the cultural subsystem (and not the social subsystem) that is "primary": society, first of all, is characterized by a system of values. The conclusion is made about the holistic (and dialectical) pathos of the complex thinking concept by E. Morin, combining the positions of holography, cyberneticism, dialogism, environmentalism, and constructivism.

Keywords: complexity thinking, comprehensiveness, dialogics, dialectics, critical thinking, recursive loop, feedback loop, auto-eco-organization, new humanism

For citation: Kabakov S.T. The principle of complexity in social philosophy of Edgar Morin, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 165—170.

Статья поступила в редакцию 07.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 07.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Кабаков Слави Тодоров — аспирант, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, kabakov.st@dvfu.ru

Kabakov Slavi Todorov — postgraduate student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, kabakov.st@dvfu.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 171—178.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 171—178.

Научная статья

УДК 1:791.43:165

EDN <https://elibrary.ru/ddfybu>

DOI: 10.46726/H.2025.4.19

КИНОФИЛОСОФИЯ ТАРКОВСКОГО: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

*Мария Алексеевна Миловзорова, Елена Михайловна Раскатова,
Дмитрий Григорьевич Смирнов*

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
machutka@mail.ru, elenaraskatova@mail.ru, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Аннотация. Статья посвящена системному анализу философии Андрея Тарковского. В работе ставится цель выявить и зафиксировать системообразующие свойства философии Тарковского в рамках четырёх ключевых измерений философского знания. Методологической основой выступает тернарная модель системного подхода, позволяющая рассматривать феномен на уровнях концепта, структуры и элементов. Авторы реконструируют философские основания мировоззрения Тарковского и выделяют базовые концепты для каждого философского измерения. В онтологии — это трансцендентальность и совершенство; в гносеологии — вера (в номотетические законы бытия); в аксиологии — это целостность и жертвенность; в праксиологии — это спасение / воскресение через самопожертвование. Делается вывод о деонтологической этой философии: она конструирует мир должного, контрадикторный окружающей действительности. В своей концептуальной основе философия Тарковского утверждает классическую триаду Истины, Добра и Красоты, а на уровне системообразующих отношений — триаду Веры, Надежды и Любви. В конечном счёте, она формирует основы новой, ноосферной антропологии, предлагая идеальные образы человека XXI века.

Ключевые слова: философия Тарковского, системный подход, кинематографический текст, деонтология, синкетизм, целостность, ноосферная антропология

Для цитирования: Миловзорова М.А., Раскатова Е.М., Смирнов Д.Г. Кинофилософия Тарковского: опыт концептуального осмысления // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 171—178.

Вместо введения. Обращение к теме философии Андрея Тарковского лишь на первый взгляд может показаться тривиальным. Действительно, у любого мастера слова (в том числе и слова кинематографического) есть своя «философия». Наверное, именно в этом смысле назвал кинорежиссера Тарковского философом губернатор Ивановской области Станислав Воскресенский¹, размышляя о малых городах региона и готовясь к празднованию 800-летия Юрьевца.

Вместе с тем дискурс с условным названием «философия Тарковского» оказывается не так банален в пространстве академической философии. Исследований, которые так или иначе замахивались на указанную тему, не так много. При этом ни в одном из них концепт «философия Тарковского» не вынесен в заглавие, не предъявлен официально как новый поворот разработке творческого

© Миловзорова М.А., Раскатова Е.М., Смирнов Д.Г., 2025

¹ И что нашло отражение в названии международного кинофестиваля 2025 года «Зеркало. Философия Тарковского».

наследия мастера². Авторы ограничиваются констатацией включенности А. Тарковского в тезаурус русской (религиозной) философии [Евлампиев 2000], фиксацией связи кинорежиссера с «новой философией человека» [Евлампиев 1996]. Наиболее «радикально» подходят к рассматриваемой проблематике Н.Б. Кириллова, которая предлагает вести разговор о «нравственной философии Андрея Тарковского» [Кириллова], и Пак Ён Ын, предлагающая говорить о «мистической философии всеединства» [Пак]. Отдельно отметим работу И.И. Евлампиева, который пишет о «художественной философии» Тарковского [Евлампиев 2012].

Методологический пролог. Заявленный опыт концептуального осмысливания отсылает к языку тернарного описания (парадигме общей теории систем) А.И. Уёмова, адаптированной для социо-гуманитарного дискурса И.В. Дмитревской [Дмитревская]. Избранная модель системного подхода позволяет рассмотреть кинофилософию Тарковского в тех измерениях — на уровне системообразующего свойства, или концепта, уровне системообразующих отношений, или структуры и на уровне элементов. При этом следует иметь ввиду, что «алгоритм» осмысливания начинается с концептуально-структурных уровней, а не с элементарного (как обычно происходит в контексте искусствоведческих исследований).

Таким образом, цель нашего мини-исследования заключается в фиксации системообразующих свойств философии Тарковского в пространстве онтологии, гносеологии, аксиологии и праксиологии, равно как и в обнаружении «вещей» в кинематографических текстах мастера³, которые овеществляют эти самые свойства и устанавливают между ними определенное отношение⁴.

Философский диагноз: опыты рефлексии. Начнем с диагностирования «философской претензии» А. Тарковского. Есть несколько работ, на которые мы бы хотели обратить внимание в силу того, что идеи их авторов во многом комплементарны нашему представлению о мировоззрении кинорежиссера.

Во-первых, философия определяется большинством специалистов как квинтэссенция (в марксовом смысле, как объединяющее начало) «сознания» А. Тарковского. Наиболее авторитетный исследователь философии кинорежиссера Николай Хренов подчеркивает, что «философия — определяющее слагаемое дискурса Тарковского». Этим он объясняет трансцендентальность творчества мастера: «такое видение творческой индивидуальности режиссера позволяет ответить на вопрос о причинах трудности рецепции его фильмов». По мнению специалиста, идеи Тарковскогоозвучны «не только философии экзистенциализма,

² Обратим внимание на тот факт, что в неакадемическом дискурсе признание «философии Тарковского» является фактом. Так, например, на ресурсе <https://www.walden43200.com/in-depth-analysis/the-unique-philosophy-of-andrei-tarkovsky> выложена статья с названием «The Unique Philosophy of Andrei Tarkovsky (Уникальная философия Андрея Тарковского)», где анализируется программная работа кинорежиссера «Sculpting in Time: Reflections on the Cinema» [Tarkovsky]. (Автор статьи, пожелавший остаться неизвестным, например, обнаруживает параллели мировоззрения / философии Тарковского с концептуальными построениями Артура Шопенгауэра, Фридриха Ницше, Карла Густава Юнга.)

³ Если мы попробуем перевести разговор в логическую плоскость, то следует признать, что философия Тарковского в гносеологическом основании ориентирована, скорее, на логику эйдосов Платона или на логику вещей Демокрита, нежели обращена к логике понятий Аристотеля.

⁴ Здесь мы видим отличие избранного подхода от методологии Дмитрия Салынского [Салынский].

но прежде всего отечественной религиозной философии, которую обычно называют теургической философией. Тарковский как художник-теург является последователем русской теургической философии. Для этой философии характерно стремление ощутить трансцендентное, т. е. то, что не только еще пока не познано, но и вообще познано быть не может» [Хренов: 50]. Именно теургическом смысле творчество Тарковского оказывается «магическим искусством», которое создает условия для соединения с «божественным».

Эрвин Панофский в статье «Стиль и средства изображения в кино» сравнивает фильм со средневековым собором, в строительстве которого режиссер играет роль «главного архитектора» [Панофский: 34], прием не только в практическом смысле, а в подходе, позволяющем «организовать и снять нестилизованную действительность, чтобы в результате получить стиль» [Там же: 39]. То есть также в теургическом смысле. Этому соответствуют представления самого Тарковского о «режиссере как демиурге» — для него «фильм единственный жанр, претендующий на схожесть с жизнью, где автор его чувствует себя творцом реальности в буквальном смысле этого слова»⁵.

Часть исследователей обращает внимание на синтетический (а можно, наверное, сказать и синкетический) характер его сознания. Так, Ён Ын Пак отмечает, что «Тарковский соединяет христианское и буддистское мировоззрение, мистическую философию и теософию. Он впитал в себя способность созерцания трансцендентального мистического единства всех религий с мудростью и духовными достижениями Востока и Запада. Таким образом, Тарковский выражал в своих фильмах ценности солидарности, общности, любви, гармонии, мира и сосуществования, рассматривал человечество и картину мира как макро-парадигму единства» [Пак: 83]. Для нас это свидетельствует в пользу «цельности» философии Тарковского, которая в основе своей содержит фундаментальную идею Вл. Соловьева (на и всей русской религиозной философской традиции) — идею всеединства. Часто говорят, что фильмы Тарковского провозглашают общечеловеческие ценности. На самом деле эти ценности — всечеловеческие. (Здесь мы имеем ввиду эвристичную работу А.В. Смирнова, в которой убедительно демонстрирует различие концептов общечеловеческого и всечеловеческого [Смирнов].)

Если перевести разговор о философии в личностно-персоналистический дискурс, то «творчество советского кинорежиссера Андрея Тарковского отражает идеи русских дореволюционных философов Фёдора Достоевского, Владимира Соловьёва, Николая Фёдорова, Сергея Булгакова и Павла Флоренского <...> его концептуальная ось целостности (целостности) была заимствована у немецких идеалистов XVIII и XIX веков, которые имели дело с тем, что они называли Абсолютом. К этой категории относятся Георг В. Фридрих Гегель, Фридрих Шлейермахер и Фридрих В. Шеллинг <...> Кроме того, философские рамки Иммануила Канта играют ключевую роль в анализе творчества Тарковского...» [Wakefield: 111]⁶.

⁵ Коллекция документов «Архив А.А. Тарковского» // ГБУ ИО «Областной музей «Музеи города Юрьевца». Номер по КП (ГИК): ЮКМ 4132/639. С. 1.

⁶ В оригинале: «This dissertation focuses on how Soviet filmmaker Andrei Tarkovsky's work reflects notions of Russian pre-revolutionary philosophers Fyodor Dostoevsky, Vladimir Solovyov, Nikolai Fedorov, Sergei Bulgakov, and Pavel Florensky. My claim is that their conceptual axis of *tselostnost* (wholeness) was taken from the German Idealists of the eighteenth and nineteenth centuries who dealt with what they called the Absolute. Included in this

Тарковский как философ и кино как философия. На настоящий момент (после работ Игоря Евлампиева) первый тезис не вызывают ни у кого возражений. Второй тезис уже «защитил» Ж. Делез, показав, что «никакой детерминации, ни технической, ни прикладной (психоанализ, лингвистика), ни рефлексивной, недостаточно для того, чтобы сформировать концепты самого кино» [Делез: 553]. Концепты формирует автор / режиссер (и его команда) и, в определенной мере, зритель, пытающийся постичь замысел мастера.

В силу этого тезис о Тарковском как о философе, наверное, следует поместить в более широкий философский контекст. Философия, по меткому выражению Федора Гиренка есть удовольствие мыслить иначе. Тарковский оказался «несовместим с советским кино», ибо мыслил кардинально иначе. Добавим сюда марксовское «философия есть квинтэссенция культуры». Для Тарковского его собственные мироощущение и миропонимание задавали культуру его кинотекстов. И, наконец, философия есть не что иное, как учение о внутреннем и внешнем миропостроении (Г.С. Смирнов), как ее понимали в настоящей русской философии. В своих фильмах Тарковский конструировал мир, обладавший особыми характеристиками: «его произведения являются одновременно и текстом и реальностью и вместе с тем не являются ни тем ни другим» [Салынский: 513]. Тарковский сам считал свои работы «феноменами непосредственной реальности» [Там же]. «Мир, возникающий в рамке экрана» оказался реальнее «реального мира».

Философия Тарковского: деонтологическое измерение. «Малый мир» сознания Тарковского определил «большой мир» универсума его фильмов, новой реальности. Подчеркнем здесь, что эта реальность (как и философия, лежащая в основании ее конструирования) не столько онтологичны (то есть отражают сущее), сколько деонтологичны (отсылая к пространству должного). Метафорически: в место, которое есть, вторгается место, которого нет, отодвигая первое на второй план.

Пространство философского знания мыслится как единство четырех срезов знания — онтологии, гносеологии, аксиологии и праксиологии. Эти ипостаси философского знания в некоторой степени соотносимы с фундаментальными кантовскими вопросами: «Кто Я», «Что я могу знать?», «На что Я могу надеяться?», «Что я должен делать?».

О философии Тарковского следует вести речь как раз в контексте представления о «структуре» философского знания⁷. Зафиксируем концепты для четырех срезов философского знания.

В онтологическом ключе концептами философии Тарковского выступают трансцендентальность и совершенность (совершенность). Он конструирует мир, который находится «по ту сторону добра и зла», где добро и зло не акторы разворачивающейся истории (онтологизированы), а лишь условия для формирования качества совершенства в человеке. Примером тому миры «Соляриса» и «Сталкера», когда Тарковский отталкивался от известных литературных произведений, но создавал почти независимые от авторских концепций реальности, заставляющие героя идти по пути страдания и самопознания: «...в нашем фильме проблема

category are Georg W. Friedrich Hegel, Friedrich Schleiermacher, and Friedrich W. Schelling. <...> Additionally, the philosophical framework of Immanuel Kant is key to analyzing Tarkovsky's work...»

⁷ Можно, однако, и развернуть четырехчастную вопросную структуру в семичастную, добавив бахтинские вопросы, которые, безусловно, значимы для реальности, творимой Тарковским, — «почему?», «как?», «зачем?».

столкновения с неземной цивилизацией возникает как конфликт внутри самого человека от этого столкновения с неизвестным. Так сказать, этот удар, этот шок переносится в духовную сферу человека <...> Солярис как бы материализует самое гнусное, что было в этих людях, как бы придвигает к ним зеркало, и они вынуждены посмотреть на себя... ну, так сказать, без всяких возможных [уклонений] от этой встречи...» [Тарковский 1992].

В гносеологическом ключе доминантной «теорией познания» оказывается вера — вера не всегда в «явленного Бога», но, тем не менее, не теряющая своей сакральности. Это вера в номотетические (в кантовском понимании) законы бытия, в некие исходные человеческие установления, нравственные аксиомы. В некоторых случаях — это вера в совершенного человека, «созданного» по образу и подобию... Вопрос и проблема Веры, так же, как и религии, — фундамент и мировоззрения и творчества А.А. Тарковского, о чем он много раз говорил и писал — в интервью, статьях, материалах к книге «Запечатленное время», дневниках. Интересно то, что сам режиссер рассматривал как преимущественно религиозные те фильмы, о которых в меньшей степени принято говорить в этом ключе, например, «Сталкера»: «... в этой вещи... прозвучит вот эта нота... чисто религиозная... по-настоящему, не формально религиозная... а именно — по существу... Потому что религия дается совершенно безутешным существам... которые не имеют возможности опереться на что-то другое, реальное... реально существующее...»⁸.

В аксиологическом ключе первостепенную значимость получает концепт целостности, который идет в неразрывной связке и идеями жертвенности и утраты. Ранее утраченная целостность — главная мечта всех героев Тарковского. Восстановление этой целостности — связности с собой — невозможно без жертвенности — расставания с прошлым. Но эта связность с собой синонимична и связи с миром, которая лежала в основе гармоничного бытия. В этом отношении интересен комментарий режиссера к фильму «Ностальгия» в одном из интервью О.Е. Сурковой: «...для меня самое главное вот это... по существу Ностальгия — это ностальгия по невозможности соединения со всем, с чем он встречается слияния...<...> и в этом смысле для финала картины очень важна была его смерть... смерть от болезни, но которая выглядит как, для нас она была как символ... как невозможность жить в состоянии раздробленности...»⁹.

В праксиологическом ключе на первый план выходит идея спасения, или воскресения (опять же в смысле обретения целостности), наиболее ярко выражаясь в актах самопожертвования. Особенно сильно это звучит в «Жертво-приношении», где все поступки главного героя свидетельствуют именно о такой стратегии: «Когда разыгрывается трагедия и катастрофа неминуема, он в соответствии с логикой своего внутреннего мира обращается к Богу, как единственной надежде. Это момент отчаяния. <...> Я думаю, что человека, готового пожертвовать собой, можно считать верующим <...> Александр жертвует собой, но в то же время вынуждает к этому и других. Это сумасшествие! Ну, а что поделаешь? Конечно, для них он человек конченый, хотя на самом деле совершенно ясно, что как раз он-то и спасен» [Тарковский 1989].

Таким образом, в философском дискурсе А. Тарковский утверждает триаду Истина, Добро, Красота, овеществленную в его кинотекстах. Если же мы

⁸ Коллекция документов «Архив А.А. Тарковского» // ГБУ ИО «Областной музей «Музеи города Юрьевца». Stalker 2. Номер по КП (ГИК): ЮОКМ 4132/674.

⁹ Коллекция документов «Архив А.А. Тарковского» // ГБУ ИО «Областной музей «Музеи города Юрьевца». 13АТН. Номер по КП (ГИК): ЮОКМ 4132/680

ведем речь об уровне системообразующих отношений, то он выступает как поборник (о чем пишет в своих воспоминаниях) другой триады — Вера, Надежда, Любовь.

Вместо заключения. Философия Андрея Тарковского антагонистична. Она выступает мировоззренческим основанием построения мира, контрадикторного окружающей действительности. Эта антагонистичность задает антропологическую динамику, результатом которой оказывается «новая философия человека» [Евлампиев 1996], или новая (в нашей системе референций — ноосферная) антропология. Последняя формирует в индивидуальном и коллективном сознании овеществленные свойства и отношения в форме образов (пронизанными метафоричностью и символичностью), которые выступают идеалом, без которого «просто было бы невозможно жить».

Список литературы / References

- Делёз Ж. Кино. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 560 с.
(Deleuze J. Cinema, Moscow, 2016, 560 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Системная герменевтика: Концепты. Смыслы. Тексты. Иваново: Иван. гос. сельхоз. акад., 2014. 384 с.
(Dmitrevskaya I.V. Systemic Hermeneutics: Concepts. Meanings. Texts, Ivanovo, 2014. 384 p. — In Russ.)
- Евлампиев И.И. Андрей Тарковский и новая философия человека // Вопросы философии. 1996. № 12. С. 48—61.
(Evlampiev I.I. Andrei Tarkovsky and the new philosophy of human, *Questions of Philosophy*, 1996, no. 12, pp. 48—61. — In Russ.)
- Евлампиев И.И. «Страсти по Андрею»: Философия жертвенности. Андрей Тарковский и традиции русской философии // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 56—70.
(Evlampiev I.I. “The passion for Andrei”: The philosophy of sacrifice. Andrei Tarkovsky and the traditions of Russian philosophy, *Questions of Philosophy*, 2000, no. 1, pp. 56—70. — In Russ.)
- Евлампиев И.И. Художественная философия Андрея Тарковского. СПб: Алетейя, 2001. 348 с.
(Evlampiev I.I. The Artistic Philosophy of Andrei Tarkovsky, St. Petersburg, 2001. 348 p. — In Russ.)
- Кириллова Н.Б. Идея жертвенности как «код» нравственной философии Андрея Тарковского // Вестник Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова. 2021. Т. 13, № 3 (49). С. 52—67.
(Kirillova N.B. The idea of sacrifice as a “code” of Andrei Tarkovsky’s moral philosophy, *Bulletin of the All-Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov*, 2021, vol. 13, no. 3 (49), pp. 52—67. — In Russ.)
- Компаниец Э.Н. Опыт философского осмыслиения творчества Андрея Тарковского // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2012. № 2 (22). С. 53—58.
(Kompaniets E.N. An attempt at philosophical understanding of the works of Andrei Tarkovsky, *Socio-economic management: theory and practice*, 2012, no. 2 (22), pp. 53—58. — In Russ.)
- Пак Ён Ын. Мистическая философия всеединства в фильмах Андрея Тарковского // Вестник Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова. 2022. Т. 14, № 2 (52). С. 74—85.
(Park Young Eun. The mystical philosophy of all-unity in the films of Andrei Tarkovsky, *Bulletin of the All-Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov*, 2022, vol. 14, no. 2 (52), pp. 74—85. — In Russ.)

- Панофский Э. Стиль и средства выражения в кино // Вопросы эстетики и теории зарубежного кино: (переводы и рефераты). Информационный сборник. № 12. М., 1977. С. 10—39.
 (Panofsky E. Style and means of expression in cinema, *Questions of aesthetics and theory of foreign cinema: (translations and abstracts)*, 1977, no. 12, pp. 10—39. — In Russ.)
- Салынский Д.А. Киногерменевтика Тарковского. М.: ПЦ Квадрига, 2009. 576 с.
 (Salynsky D.A. Tarkovsky's Cinema Hermeneutics, Moscow, 2009, 576 p. — In Russ.)
- Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. М.: Садра: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
 (Smirnov A.V. All-human vs. Generally-human, Moscow, 2019, 216 p. — In Russ.)
- Тарковский А.А. «Красота спасет мир...». Интервью с Шарлем-Анри де Брантом // Искусство кино. 1989. № 2. С. 145.
 (Tarkovsky, A.A. "Beauty will save the world...". Interview with Charles-Henri de Brant, *Cinema Art*, 1989, no. 2, p. 145. — In Russ.)
- Тарковский А.А. Пояснения к фильму «Солярис». (Выступление перед зрителями; Восточный Берлин, март 1973 года) // Киноведческие записки. 1992. № 14. С. 48—55.
 (Tarkovsky A.A. Explanations for the film "Solaris". (Speech to the audience; East Berlin, March 1973), *Film Studies Notes*, 1992, no. 14, pp. 48—55. — In Russ.)
- Хренов Н.А. Философия и искусство: Тарковский как основатель новой дискурсивности // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований. 2023. № 4 (5). С. 49—86.
 (Khrenov N.A. Philosophy and art: Tarkovsky as the founder of a new discursivity, *Industries of Impressions. Technologies of Sociocultural Research*, 2023, no. 4 (5), pp. 49—86. — In Russ.)
- Хренов Н.А. Кинорежиссура как пространство философии: А. Тарковский как философ. Статья первая // Вестник Российской христианской гуманитарной академии. 2024. Т. 25, № 1. С. 38—56.
 (Khrenov N.A. Film directing as a space of philosophy: A. Tarkovsky as a philosopher. Article one, *Russian Christian Humanitarian Academy Bulletin*, 2024, vol. 25, no. 1, pp. 38—56. — In Russ.)
- Tarkovsky A. Sculpting in Time: Reflections on the Cinema, Austin: University of Texas Press, 1989, 254 p.
- Wakefield A.L. Yearning for the absolute: Andrei Tarkovsky's philosophical roots: Thesis submitted to the Faculty of Georgetown University School of Continuing Studies in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor in Liberal Studies, Washington DC, November 18, 2022, 224 p.

TARKOVSKY'S FILM PHILOSOPHY: CASE OF CONCEPTUAL UNDERSTANDING

Maria A. Milovzorova, Elena M. Raskatova, Dmitry G. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
 machutka@mail.ru, elenaraskatova@mail.ru, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Abstract. This article is devoted to a systemic analysis of Tarkovsky's philosophy. The aim of the work is to identify the system-forming properties of his philosophy within the framework of four key dimensions of philosophical knowledge. The methodological basis is the ternary model of the systems approach, which allows for the consideration of phenomena at the levels of concept, structure, and elements. The authors reconstruct the philosophical foundations of Tarkovsky's worldview and identify basic concepts for each philosophical dimension. In ontology, these are transcendentalism and perfection; in epistemology, faith (in the nomothetic laws of being); in axiology, these are integrity and sacrifice; and in praxeology, these are

salvation/resurrection through self-sacrifice. A conclusion is drawn about the deontological nature of this philosophy: it constructs a world of what should be, contradictory to the surrounding reality. At its conceptual core, Tarkovsky's philosophy affirms the classical triad of Truth, Goodness and Beauty, and at the level of system-forming relationships, the triad of Faith, Hope and Love. Ultimately, it forms the foundations of a noospheric anthropology, offering ideal images of human being.

Keywords: Tarkovsky's philosophy, systems approach, cinematic text, deontology, syncretism, integrity, noospheric anthropology

For citation: Milovzorova M.A., Raskatova E.M., Smirnov D.G. Tarkovsky's film philosophy: case of conceptual understanding, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 171—178.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторах / Information about authors

Миловзорова Мария Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, machutka@mail.ru, SPIN-код: 1110-8824

Milovzorova Maria Alekseevna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, machutka@mail.ru

Раскатова Елена Михайловна — доктор исторических наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, elenaraskatova@mail.ru, SPIN-код: 6153-5163

Raskatova Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (History), Professor of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, elenaraskatova@mail.ru

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru, SPIN-код: 4973-7227

Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Head of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 179—185.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 179—185.

Научная статья

УДК 1:165:81'1:004

EDN <https://elibrary.ru/asznuv>

DOI: 10.46726/H.2025.4.20

«ЯЗЫК» ЦИФРОВОГО СОЗНАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

**Мерине Акоповна Меликян, Никита Михайлович Ветчинин,
Михаил Владимирович Сидоров**

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

merimelikyan@mail.ru, vetchininnm@ivanovo.ac.ru, militarydragon@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена философско-методологическому анализу феномена цифрового сознания через призму его языковой организации. Авторы исходят из тезиса о критической роли философии языка в современном технологическом укладе, где язык понимается как онтологически связанная по принципу обратной связи с сознанием среда. Методологически исследование опирается на системный и семиотический подходы. Зафиксировано, что цифровому сознанию соответствует не логика образов или понятий, а логика вещей (овеществлённых формул). В семиотическом плане имеет место редукция: цифровое сознание оперирует преимущественно сигналами и значениями, вытесняя сложные символы и смыслы. Предлагается типология субъектов по характеру работы (генерация / перцепция) с информацией. Отмечен главный риск цифровой культуры, связанный с отчуждением памяти и смыслов, что снижает устойчивость и резистентность сознания. В контексте ноосферного дискурса осмыслено вытеснение аналоговых антропологических практик и навязывания алгоритмических моделей мышления извне. Сделан вывод, что язык цифрового сознания демонстрирует уязвимость естественного разума в цифровую эпоху и ставит вопрос о необходимости выработки новой ноосферной антропологии.

Ключевые слова: цифровое сознание, аналоговое сознание, философия языка, ноосфера, семиотика, смысл, ноосферная безопасность, искусственный интеллект

Для цитирования: Меликян М.А., Ветчинин Н.М., Сидоров М.В. «Язык» цифрового сознания: к постановке проблемы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 179—185.

Вместо Введения. Философии языка — одна из критически важных «high-technologий» актуального цивилизационного уклада. Дело не только в том, что, как справедливо отметил Мартин Хайдеггер, «язык — это дом бытия», но и в том, что он онтологически связан с сознанием, разумом по принципу обратной связи. Это переадресует нас в дискурс инвайронментализма, где «среда формирует разум в той же степени, в которой разум формирует среду» [Смирнов 2012: 118]. Изменение одного элемента все более усложняющейся системы «разум — среда» (получающей в собственно философском дискурсе выражение в триаде «сознание — мышление — язык») неизбежно приводит к трансформации другого. Подобная ситуация адекватно описывается основным ноосферным законом — «информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество» [Дмитревская, Портнов, Смирнов: 44] и основным семисферным (семиотическим)

законом — «вещество развертывается в энергию, энергия «распаковывается» в информацию» [Смирнов: 54].

Аналоговое сознание¹ отличается от цифрового, уже в силу различия в соответствующих типах мышления. Думается, что этот тезис аксиоматичен. Со средоточием наше внимание не на его доказательстве, сославшись, например, на разработки Грегори Бейтсона, занимавшегося данной проблемой в свете его представлений о тяготении разума к «линеарности мышления» [Бейтсон: 154], а на выявлении специфики цифрового сознания через обращение к анализу его языка.

Логика наших размышлений, ориентированная на бинарный язык описания, закономерно приводит в пространство континуально-дискретного, статико-динамического тезауруса рассмотрения мышления и сознания [Калинин, Портнов]².

Междудоминантные парадигмы. Наиболее распространенным способом позиционирования аналогового и цифрового типов сознания является бинарный, предполагающий противопоставление. Согласимся с логикой Юлии Дуплинской, которая последовательно работает с концептами эйдосов и кодов, форм и формул (заимствуя идею у Жана Бодрийяра) [Дуплинская].

Попробуем предложить свое видение проблемы когнитивных ориентаций сознания / мышления. В логическом плане принято различать логику Платона, логику Аристотеля и логику Демокрита — соответственно логику образов, логику понятий и логику вещей. Интеллектуальная история человечества демонстрирует, что исходным в когнитивном плане была логика эйдосов, которую затем сменила логика понятий. Можно предположить, что цифровая ориентация сознания / мышления задается логикой вещей (но ни как какой-то формы, а как овеществленной формулы)³.

Думается, что эти логики можно выстроить не столько в хронологической последовательности, ибо они сосуществуют в рамках актуального технологического уклада, а рассмотреть через «окно Овертона». Это «метафорическое окно», двигаясь по темпоральной оси, «подсвечивает» диапазон допустимых (а точнее, приемлемых) языков описания сознания, типов когнитивной ориентации, способов конструирования реальности.

Язык тернарного описания. Троичность, предложенная выше, органична системной методологии А.И. Уёмова [Уёмов], которая позволяет рассмотреть и сознание, и мышление, и язык на уровнях концепта (системообразующего свойства), структуры и субстрата (элементов). Сразу же оговоримся, что сам язык выступает в некотором смысле овеществленным концептом для систем сознания и мышления.

¹ Обратим здесь внимание, что данный термин не прижился в философском тезаурусе. Исследователи предпочитают оперировать концептами «цифровое мышление», «тип осмыслиения реальности (мышления)» и, отдельно отметим «способов конструирования реальности» [Дуплинская: 22].

² Мы предпочитаем использование именно такого категориального аппарата, хотя в исследовательской литературе обнаруживают себя рядоположенные концепции. Так Александр Дугин в технологическом дискурсе предлагает различать континуальную и дисконтинуальную технологии (от себя добавим — не только в сфере материального, но и духовного производства). А Юлия Дуплинская переводит разговор в культурологическую плоскость, сравнивая картины (мозаичные и немозаичные), скульптуры (составные и монолитные) и, наконец, химию и алхимию [Дуплинская: 22, 23].

³ Не случайно, наверное, на эту методологическую проблему еще в середине прошлого века обратил внимание академик В.И. Вернадский. Он полагал, что «языком описания» естествознания должен быть вещный «язык Демокрита», а не понятийный «язык Аристотеля».

Если мы посмотрим на проблему (языка) цифрового сознания с семиотической точки зрения, то окажется, что она весьма эвристична. В самом первом приближении семиотика (и мы как познающие субъекты) «оперирует» сигналами, знаками и символами. Эти семиотические формы расположены по времени возникновения, а вот частотность их когнитивного использования может различаться в темпоральном отношении.

Сопоставив эту идею с предшествующими размышлениями, мы получаем своеобразную матрицу «обратной соотнесенности»: образы / символы, знаки / понятия, сигналы / вещи. Возникает следующая когнитивная ситуация: при упрощении (специализации) генеративного измерения упрощается (унифицируется) и перцептивное измерение. В силу этого момента, усложнение, связываемое с цифровым мышлением и цифровым сознанием — кажущееся. Закон «примитивности» сознания, о котором писал Грегори Бейтсон, не перестает действовать.

«Когнитивная» лента Мебиуса. Опасность подобной aberrации хорошо иллюстрирует лента Мебиуса⁴. Дигитализация сознания, в этом ключе, предстает как закономерный (почти геологический, учитывая онтологичность цифровой реальности) и тотальный процесс. Взаимопереходы от континуального к дискретному и обратно, вероятнее всего, детерминистски обусловлены. Поясним с точки зрения концептуальной аспектации: утрата антропологической практики использования символами невосполнима без внешнего вмешательства в систему; утрата оперативной коллективной памяти, невосполнима без внешнего вмешательства в систему; утрата мировоззренческого концепта, невосполнима без внешнего вмешательства в систему⁵.

Языковая матрица сознания / мышления. Когда мы переходим от модели тернарного описания к более сложным моделям, например, к кватернарной, возникает возможность перейти от сухой теории к практике. Методологически дальнейшие размышления связаны с концепцией символических ориентаций [Elder, Cobb]⁶. Отбросив политический флер данной концепции, возьмем саму идею различного восприятия (обработки) и генерации информации⁷. В результате мы получаем следующую типологию⁸.

Субъект с высокой степенью восприятия информации и, одновременно, высокой степенью генерации информации — *активист*. Субъект с высокой степенью восприятия информации и, одновременно, низкой степенью генерации информации — *читатель*. Субъект с низкой степенью восприятия информации и, одновременно, высокой степенью генерации информации — *писатель*.

⁴ При этом ее не следует рассматривать как форму «дурной бесконечности». Стоит добавить к топологическому измерению этой метафоры, темпоральное. Иными словами: движение по ленте Мебиуса не эквивалентно, а импликативно, то есть предполагает причинно-следственную связь предыдущего «шага» и последующего.

⁵ Данная метафора не дает полного объяснения процесса цифровизации сознания / мышления, но определяет потенциальные точки негативных флюктуаций.

⁶ Она строится на выведении четырех типов символических ориентаций в восприятии дискурса публичной политики в зависимости от степени когнитивности (рациональности) и аффективности (эмоциональности) воспринимаемой символической реальности для познающего субъекта.

⁷ Эта мысль должна разворачиваться в контексте упомянутых в самом начале статьи ноосферного и семиосферного законов.

⁸ Подчеркнем, что фиксация предлагаемых когнитивных ориентаций отнюдь не означает, что они есть результат разворачивающейся цифровизации. Очевидно одно: цифровизация кратко усиливает их когнитивные эффекты.

Субъект с низкой степенью восприятия информации и, одновременно, низкой степенью генерации информации — *вуайерист*.

Сформулируем гипотезу: для аналогового сознания и мышления характерна ситуация «преобладания» генерации информации, тогда как для цифрового сознания и мышления характерна обратная ситуация — «преобладание» восприятия информации. Таким образом, носителями аналогового сознания оказываются в нашей классификации активист и писатель. А носителями цифрового сознания становятся читатель и вуайерист⁹.

Рискология цифрового сознания / мышления. Проблема здесь не в типологии самой по себе, а в следствиях предложенных когнитивных ориентаций¹⁰. Дело не столько в отсутствии практики самостоятельной генерации информации (а в антропологическом плане лучше говорить о производстве знания и, желательно, нового знания), сколько в насмотренности и начитанности типовыми текстами с точки зрения структуры и составляющих.

В цифровом сознании концепты задаются не самим познающим субъектом, а принимаются извне. Алгоритмы мышления формируются не естественным образом в общении с их носителями (естественным разумом), а получаются в процессе «коммуникации» с широко понимаемым искусственным интеллектом¹¹. И — наиболее радикальный посыл — сознание постепенно перемещается на цифровой субстрат¹².

Но, вернемся к мысли о континуально-дискретной природе сознания и мышления. Лучше всего это сделать через обращение к смыслам. Именно их «мы можем рассматривать как переходный, связующий момент непрерывного внутреннего мира (сознания) и внешней (дискретной) реальности [Калинин: 63]. П.Е. Калинин придерживается точки зрения, согласно которой в памяти сохраняется только смысл [Там же: 62]. Для нас этот момент крайне важен. Дело в том, что цифровая культура выдавливает память и, соответственно, смыслы в отчужденное от сознания пространство. Поэтому «работа» непосредственно со смыслами в рамках цифрового сознания затруднена (если вообще возможна). Развернем эту идею в семиотическую плоскость. Мы, вслед за И.В. Дмитревской, разделяем значение и смысл как разные по глубине проникновения в текст (в широком понимании этого термина). Для нас значение тяготеет к дискретности, тогда как смысл (как нечто преднаходимое) к континуальности. Смыслы, задаваемые символической сферой, связывают время и пространство, а значения, хотя они того или нет, разделяют.

И последнее замечание. А.Н. Портнов прозорливо полагал, «что интеграторами сознания выступают не память, внимание, интеллект, речь сами по себе, но личностный центр сознания, а перечисленные выше психические функции

⁹ Обратим внимание, что включенность в процесс восприятия информации может быть разной. Подчеркнем, что вуайерист так или иначе находится в пространстве цифровой культуры, неизбежно потребляя соответствующий контент.

¹⁰ Отметим, что к типу читателей и вуайеристов относятся и те индивиды, которые прибегают для генерации информации к помощи нейросетей. Здесь имеет место, с нашей точки зрения не генерация, не производство, а трансляция информации. В таком случае, следует отказать субъекту в статусе актора культуры.

¹¹ Можно, конечно, возразить, что подобные кейсы эпизодичны и не носят повального характера, но с философской точки зрения, здесь существуетен «фактор кворума». Популяризируемые квазиантропологические практики, связанные с «коэволюцией» живых и неживых нейросетей, просто пока не набрали когнитивного кворума.

¹² Этот феномен получил название планетарной цефализации [Смирнов, Никифоров; Smirnov G., Smirnov D.].

выполняют инструментальную роль, будучи глубоко пронизаны личностным моментом» [Калинин, Портнов: 34]. Сознание в «ансамбль» превращается не автоматически, а под воздействием социальных воздействий во всем их многообразии. Так возникает устойчивость и ригидность структур сознания» [Там же: 32].

Оказывается, устойчивость и резистентность (как сопротивляемость) являются следствием всего многообразия антропологических практик, в которые включен человек в рамках процессов социализации. Логично допустить, что сокращение последних закономерно повлечет за собой снижение устойчивости и ригидности. Цифровая культура вытесняет аналоговые практики, заменяя их не всегда эвристичными аналогами.

Создается ситуация, о которой в свое время хорошо написал Мартин Хайдерег — ситуация постава. В ситуации постава происходит «экзистенциальное самоубийство» человека: он превращается (в первую очередь для себя самого) в капитал, ресурс, сырье, инструмент. Все — природу, человека, мышление — можно «заказать». При этом угроза кроется не в самих гаджетах (технических артефактах), а в том, что техносфера скрывает, затемняет другие «архаичные» способы выхода в бытие, затрудняет их поиск и обнаружение.

Вместо Заключения: антропная вирусология и ноосферная антропология. У Юлии Дуплинской есть еще одна эвристичная (бодрийяровская) идея, связанная со сравнением бактерии и вируса, которые корреспондируют форме и формуле. Ее смысл в том, что «речь идет о некоем общем типе патогенных процессов, характерном для самых разнообразных сфер культуры, строящейся по цифровому принципу», связанному с «вирусным началом» и «патологией формы» [Дуплинская: 25]. В приведенной аналогии главная проблема заключается в том, что практически нет возможности защититься от нейросетевых вирусов (как, впрочем, и от некоторых естественных тоже). Если с иммунной реакцией на вирусы все более или менее понятно, то в контексте когнитивной вирусологии этот вопрос еще только стоит на повестке дня.

И здесь мы ступаем на территорию, которую в рамках ивановской философской традиции принято идентифицировать как ноосферную безопасность. Эта сфера не только философского, но в целом — комплексного знания рассматривает в качестве системообразующего свойства современной культуры «диалектику» естественного разума и искусственного интеллекта. Очевидно, что все проблемы — патриотические, идеологические, исследовательские (как эпистемологические), образовательные, демографические, производственные (прежде всего, конечно, в сфере духовного производства) — есть результат именно дисбаланса этих двух феноменов.

Подчеркнем, что данный материал не носит алармистского характера. Он лишь демонстрирует особую философскую позицию, возникающую на пересечении философии сознания и философии ноосферы. «Язык», на котором говорит цифровое сознание — язык вещей (как язык кодов), язык сигналов (как язык формул), язык значений — не есть самостоятельный язык языкового (пока еще аналогового) сознания. Он обнаруживает слабость человека — ту, о которой замечательно написал Дж. Джелли в своем трактате «Цирцея» — слабость апологии естественного разума.

Список литературы / References

- Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии. М.: КомКнига, 2005. 248 с.
(Bateson, G. Steps Toward an Ecology of Mind: Selected Papers on Evolutionary Theory and Epistemology, Moscow, 2005, 248 p. — In Russ.)

- Дмитревская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Г.С. Ноосферная динамика России: Философские и культурологические проблемы: Ч. 1 // Ноосферные исследования. Иваново, 2002. Вып. 1. 152 с.
 (Dmitrevskaya I.V., Portnov A.N., Smirnov G.S. Noosphere as a systemic organized generality, *Noospheric Studies*, 2002, iss. 1, 152 p. — In Russ.)
- Дуплинская Ю.М. Аналоговое и цифровое как типы конституирования и деструкции сущего // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, № 2-1. С. 21—26.
 (Duplinskaya Yu.M. Analogue and digital as types of constitution and destruction of existence, *Saratov University Bulletin. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2013, vol. 13, no. 2-1, pp. 21—26. — In Russ.)
- Калинин П.Е., Портнов А.Н. Проблемы языка описания сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Вып. 2. С. 8—36.
 (Kalinin P.E., Portnov A.N. Problems of the language of description of consciousness, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2009, iss. 2, pp. 8—36. — In Russ.)
- Смирнов Г.С., Никифоров А.С. Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 84—92.
 (Smirnov G.S., Nikiforov A.S. Planetary cephalization: organic and electronic global mind (paths of linguistic rapprochement), *Northern (Arctic) Federal University Bulletin, Series: Humanities and social sciences*, 2018, no. 1, pp. 84—92. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. Семиософия ноосферной реальности: философско-методологический дискурс // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 3. С. 138—145.
 (Smirnov D.G. Semiosophy of noospheric reality: philosophical and methodological discourse, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2008, iss. 3, pp. 138—145. — In Russ.)
- Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 184 с.
 (Uemov A.I. Things, properties and relations, Moscow, 1963, 184 p. — In Russ.)
- Elder C. D, Cobb R. W. The Political Uses of Symbols, New York: Longman, 1983, 173 p.
 Smirnov G., Smirnov D. Cephalization of the Noosphere: Socio-Philosophical Aspects, *Philosophy and Cosmology*, 2019, vol. 22, pp. 137—143.

“THE LANGUAGE” OF DIGITAL CONSCIOUSNESS: TOWARDS THE STATEMENT OF THE PROBLEM

Merine A. Melikyan, Nikita M. Vetchinin, Mikhail V. Sidorov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,

merimelikyan@mail.ru, vetchininnm@ivanovo.ac.ru, militarydragon@mail.ru

Abstract. This article presents a philosophical and methodological analysis of the phenomenon of digital consciousness through the lens of its linguistic organization. The authors base their analysis on the critical role of the philosophy of language in the modern technological order, where language is understood as an environment ontologically linked through feedback with consciousness. Methodologically, the study draws on systems and semiotic approaches. It is established that digital consciousness is not governed by the logic of images or concepts, but by the logic of things (reified formulas). Semiotically, a reduction occurs: digital consciousness operates primarily with signals and meanings, displacing complex symbols and meanings. A typology of subjects based on the nature of their work (generation/perception) with information is proposed. The main risk of digital culture is identified: the alienation of memory and meanings, which reduces the stability and resilience of consciousness. In the context of noospheric discourse, the displacement of analog anthropological practices and the imposition of algorithmic models of thought from the outside is

considered. It is concluded that the language of digital consciousness is a language of codes, formulas, and meanings, which demonstrates the vulnerability of natural reason in the digital age and raises the question of the need to develop a new noospheric anthropology.

Keywords: digital consciousness, analog consciousness, philosophy of language, noosphere, semiotics, meaning, noospheric security, artificial intelligence

For citation: Melikyan M.A., Vetchinin N.M., Sidorov M.V. “The language” of digital consciousness: towards the statement of the problem, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 179—185.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторах / Information about authors

Меликян Мерине Акоповна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, melikyanma@ivanovo.ac.ru, SPIN-код: 4848-7140

Melikyan Merine Akopovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, melikyanma@ivanovo.ac.ru

Ветчинин Никита Михайлович — стажер-исследователь НОЦ «Комплексные ноосферные исследования», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, vetchininnm@ivanovo.ac.ru SPIN-код: 4615-1756

Vetchinin Nikita Mikhailovich — Research Intern at the Complex Noospheric Research Center, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, vetchininnm@ivanovo.ac.ru

Сидоров Михаил Владимирович — стажер-исследователь НОЦ «Комплексные ноосферные исследования», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, militarydragon@mail.ru SPIN-код: 6627-3416

Sidorov Michal Vladimirovich — Research Intern at the Complex Noospheric Research Center, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, militarydragon@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки 2025. Вып. 4. С. 186—190.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 186—190.

Рецензия

УДК 821.161.1.09

EDN <https://elibrary.ru/chputs>

DOI: 10.46726/H.2025.4.21

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ.

Рец. на кн.: Эстафета поколений. Ученики и коллеги в честь

юбилея профессора Зои Ивановны Кирнозе / ред. колл.:

В.Г. Зусман, К.Ю. Кашлявик, Е.А. Сакулина. СПб.: Алетейя, 2024. 532 с.

Александр Николаевич Таганов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shishtag@mail.ru

Аннотация. Рецензируемая коллективная монография посвящена очередному юбилею Зои Ивановны Кирнозе — известному современному отечественному литературоведу, чья творческая деятельность продолжается на протяжении многих лет. Уникальность книги заключается в том, что она органично сочетает в себе биографический и научно-исследовательский материалы, объединяя при этом тексты ученых разных поколений и различных университетских школ. Вступительная часть книги позволяет судить о выдающихся личностных качествах юбиляра. Научные исследования, составляющие большую часть книги, создают необходимый контекст, дающий представление о широкой сфере научных интересов З.И. Кирнозе, а также знакомят нас с направленностью литературоведческой мысли в таких областях, как история мировой литературы, компаративистика, теория и практика межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: наука, традиции, преемственность, эстафета поколений, нижегородский текст, литературные связи, компаративистика, языковая культура и образование

Для цитирования: Таганов А.Н. Жизнь, посвященная науке. *Рец. на кн.: Эстафета поколений. Ученики и коллеги в честь юбилея профессора Зои Ивановны Кирнозе / ред. колл.: В.Г. Зусман, К.Ю. Кашлявик, Е.А. Сакулина. СПб.: Алетейя, 2024. 532 с. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 186—190.*

Коллективная монография, вышедшая в известном санкт-петербургском издательстве «Алетейя», органично соединяет в себе биографический и научно-исследовательский материалы. Объединяющим началом книги и поводом ее появления является юбилей удивительного человека, неразрывно связанного с литературоведческой наукой. Речь идет о профессоре Зое Ивановне Кирнозе.

Публикация данной рецензии на страницах «Вестника Ивановского государственного университета» вполне объяснима. Один из периодов научной и преподавательской деятельности З.И. Кирнозе был связан с Ивановским

педагогическим институтом имени Д.А. Фурманова, преобразованном впоследствии в Ивановский государственный университет, где она в 1960-е годы читала лекции студентам филологического факультета по зарубежной литературе¹.

Основной этап в научно-педагогической деятельности Зои Ивановны связан с Нижегородским государственным лингвистическим университетом, в котором она долгие годы заведовала кафедрой, создав вокруг себя удивительно сплоченный и нацеленный на постоянный творческий поиск коллектив.

Научная деятельность юбиляра объединяет монографические труды, посвященные отдельным авторам, работы по компаративистике, по теории литературы и межкультурной коммуникации. Об этом дает наглядное представление отдельный раздел книги — «Основные публикации Зои Ивановны Кирнозе».

З.И. Кирнозе является одной из самых авторитетных исследовательниц французской литературы в России. Широкую известность получили ее работы, посвященные Ф. Мориаку, А. Жиду, Р. Мартен дю Гару. Одной из первых она ввела в отечественный научный обиход многие имена писателей, до этого у нас совершенно неизвестных или изученных недостаточно, таких, например, как: Ж. Грин, Ж. Бернанос, М. Жуандо, Ж. Лакретель и другие².

Авторитет Зои Ивановны и признание ее заслуг в литературоведческой науке подтверждается кругом имен, представленных в монографии. Среди них и ученики, и коллеги юбиляра из разных регионов нашей страны (Москва, Нижний Новгород, Санкт-Петербург, Иваново, Вятка, Севастополь), а также зарубежные ученые.

В названии книги звучат слова «эстафета поколений», которые как нельзя лучше передают ее замысел. Речь в данном случае должна идти не только о тех, кто подхватывает и продолжает дело З.И. Кирнозе, кто стремится вступить с ней в научный диалог, но и о самом юбиляре, которая также развивает лучшие традиции отечественной литературоведческой науки, пройдя через школу таких именитых ученых, как Б.И. Пуришев, М.Е. Елизарова, Н.П. Михальская и других известных исследователей зарубежной литературы.

Специфика монографии естественным образом определяет ее композицию и цель редакционной коллегии: познакомить читателя с уникальной творческой личностью и одновременно представить тот широкий круг интересов и проблем, которые связаны с научной деятельностью З.И. Кирнозе. Как сказано в одной из вступительных статей книги, «ее научные горизонты простираются от античности до современности и вписаны в европейские координаты всемирной отзывчивости русской культуры» (В.Г. Зусман, К.Ю. Кашлявик).

Вступительная глава монографии **«Учитель — ученики — коллеги»** посвящена этапам жизненного пути юбиляра. Здесь представлены статьи В.Г. Зусмана «“Живое былое” З.И. Кирнозе. Жизнь как творчество», В.Г. Зусмана и К.Ю. Кашлявик «З.И. Кирнозе. Половека в ИН’ЯЗе», С.М. Фомина «От жанра к жизни: о монографии З.И. Кирнозе “Французский роман XX века”», Г.П. Рябова «Юбилей любимого учителя. Учителю, коллеге, другу», К.М. Рябовой «О Зое Ивановне Кирнозе», Т.Б. Сидневой «Зоя Ивановна Кирнозе в Нижегородской государственной консерватории имени М.И. Глинки», В.В. Савиной «К юбилею Зои Ивановны Кирнозе», Е.А. Митропольской «Русская тема в жизни и творчестве Клода Фриу». В целом они создают весьма яркую картину жизни З.И. Кирнозе,

¹ См.: Кирнозе З. Былое Живое. М.: Новое время, 2012.

² См., в частности: Кирнозе З.И. Французский роман XX века (Годы 20—30-е. Проблемы жанра). Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1977.

намечая основные этапы ее жизненного пути: детство в Крыму, школа в Севастополе и ее окончание с золотой медалью, учеба в московском Библиотечном институте, а затем — в аспирантуре при Московском педагогическом институте, впоследствии ставшим университетом.

Особое место в этой части монографии занимает освещение работы Зои Ивановны в Горьковском педагогическом институте иностранных языков имени Н.А. Добролюбова, который позднее был преобразован в Нижегородский государственный лингвистический университет. Здесь же помещены приветствие юбиляру французских ученых Ирен Сокологорски и Рено Фабра, а также статья литературоведа из Франции Катрин Бремо *“Zoïa Ivanovna Kirnoze maître de vie: une histoire de rencontres”*, свидетельствующие о тесных творческих связях З.И. Кирнозе с зарубежными учеными.

Представленные в этой части книги тексты позволяют понять масштабы жизни юбиляра, круг ее коллег и их отношение к Зое Ивановне.

Второй раздел монографии **«Нижегородский текст»** знакомит нас с интересным фактами из жизни города, который на многие годы стал для З.И. Кирнозе родным. В ней помещены статьи Т.П. Виноградовой *«Нижний — город встреча»*, и Н.М. Ильченко *«Нижний Новгород и нижегородцы в книге А.И. Дельвига “Мои воспоминания”»*.

Следующая глава **«Русско-французские литературные связи»** обращает нас к той научной сфере, которая касается основной области исследовательской деятельности юбиляра. Справедливо, что она открывается статьей З.И. Кирнозе, написанной совместно со своими учениками К.Ю. Кашлявик и А.Е. Лобковым *«С.Д. Коцюбинский — забытое имя отечественной филологии (опыт портрета)»*. В ней проявляется особый дар Зои Ивановны — умение открывать новые стороны в явлениях, казалось бы, уже общеизвестных, находить неожиданный ракурс при их рассмотрении и приобщать к их изучению своих единомышленников.

Далее в этом же разделе коллективной монографии помещены работы В.В. Савиной *«Об актуальности педагогических идей Жан-Жака Руссо»*, К.А. Чекалова *«Жанровое своеобразие романа Лидии Ростопчиной “Ивонна Три Звезды”»*, С.Л. Фокина *«Ответ на вопрос “Что такое литература?”: “Фальшивая монета”»*, М. Берtrand-Dvinиной *“François Mauriac contre le Nouveau Roman”*, Н.Т. Пахсарьян *“Image de L’adolescence chez Ivan Bounin et François Mauriac”*, Е.Б. Мольковой *«Особенности художественной системы в романе Н. Саррот “Планетарий”»*, А.Н. Таганова *«Преодоление Пруста»* в творчестве Жан-Поля Сартра», В.Д. Алташиной *«Серж Дубровски: теоретик и практик автоворыслия»*, Е.Г. Барановой *«Роман С. Тессона “В сибирских лесах” — новая страница сибирского текста французской литературы»*. Тематическое и методологическое разнообразие, временной диапазон представленных работ как нельзя лучше подчеркивают широту научных взглядов юбиляра.

Как уже отмечалось, З.И. Кирнозе внесла весомый вклад в исследование французской словесности и ее связей с русской культурой. Вместе с тем круг ее интересов не ограничивается литературой Франции, потому вполне естественным выглядит в монографии глава **«Англоязычные литературы»**, где собраны исследования М.В. Яценко *«Библейские параллели в Легенде о поэте Кэдмоне: проблемы интерпретации»*, И.О. Шайтанова *«Мотив любовной клятвы в “Бесплодных усилиях любви”»*. Жанровая прагматика шекспировской комедии», Н.Н. Борышневой *«Выдающееся исследование романов Хемингуэя»*, О.А. Наумово *«Англоязычная беллетристизированная биография последних десятилетий: мемуарно-художественная документальность и образы Сибири в “Истории Ольги”»*

С. Вильямс», Н.С. Выговской «Урбанистический роман воспитания Дж. Барнса «Метроленд»: поэтика детских образов».

Пятая часть книги **«Компаративистика»** посвящена выявлению связей между различными национальными литературами. Это направление литературоведческой мысли, чрезвычайно актуальное в наше время, представлено работами В.Г. Сибирцевой «Русские переводы и переложения религиозной эпопеи Клопштока «Мессиада»», В.Г. Зусмана и С.В. Сапожкова ««Величие и падение короля Оттоакара» Ф. Грильпарцера (1823) и «Борис Годунов» А.С. Пушкина (1825): конфликт в исторической драме эпохи романтизма», Э.Б. Акимова «Ограничение хаоса в «Мере за меру» и «Медном всаднике»», С.Н. Аверкиной «Типологические схождения в творчестве И.В. Гёте и А.С. Пушкина (на примере мотива «полета»)», О.Ю. Анцыферовой «Виктор Шербюлье в восприятии Генри Джеймса», А.И. Жеребина «Святая русская литература. О функции русского архитекта в новелле Томаса Манна «Тонио Крекер»», С.Б. Королевой «Лики счастья в философской лирике В. Брюсова рубежа веков: в поиске человека и смысла», М.В. Цветковой «Образ Жанны Д'Арк в художественном мире Марины Цветаевой», М.И. Николы «Образ Платона в трудах А.Ф. Лосева», Н.А. Бакши «Мистерия бедности: французский след в творчестве Генриха Белля», Н.Л. Ермоловой «Творчество А.Т. Твардовского и русская литература XIX века», М.К. Бронич «Динамика рецепции Достоевского в творчестве Сола Беллоу».

Заключительная глава монографии **«Язык — Культура — Образование»** отсылает нас к еще одному качеству юбиляра. Зоя Ивановна — необыкновенно разносторонний человек, тонкий ценитель не только литературы, но и других видов искусства, прежде всего, музыки. Кроме того, уникальность личности З.И. Кирнозе и в том, что она создала в 1980 году литературоведческую кафедру в лингвистическом университете, благодаря чему появилась возможность развивать методологию преподавания художественной словесности в тесной взаимосвязи с изучением иностранных языков и межкультурной коммуникации, что, в свою очередь, позволило уделять внимание разным структурным составляющим текста, вплоть до лингвостилистического уровня с учетом мирового культурного контекста.

В этой части книги помещены работы А.Е. Бочкирева «К вопросу о самоидентификации в литературе и искусстве», В.И. Карасика «Статусные дискурсивные знаки», Т.С. Батищевой и Н.Э. Гронской ««Языковые одежды» политических выступлений. С. Берлускони как языковая личность», В.М. Бухарова, О.В. Байковой, О.Н. Обуховой «Эволюция лингвокультурных маркеров немецкой языковой идентичности на полуострове Крым», А.В. Иванова «Иврит в библейском измерении и не только (историко-лингвистический очерк)», А.Н. Шамова «Методика преподавания иностранных языков и ее методологические основания», Т.П. Смирновой «Женщины в истории: Ангелика Кауфман», О.И. Федотова «Литература и кинематограф (опыт публикации оппонентского отзыва)», Т.Б. Сидневой «Человек и будущее искусства в эпоху глобальных перемен (перечитывая труды академика Д.С. Лихачева)».

Таким образом, материалы, представленные в рецензируемой монографии, представляют бесспорный научный интерес, знакомя нас с актуальными проблемами истории европейских литератур, компаративистики, лингвистики, теории и практики межкультурной коммуникации, а кроме того, позволяют создать портрет неординарной личности З.И. Кирнозе — выдающегося ученого, педагога, познакомить читателя с её окружением, проследить за преемственностью научной литературоведческой мысли.

A LIFE DEDICATED TO SCIENCE

Book review: The Relay race of generations. Students and colleagues in honor of the anniversary of Professor Zoya Ivanovna Kirnose, ed. by colleagues: V.G. Zusman, K.Y. Kashlyavik, E.A. Sakulina, St. Petersburg: Aleteya, 2024, 532 p.

Alexandr N. Taganov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shishtag@mail.ru

Abstract. This peer-reviewed multi-authored monograph is dedicated to the anniversary of Zoya Ivanovna Kirnoze, a well-known contemporary Russian literary scholar whose creative work has spanned many years. The book's uniqueness lies in its seamless blend of biographical and research materials, bringing together the texts from scholars of different generations and various university schools. The introductory section offers insights into the remarkable personal qualities of the author. The scholarly research that makes up the bulk of the book provides the necessary context for understanding the broad scope of Z.I. Kirnoze's scholarly interests and introduces us to the trends in literary scholarship in such fields as the history of world literature, comparative studies, and the theory and practice of intercultural communication.

Keywords: science, traditions, continuity, the relay race of generations, Nizhny Novgorod text, literary relations, comparative studies, linguistic culture and education

For citation: Taganov A.N. A life dedicated to science. *Book review: The Relay race of generations. Students and colleagues in honor of the anniversary of Professor Zoya Ivanovna Kirnose, ed. by colleagues: V.G. Zusman, K.Y. Kashlyavik, E.A. Sakulina, St. Petersburg: Aleteya, 2024, 532 p., Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities, 2025, iss. 4, pp. 186—190.*

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; одобрена после рецензирования 24.06.2025; принята к публикации 10.08.2025.

The article was submitted 22.05.2025; approved after reviewing 24.06.2025; accepted for publication 10.08.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Taganov Александр Николаевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shishtag@mail.ru, SPIN-код: 8947-6147

Taganov Alexandre Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Professor of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shishtag@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки 2025. Вып. 4. С. 191—197.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 191—197.

Рецензия

УДК 930.2:94(73).091

EDN <https://elibrary.ru/cwjhz>

DOI: 10.46726/H.2025.4.22

“DON’T SHOOT! G-MEN, DON’T SHOOT!”:

**ДЖИМЕНЫ НА СТРАЖЕ «НОВОГО КУРСА» Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА
В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ.**

*Рец. на кн.: Левин Я.А. ФБР и внутренняя безопасность США
в 1908—1941 гг. Самара: СГТУ, 2024. 194 с.*

Кирилл Александрович Юдин

Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново,
Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой рецензию — экспертный отзыв на исследование Я.А. Левина, посвященное истории органов государственной безопасности ФБР США. Показано, что монография обладает ярко выраженной источниковой и историографической новизной, заключающейся в нейтрализации различных «конспирологических» теорий и иных тенденциозных интерпретаций. Использован широкий корпус документов, из которых особый интерес представляют материалы уголовных дел, непосредственно отражавших оперативную деятельность Бюро в обезвреживании «врагов общества № 1». Также обозначены некоторые дискуссионные аспекты, связанные с необходимостью сохранения критического подхода к контрольно-репрессивному функционалу спецслужб, перспективами расширения имагологического подхода для презентации повседневности, менталитета как правительственные агентов, так и представителей криминального мира.

Ключевые слова: Федеральное бюро расследований (ФБР), история США, историография, американстика, кинематограф, имагология

Для цитирования: Юдин К.А. “Don’t shoot! G-men, don’t shoot!”: Джимены на страже «нового курса» Ф.Д. Рузвельта в новейшей историографии. *Рец. на кн.: Левин Я.А. ФБР и внутренняя безопасность США в 1908—1941 гг. Самара: СГТУ, 2024. 194 с.* // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 191—197.

«Джимены» — так назывался американский художественный фильм У. Кейли, точно отразивший официальный сленговый дискурс [Powers: 134; Левин: 89], вышедший на экраны в 1935 г., с быстро приобретавшим популярность актером Дж. Кэгни. Тогда было положено начало если не самостоятельному жанру или направлению, то, во всяком случае, устойчивой кинематографической традиции по презентации деятельности правительенных агентов, сотрудников спецслужб как protagonists, борцов с криминальным миром и иными силами зла, посягавших на мирную жизнь честных граждан и в целом угрожавших национальной безопасности США, препятствовавших реализации желанной “American dream”.

В нуар-стилистике вышли такие картины (если разумно охватывать только близкий хронологический период 1930—1950-е гг.), как «Враг общества» /

“The Public Enemy” (США, 1931, реж. У.А. Уэллмен), «Мэр ада» / “The Mayor of Hell” (США, 1933, реж. А. Майо), «Насаждающий закон» / “The Enforcer” (США, 1951, реж. Б. Виндаст), «Дом на 92-ой улице» / “The House on 92nd Street” (США, 1945, реж. Г. Хэтэуэй), «Он бродил по ночам» / “He Walked by Night” (США, 1948, реж. А. Веркер, Э. Манн), «Я был коммунистом для ФБР» / “I Was a Communist for the FBI” (США, 1951, реж. Г. Дуглас), «Улица без названия» / “The Street with No Name” (США, 1948, реж. У. Кейли), «Кафе на 101-й улице» / “Shack Out on 101” (США, 1955, реж. Э. Дейн), «Система» / “The System” (США, 1953, реж. Л. Сейлер), «Город в плену» / “The Captive City” (США, 1952, реж. Р. Уайз), «История в Феникс-сити» / “The Phenix City Story” (США, 1955, реж. Ф. Карлсон), «Женщина на пирсе 13» / “The Woman on Pier 13” (США, 1949, реж. Р. Стивенсон) и многие другие, погружавшие в атмосферу «ревущих двадцатых» [Левин: 65], как в частности «Ревущие двадцатые» / “The Roaring Twenties” (США, 1939, реж. Р. Уолш) и т. д.

Несмотря на эффективность медиаресурсов, востребованность художественного и документального кинематографа, используемого ФБР в учебных целях для «имагологической стажировки» молодых сотрудников, повышения доверия общественности к работе ведомства, стимулирование сотрудничества с ним для ускорения раскрытия реальных преступлений, научно-историческая рефлексия функционирования Бюро на протяжении всего периода его существования серьезно отставала от образно-визуальной и публицистической коммеморации. Эта удручающая ситуация была обозначена в вышедшем в 2024 г. фундаментальном монографическом исследовании Я.А. Левина. Его основу составил текст одноименной диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенной в 2016 г., а также многочисленные публикации автора за последнее десятилетие, в которых присутствуют уже заметные проблемно-хронологические расширения.

Во введении к монографии Я.А. Левиным убедительно показано, что актуальность продолжения изучения ФБР США в значительной степени обусловлена до сих пор не преодоленной тенденциозностью, историографическими «качелями», допускающими либо идеализацию / романтизацию деятельности спецслужб как спасителей от «красной» и иных угроз, либо, наоборот, конъюнктурную «демонизацию». «Тайную полицию» США по известным причинам неустанно критиковала не только советская историография, но и американская, также проявлявшая склонность к «конспирологическим теориям», особенно после Уотергейтского скандала. Как отметил Я.А. Левин, лишь «к началу 90-х гг. критическое восприятие Федерального бюро расследований <...> постепенно уступило место взвешенному анализу всех направлений этой службы» [Там же: 14, 15], хотя политизированность в оценках еще не была устранена. Исходя из этого вполне обоснованным представляется сосредоточение автора именно на «классическом», «инсталляционном» периоде деятельности ФБР в первой половине XX в., когда происходила еще относительно не затронутая мифологизацией институционализация структурно-функционального облика профессиональной оперативно-силовой юрисдикции.

В первой главе «История создания и основные направления деятельности ФБР» раскрываются причины и обстоятельства появления этого ведомства в 1908 г. Сложившаяся обстановка в США объективно потребовала усиления исполнительной власти, повышения дееспособности министерства юстиции, а также авторитета «“прогрессистской” программы президента Теодора Рузвельта, направленной на борьбу с крупными трестами, являющимися связующим

звеном, а нередко и основным заказчиком незаконных операций между крупными криминальными группами и коррумпированными элементами госслужб» [Там же: 23].

Показывается, что эволюции Бюро расследований на раннем этапе его существования препятствовали практики «финансового ошейка», заключавшиеся в стремлении Конгресса США максимально регламентировать деятельность новой спецслужбы, не допустить ее превращения в тайную полицию с помощью финансовых отчетов [Там же: 26]. Обстоятельно исследуется роль и заслуги генерального прокурора США Ч. Бонапарта в преодолении скептицизма и противодействия со стороны республиканцев-консерваторов и умеренных южан-демократов, видевших в новом федеральном органе угрозу самостоятельности и правам штатов. Ч. Бонапартом была реализована прагматическая стратегия, конвенциональная схема, необходимая для первичной легитимации Бюро: «Прокурор получил свое детективное агентство, полностью подчиненное министерству юстиции, а Конгресс защитил свои интересы, получив службу по сути “беззубую”, не имевшую полномочий расследовать дела в банковской сфере, где осуществляли махинации сенаторы и члены Палаты представителей» [Там же: 41].

Серьезным испытанием для Бюро расследований становится Первая мировая война, атмосфера которой способствовала увеличению оперативной нагрузки и ассигнований на контрразведывательную деятельность данного ведомства с 455 558 долларов в 1914 г. до 1 746 224 долларов в 1918 г. Однако, как отмечает автор, «неопытность, конкуренция с другими службами, коррупция внутри самого Бюро привели его как контрразведывательную организацию к фактическому провалу», поскольку «большинство агентов были либо ставленниками конгрессменов, защищавшими БР в интересах своих покровителей, либо молодыми юристами, попавшими в эту службу, в большинстве случаев, по знакомству и работавшие в ней ради отметки о прохождении юридической практики в органе федеральной власти» [Там же: 54—55].

В то же время революция в России в 1917 г. становится существенным фактором охлаждения российских, затем советско-американских отношений, и, как обосновано показано в исследовании, экспликации «красной угрозы». Конкретные мероприятия БР — «Рейды Палмера» (1919—1921) против «левого фронта» в широком смысле — способствовали, несмотря на очевидные недостатки и просчеты, «перегибы» в работе Бюро, общей репрезентации оправданности миссии данного ведомства, которому стало позволительно релятивное отношение к закону, менявшегося «от беспрекословного соблюдения до полного пренебрежения» в целях обеспечения национальной безопасности. Отмечается, что Бюро не смогло быстро адаптироваться к контрразведывательной деятельности и иногда уступало «конкурирующей фирме» — Секретной службе США, существовавшей еще с середины XIX в. [Там же: 49—50]. В то же время все это компенсировалось не только сохранением основного фронта работы — борьбы с внутренней преступностью, но и ее специфическими проявлениями, связанными с деятельностью иных, не «красных», а «традиционистских» радикалов, в частности, организации Ку-клукс-клан, а также гангстеризмом, бутлегерством после установления «сухого закона».

Другим фактором профессионализации деятельности Бюро расследований, с 1932 г. переименованного в Бюро расследований Соединенных Штатов, становятся «реформы» нового директора — Дж.Э. Гувера, при котором с 1924 г. «на базе бюро проводились многочисленные научные исследования в области

кriminологии и смежных наук», составлена картотека отпечатков пальцев (система идентификации), была отменена система старшинства при продвижении по службе и введен принцип «личной ответственности глав региональных отделений» Бюро» [Там же: 69—71, 73].

Это составило фундамент административно-политических и институциональных мер для «войны с преступностью», рассматриваемых в одноименной *второй главе монографии*, хронологически очерченной 1933—1937 гг. В ней исследуются операции Бюро по обезвреживанию или нанесению «ударов» в виде персональных арестов руководителей крупнейших криминальных структур, действовавших в это время — Бонни Паркера и Клайда Бэрроу, «Пулемета» Келли, банд Диллинжера, Баркера—Карписа, «Корпорации убийств», «Национального преступного синдиката» [Там же: 89—97, 94, 113, 117] и других. Важным методом консолидации общественных сил для совместного противодействия организованной преступности, становится медийная активность БР, связанная с официальным введением дегуманизированного статуса — образа «врага общества № 1». «Врагами общества» стали называть самых жестоких деятелей криминального мира, наподобие «“Малыша” Нельсона» (Лестера Джозефа Джиллиса), мафиози итальянского происхождения Чарльза «Лаки» Лучиано (Лучано) [Там же: 81, 97, 112, 115]. При этом автор соглашается со своими зарубежными коллегами в суждениях о достаточно прагматичном целеполагании директора Бюро Дж.Э. Гувера, стремившегося с помощью имагологических ресурсов завуалировать задержки в решении проблем квалификации агентов, диссонансов расследований в ходе соперничества с полицией, а главное — тяготения к контрразведывательной деятельности.

Это обстоятельно раскрывается в *третьей главе монографии*, посвященной борьбе с «красной» и «коричневой угрозой» [Там же: 122], интенсифицированной в 1936 г., когда Дж. Э. Гувер, опираясь на запросы-поддержки со стороны президента США, издал особый приказ для всех отделений ФБР по сбору сведений, касавшихся «подрывной деятельности, проводимой в Соединенных Штатах коммунистами, нацистами и представителями или сторонниками других организаций, выступающих за насильтственное устранение правительства Соединенных Штатов...» [Там же: 125]. В главе показывается, что июле 1940 г. создается особое подразделение — Специальная разведывательная служба (СРС) [Там же: 144], которая стала реализацией идеи директора ФБР, но в практической деятельности далеко не сразу себя оправдала по уже выше обозначенным причинам недостаточной компетентности агентов для зарубежной работы под прикрытием. Это привело к тому, что другие ведомства, в частности, ВМС США даже по предложению Гувера не желали брать ее под свой контроль, что повлекло бы за собой нежелательное нарушение приоритетов в географии сферы полномочий и мобилизации ресурсов. Поэтому данная структура стала в какой-то степени институционально-символической фигурой, появление которой выступало индикатором соперничества, личной неприязни двух лидеров спецслужб — Дж. Э. Гувера и «Дикого Билла», У. Донована, в это же время назначенного личным координатором президента по информации (разведывательной деятельности).

В то же время, как показывает автор, эволюция оперативного функционала ФБР все же продолжалась достаточно интенсивно, чему способствовали совершенствования документооборота, создание «неофициальной» системы регистрации бланков, приводится статистика о количестве пойманных немецких агентов [Там же: 154, 159]. Очень важным промежуточным выводом можно

считать следующий: «Несмотря на постепенное изменение дипломатических отношений с СССР, “красная угроза” воспринималась администрацией Франклина Рузвельта и ФБР наравне с “коричневой”» [Там же: 158]. Это можно интерпретировать как становление «протохолодного» политico-идеологического климата, считать «генеральной репетицией» и символическим ресурсом для дальнейшей трансформации взаимного восприятия, встречной нацификации / фашизации как способов моральной или политico-идеологической дегуманизации образа «врага номер один» [См. об этом: «Враг номер один»; Юдин 2019, 2024; Имагология Холодной войны; Doherty].

Признавая внушительный вклад автора в изучении данной проблематики, тем не менее нельзя умолчать о некоторых дискуссионных аспектах. Во введении отмечается, что в ходе исследования были использованы и аудиовизуальные источники (кино-, фото-, фонодокументы), но в библиографическом списке они отсутствуют. К сожалению, нет и никаких приложений, в которых приводился хотя бы краткий список основных кинопроизведений (прямо или косвенно упомянутых в монографии [Левин: 63, 159], например, «Рождение нации» / «The Birth of a Nation» (США, 1915, реж. Д.У. Гриффит, «Исповедь нацистского шпиона» / «Confessions of a Nazi Spy» (США, 1939, реж. А. Литвак), так или иначе связанных с историей ФБР, отразивших менталитет, психологию правительственные агентов или деятелей криминального мира. Несмотря на то, что, очевидно, автором не ставилась комплексная задача по воспроизведству культурного, имагологического контекста, некоторые подобные образно-визуальные «расширения» в виде профессиональной, экспертной оценки ярких кинообразов на предмет их соответствия исторической действительности, помогли бы усилить восприятие. Так, кинофильм «Улица без названия» (США, 1948, реж. У. Кейли), выполненный в полудокументальном стиле, после бравурной музыки начинается с пафосного возвзыва-телетайпа директора ФБР Гувера, далее демонстрируются лаборатории, методы тренировки, обучения агентов. В фильме «Сильная жара» / «The Big Heat» (США, 1953, реж. Ф. Ланг) показан страх криминальных элементов перед выдворением из США. Персонаж А. Скурби, гангстер итальянского происхождения М. Лагана, опасается давать лицензию на убийство полицейского, чтобы не усилить гнев общества и не повторить судьбу Чарльза «Лаки» Лучиано (Лучано).

В третьей главе автор приходит к заключению о том, что, по существу, Бюро расследований, затем переименованное в ФБР, стояло не просто на страже «нового курса» Ф.Д. Рузвельта в плане правоохранительного обеспечения имиджа президента как гаранта порядка и спокойствия, но и выполняло политический заказ, собирая по его личному указанию компрометирующие сведения в отношении отдельных лиц и организаций. Это сопровождалось вмешательством в их частную, личную жизнь, проведением проверочно-фильтрационных мероприятий в отношении объединений левого толка в учебных заведениях и т. д. [Там же: 127, 132—133, 156]. Хотелось бы, чтобы прозвучал ответ на вопрос, можно ли подобную активность ФБР все же считать карательной, контрольно-репрессивной деятельностью, от которой страдали и простые американские граждане еще до маккартизма и начала «холодной войны». Представляется, что признание явных негативных сторон ФБР не тождественно возвращению к архаичному «конспирологическому» дискурсу и демонизации этого ведомства, равно как и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД СССР, в которых тоже соединялись амбивалентные функции.

В то же время подчеркнем, что высказанные ремарки совершенно не носят критического и принципиального характера. Напротив, они выражают напутственно-благожелательную сопричастность рецензента к данной проблематике, признание колossalных усилий автора, совершившего интеллектуальный подвиг по обобщению и анализу огромного исторического материала, чрезмерная академическая строгость, вероятно, унаследованная от диссертационного формата, в преподнесении которого является лишь дополнительным критерием и свидетельством профессионализма, добросовестности. Безусловно, увидевшую свет монографию Я.А. Левина следует считать значительным заделом для бурно развивающейся отечественной американистики [Журавлева, Окунь], историографии спецслужб, что вызовет несомненный интерес и резонанс в научном сообществе.

Список литературы / References

- «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода Холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
(“Enemy Number One” in the Symbolic Politics of the USSR and USA Cinematography during the Cold War, ed. by O.V. Ryabov, Moscow, 2023, 400 p. — In Russ.)
- Журавлева В.И., Окунь А.Б. США как нация наций, этническая и культурная мозаика // США в прошлом и настоящем: Pro et contra. М.: РГГУ, 2025. С. 11—222.
(Zhuravleva V.I., Okun A.B. The USA as a Nation of Nations, Ethnic and Cultural Mosaic, USA in the Past and Present: Pro et contra, Moscow, 2025, pp. 11—222. — In Russ.)
- Имагология Холодной войны: «свои» и «чужие» в массовой культуре СССР И США: сборник научных статей / под ред. О.В. Рябова. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2024. 240 с.
(Imagology of the Cold War: “Ours” and “Them” in the Mass Culture of the USSR and the USA. Collection of scientific articles, ed. by O.V. Ryabov, St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University, 2024, 240 p. — In Russ.)
- Левин Я.А. ФБР и внутренняя безопасность США в 1908—1941 гг. Самара: СГТУ, 2024. 194 с.
(Levin Ya. A. FBI and US Internal Security in 1908—1941. Samara, 2024. 194 p. — In Russ.)
- Юдин К.А. «Центр бури»: Маккартизм в американской культуре и кинематографе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 1. С. 44—54.
(Yudin K.A. “The Center of the Storm”: McCarthyism in American Culture and Cinema, Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations, 2024, vol. 29, iss. 1, pp. 44—54. — In Russ.)
- Юдин К.А. Англо-американский кинематограф 1940—1970-х гг. и система государственно-политического контроля США // На пути к гражданскому обществу. 2019. № 1 (33). С. 74—88.
(Yudin K.A. Anglo-American Cinema of the 1940’s — 1970’s and the System of State and Political Control in the USA, Towards a Civil Society, 2019, iss. 1 (33), pp. 74—88. — In Russ.)
- Doherty T. Cold War, cool medium: television, McCarthyism, and American culture. N.Y.: Columbia University Press, 2003, 305 p.
- Powers R.G. G-Men, Hoover’s FBI in American Popular Culture. Chicago: Southern Illinois University Press, 1983, 356 p.

“DON’T SHOOT! G-MEN, DON’T SHOOT!”: G-MEN ON GUARD OF F.D. ROOSEVELT’S «NEW DEAL» IN THE MOST RECENT HISTORIOGRAPHY.

Book review: Levin Ya.A. The FBI and US Internal Security in 1908—1941, Samara: SSTU, 2024, 194 p.

Kirill A. Yudin

Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation,
kirill-yudin.hist@mail.ru

Abstract. The article is a review — an expert opinion on the study by Ya.A. Levin, dedicated to the history of state security agencies — the US FBI. It is shown that the monograph has a pronounced source study and historiographic novelty, consisting in the neutralization of various “conspiracy” theories and other tendentious interpretations. A wide corpus of documents is used, of which the materials of criminal cases that directly reflect the operational activities of the Bureau in neutralizing “enemies of society no. 1” are of particular interest. Some controversial aspects related to the need to maintain a critical approach to the control and repressive functionality of the special services, the prospects for expanding the imagological approach to represent everyday life, the mentality of both government agents and representatives of the criminal world are also identified.

Keywords: Federal Bureau of Investigation (FBI), US history, historiography, American studies, cinema, imagology

For citation: Yudin K.A. “Don’t shoot! G-men, don’t shoot!”: G-men on guard of F.D. Roosevelt’s “New Deal” in the most recent historiography. *Book review: Levin Ya.A. The FBI and US Internal Security in 1908—1941, Samara: SSTU, 2024, 194 p., Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities, 2025, iss. 4, pp. 191—197.*

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 19.09.2025.

The article was submitted 22.06.2025; approved after review 29.08.2025; accepted for publication 19.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Юдин Кирилл Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru, SPIN-код: 3820-1170

Yudin Kirill Alexandrovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of History and Cultural Studies, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation, kirill-yudin.hist@mail.ru

ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»
2025. Вып. 4

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреянова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андреяновой*

Дата размещения на сайте 19.12.2025 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 17,5. 3,9 МБ

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год